

Т.А. БЕРНШТАМ



поморы



А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Т. А. БЕРНШТАМ

поморы

ФОРМИРОВАНИЕ ГРУППЫ
И СИСТЕМА ХОЗЯЙСТВА

Под редакцией
К. Р. ЧИСТОВА



ЛЕНИНГРАД
«Н А У К А»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1978

Монография представляет собой историко-этнографическое исследование беломорских поморов. Основное внимание уделяется проблеме складывания поморской группы на фоне этнической истории Русского Севера и формированию морской промысловой системы хозяйства поморов. Монография написана на основе полевых материалов, собранных автором, архивных источников и других документов.

Издание рассчитано на этнографов, историков, фольклористов и краеведов.

Татьяна Александровна Бернштам

П О М О Р Ы

ФОРМИРОВАНИЕ ГРУППЫ И СИСТЕМА ХОЗЯЙСТВА

*Утверждено к печати Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР*

Редактор издательства **И. Н. Палкина**
Художник **П. П. Кремлев**
Технический редактор **З. А. Соловьева**
Корректоры **Н. В. Лихарева** и **К. С. Фридлянд**

ИБ № 8564

Сдано в набор 13.10.77. Подписано к печати 10.06.78. М-31839.
Формат 60×90^{1/8}. Бумага № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать
высокая. Печ. л. 11=11 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 12.59. Тираж 1600.
Изд. № 6807. Тип. зак. № 823. Цена 1 р. 90 к.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

В сознании любого человека, интересующегося русской историей, слово «помор» вызывает целый круг достаточно определенных, живых и ярких образов и ассоциаций.

Начиная с XVIII в., в большой степени благодаря личности М. В. Ломоносова и его научным трудам, поморы постоянно привлекали внимание русского общества. В течение XIX в., в результате многочисленных описаний путешествий по северу России, специальных трудов и статей по хозяйству, культуре и быту жителей отдельных приморских районов, у русской общественности сложилось представление о поморе как об особом типе русского человека, обладающем особыми чертами характера — предприимчивостью, смелостью, умом, независимостью в делах и суждениях. До сравнительно недавнего времени слово «помор» без четкого определения (иногда применительно к жителям вообще северных районов) употреблялось в работах по русской истории, культуре, фольклору, в публицистических и художественных произведениях. Советские этнографы впервые стали использовать название «помор» в качестве научного термина для обозначения определенной части, или группы, севернорусского населения. И хотя до последнего времени не существовало монографии, посвященной поморам, специальная и художественная литература базируется на общепринятых и в основе своей верных представлениях о поморах.

Так, общим местом является мнение о них как о прямых потомках повгородцев, осваивавших Север и побережья морей с XI—XII вв., благодаря чему они и сохранили многие черты отважных и предприимчивых повгородских землепроходцев.

Известно, что название «Поморье» еще в документах XVII в. стало обозначать всю огромную территорию Русского Севера, и в таком значении оно употребляется в ряде исторических работ до сих пор.

Предполагается, что поморы, как и значительная часть севернорусского населения (в XIX—начале XX в.), в более чистом виде, чем русское население других областей России, сохранили некоторые архаические пласты в социальной организации

(община и «большая семья»), в материальной и духовной культуре (народное искусство, обряды и обычаи, былинный эпос восточного славянства). Наряду с этим в исторических работах успешно разрабатываются вопросы возникновения ранних форм капиталистических отношений в среде промыслового северного крестьянства, в первую очередь поморов, которые к тому же совершенно самостоятельно завладели торговлей с северными странами Западной Европы и активно ее развивали еще в XVI в.

Однако насколько точны эти (и другие) положения, утвердившиеся в исторической и этнографической литературе, как и на какой территории происходил процесс складывания поморской группы в рамках этнической истории всего Русского Севера, что в социально-экономической организации, быту и традиционной культуре поморов является архаизмом, а что — новообразованием, каким образом эти тенденции сосуществовали в хозяйственной и культурной жизни поморов, можно выяснить только в рамках специального монографического исследования.

Подобное исследование может оказаться полезным и в свете разрабатываемой в настоящее время советскими этнографами системы классификации этнических общностей разного порядка, так как поморов (обычно наряду с различными группами казаков и старообрядцев) относят к самым мелким этническим (или этнографическим) подразделениям русских. Необходимо отметить, что классификационное выделение поморов явилось как бы научным оформлением имевшегося еще в дореволюционной литературе представления о поморах и опередило их изучение, так как до недавнего времени не предпринималось монографического обследования поморской группы в целом и не было работ по этнографии и этнической истории севернорусского населения, в среде которого формировались поморы.¹ Вследствие этого существующие определения поморов как группы, данные разными учеными в ряде теоретических и обобщающих работ, имеют некоторые расхождения относительно территории их расселения, специфических признаков материальной и духовной культуры, а также места поморов в системе научной классификации этнических общностей. Так, С. А. Токарев в «Этнографии народов СССР» помещает поморов в разделе «Обособленные этнические группы» (здесь и далее курсив мой, — Т. Б.). *Этнические подразделения* среди северных великоруссов» и далее пишет: «Зато на окраинах коренной русской территории и в местах позднейшей колонизации сложились гораздо более своеобразные и обособленные *культурно-географические* типы русского населения. К числу их принадлежат прежде всего поморы на берегах Белого и Баренцева морей. Это

¹ Venäläinen perinnekulttuuri. Neuvostoliiton Pohjois Euroopan venäläisväestön etnologiaa 1800-luvulta 1900-luvunalkuun. Hämmeenlinna, 1976. (Традиционная культура. Русское население Северной Европы XIX—XX вв. Колл. монография сотрудников ИЭ АН СССР. На финск. яз.).

потомки новгородских и „низовских“ выходцев, появившихся здесь еще в XII в. Попад в непривычные условия, они выработали у себя совершенно своеобразный *культурно-хозяйственный* тип, основанный на преобладании промыслового приморского хозяйства (рыболовство и морская охота); смелые мореходы, предприимчивые промышленники, поморы выделяются и особыми чертами характера, но их материальная культура сохранила чистый северновеликорусский отпечаток.

Выделяются и более мелкие группы того же „поморского“ происхождения: таковы, например, „усть-цилемы“ и „пустозёры“ на Печоре.²

В I томе книги «Народы европейской части СССР» Г. С. Маслова писала о поморах следующее: «Кроме ... крупных этнографических групп и подгрупп, выделяются более *мелкие своеобразные* группы русского населения, имеющие особые названия и самоназвания. Крайний Север — побережья Белого моря — заселяют поморы».³ И. Н. Чебоксаров в одной из своих работ выделяет поморов (наряду с казаками различных районов и т. п.) в качестве «мелкой местной группы» в составе «крупной этнографической группы» в данном случае — северных великорусов.⁴ Более развернутое классификационное определение поморов имеется в совместной работе И. Н. Чебоксарова и И. А. Чебоксаровой: «Северные и южные великорусы — это только основные этнографические и вместе с тем диалектологические группы русского народа. Внутри каждой из них можно выделить еще несколько характерных этнографических групп меньшего масштаба, также обладающих специфическими *культурно-бытовыми особенностями*. Такими этнографическими группами второго порядка являются, например, поморы — рыбаки и мореходы, расселенные по берегам Белого моря».⁵

Таким образом, из приведенных цитат видно, что не существует единого мнения ни о том, к какому типу отнести группу поморов: культурно-географическому или культурно-хозяйственному (С. А. Токарев), ни о их культурно-бытовых особенностях (И. Н. Чебоксаров), ни о их расселении (либо по берегам Белого, либо по берегам Белого и Баренцева морей). Нет четкого представления о степени развития их самосознания и повсеместного бытования в поморской среде самоназвания, о соотношении и связи поморов с «близкими» им группами усть-цилемов и пустозеров на р. Печоре. Ни в одном этнографическом определении поморов не раскрыты особенности их культурно-хозяйственного или

² Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1952, с. 31.

³ Народы европейской части СССР. [Т.] I. М., 1964, с. 145.

⁴ Чебоксаров И. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых. — СЭ, 1967, № 4, с. 95—96.

⁵ Чебоксаров И. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М., 1971, с. 34.

культурно-бытового уклада, выделяемые учеными в качестве признаков поморской группы.

Автор настоящей работы занимается этнографическим исследованием поморов с 1959 г. В процессе изучения этой группы намечались две конечные цели, последовательно связанные друг с другом и включающие ряд проблем: первая — дать полное монографическое описание поморов (истории формирования поморской группы и экономической основы ее существования — системы морского хозяйства, особенностей социально-экономической организации, быта, материальной и духовной культуры); вторая — провести сравнительный анализ группы поморов с другими группами севернорусского (а может быть, и восточнославянского) населения. Выполнение всего этого потребует нескольких специальных работ, в результате которых выяснится роль поморов в русской истории и народной культуре, проявится характер общности поморской группы (и, возможно, других групп, сложившихся в ходе этнической истории Русского Севера), что в свою очередь определит ее место в системе этнической классификации восточного славянства.

В этой работе автор ставит перед собой две самые существенные задачи, связанные с монографическим описанием поморов: а) выявить основные этапы формирования поморской группы в ходе этнической истории Русского Севера; б) показать, как складывалось промысловое хозяйство поморов и охарактеризовать его состояние в XIX—XX вв., а также систему социально-экономической организации. Эти задачи, естественно, не исчерпывают круга проблем, составляющих первую цель — монографическое описание поморов, поэтому для пояснения или подтверждения отдельных положений автор оставляет за собой право использовать собранные им полевые материалы по всем сторонам жизни, быта и культуры поморов, которые частично отражены в вышедших ранее работах.⁶

В основу настоящей монографии положены в первую очередь полевые этнографические материалы, собранные автором в 1959—1961, 1963—1965, 1969—1970, 1972 гг. на семи поморских берегах (см. ниже карту 4). Всего за полевые сезоны обследовано 40 населенных пунктов из 69, 36 из них автор посетил лично, в 4 собран материал путем переписки или встреч с их жителями в других пунктах. Все они — в прошлом крупные поморские селения,

⁶ Берингам Т. А. 1) Рыболовство на Русском Севере во второй половине XIX—начале XX в. (по коллекциям и архивным материалам этнографических музеев Ленинграда). — В кн.: Из культурного наследия народов России. Л., 1972 (Сб. МАЭ, т. XXVIII); 2) Свадебная обрядность на Поморском и Онежском берегах Белого моря. — В кн.: Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974; 3) Традиционный праздничный календарь в Поморье во второй половине XIX—начале XX в. — В кн.: Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Л., 1977. — См. также подготовленные нами разделы «Семья и община», «Рыболовство, промыслы, судостроение», «Водные средства сообщения» в кн.: Venäläinen perinnekulttuuri (с. 42—71, 90—108, 114—120).

большая часть которых функционирует и в настоящее время. В результате автором были собраны материалы почти со всего беломорского побережья, за исключением так называемого Карельского берега, между Кемью и Керетью (этнографическое обследование которого успешно проводилось в 1950—1960 гг. и проводится в настоящее время сотрудниками ИЯЛИ КФАН СССР⁷), и нескольких сел северо-восточного побережья Кольского п-ова и Петнего берега.

Таким образом, в нашем распоряжении оказались достаточно полные полевые данные по этнографии почти всего поморского населения Русского Севера — от г. Мезени до с. Варзуги.⁸ Этот материал представлен в виде полевых — этнографических и фольклорных — записей (письменных и магнитофонных) от местных жителей, фотографий, описаний быта, различных сторон материальной и духовной культуры населения, личных наблюдений автора при непосредственном участии в современной промысловой жизни, имеющей много традиционных черт (рыбный и зверобойный промыслы) и т. д. Разумеется, многое в собранном полевом материале (например, данные об этническом самосознании, обряды, фольклор, народный календарь, традиции в хозяйстве и культуре) может быть отнесено и ко второй половине—концу XIX в., но основным источником для этого и более раннего периода служат полевые материалы, собранные исследователями XIX—первой четверти XX в. (архивные и опубликованные), а также данные государственных и областных архивов.⁹

Проблемы, связанные с этнической историей Севера, формированием поморской территории и этнографической группы поморов потребовали привлечения источников, относящихся к периоду XII—XVIII вв. Многие из них были подробно и неоднократно рассмотрены и использованы в различных исторических и иных работах, но задачи настоящего исследования заставили нас пересмотреть их заново. К их числу относятся летописи, писцовые и переписные книги, актовый материал, северные жития, записки иностранцев, статистические описания и ряд других.¹⁰

⁷ Эти материалы были учтены нами во время работы в г. Петрозаводске в 1970 г.

⁸ АИЭ, к-1, оп. 2, № 871—889, 940—960.

⁹ Гос. архив Архангельской области (далее: ГААО), Центральный государственный исторический архив СССР (далее: ЦГИА СССР), Лен. отделение Архива АН СССР (далее: ЛОААН), Архив Географического общества СССР (далее: АГО), Архив Гос. литературного музея в Москве, Республиканский архив и Архив Института языка, литературы и истории КФ АН СССР в г. Петрозаводске и др.

¹⁰ Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ); Повесть временных лет (далее: ПВЛ); Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией АН. Т. I—II. СПб., 1836—1838 (далее: ААЭ); Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 1. СПб., 1841 (далее: АИ); Дополнения к Актам историческим (далее: ДАН); Сборник грамот коллегии экономии. Т. 1—2. Пг. — Л., 1922, 1929 (далее: СГКЭ), и др.

Основными опубликованными источниками для этнографического изучения поморов в XIX—XX вв. служат ревизии, «Приходские списки» северных губерний, переписи 1891 и 1926 гг., «Исследования о состоянии рыболовства в России» — результаты научной экспедиции по обследованию рыбных и зверобойных промыслов в Белом море и Ледовитом океане в середине XIX в.,¹¹ а также материалы, собранные научно-промысловыми экспедициями под руководством Н. М. Книповича и Л. Л. Брейтфуса, состоявшимися по инициативе Комитета для помощи поморам Русского Севера в 1898—1901 гг.,¹² «Материалы к познанию русского рыболовства» (1911—1915),¹³ «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера»¹⁴ и др.

Среди многочисленных научных трудов и статей середины XIX—XX в., посвященных описанию отдельных сторон материальной и духовной культуры, занятий, социальной и семейной жизни, обрядов и верований севернорусского населения (в том числе и поморского), считаем необходимым отметить лишь некоторые — в первую очередь материалы и исследования П. С. Ефименко и А. Я. Ефименко, Н. Н. Харузина, А. А. Жилинского.

Для исследования некоторых вопросов древнейшей этнической истории Русского Севера в целом в связи с историей освоения его территории славянским и русским населением автором была изучена археологическая, историческая, антропологическая и диалектологическая литература.

¹¹ Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. I—VI. СПб., 1863—1865.

¹² Книпович Н. М. Положение морских, рыбных и звериных промыслов Архангельской губернии. СПб., 1895 и др.; Брейтфус Л. Л. Рыбный промысел русских поморов в Северном Ледовитом океане, его прошлое и настоящее. — Материалы к познанию русского рыболовства (далее всюду: МПРР), т. II, вып. 1. СПб., 1913.

¹³ МПРР, 1911—1915.

¹⁴ Архангельск, 1909—1918 (далее: ИАОИРС).



НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РУССКОГО СЕВЕРА

§ 1. ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТА СЕВЕРА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В IX в. ПРИРОДНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА РУССКИМИ

Формирование севернорусской этнокультурной зоны в европейской части СССР происходило в основном в течение XII—XVII вв. Этот длительный процесс был связан с освоением северной области пришлым, главным образом восточнославянским населением, сыгравшим решающую роль в формировании существующего ныне севернорусского населения. Однако пестрота этнической картины на Русском Севере, которую мы застаем еще в XIX—начале XX в., говорит о сложности этого процесса, в котором в разной степени и на разных этапах участвовали различные этнические общности, сыгравшие определенную роль в складывании традиционной культуры севернорусского населения.

Этническая история Севера еще ждет своих исследователей. Немногочисленность и малая изученность существующих источников по истории Европейского Севера XII—XV вв. — периода, пожалуй, самого важного для понимания сущности, характера контактов и взаимовлияния различных этнических и культурных элементов, участвовавших в сложении того явления, которое называется сейчас «севернорусской культурой», — весьма затрудняет воссоздание этнической истории Севера этого времени. Тем не менее определенная систематизация имеющегося материала необходима хотя бы для того, чтобы нащупать основные тенденции происходившего процесса, преемственность важнейших культурных явлений на отдельных его этапах.

Понятие «Русский Север» употребляется в ряде наук, однако южная граница обозначаемой этим названием территории проводится разными исследователями по-разному и часто — весьма неопределенно. В настоящем исследовании в соответствии с поставленной в первой главе задачей — проследить этническую историю севернорусского населения на путях его движения и выхода к Беломорью — мы проводим южную границу Русского Севера, учитывая в первую очередь этносоциальную историю Восточной Европы и этнографическое членение русского народа. Русским Се-

вером (или просто Севером) мы будем называть территорию, лежащую к северу от той области, которую восточное славянство освоило при расселении в условиях первобытнообщинного строя, до возникновения Русского государства и до того, как часть восточных славян стала осознавать себя русскими, т. е. до середины IX в. Северная граница области доминирования восточных славян (подробнее об этом см. ниже) к IX в. проходила на восток от южной части Чудского озера, пересекала р. Волхов (несколько севернее Новгорода), поворачивала за р. Мстой к юго-востоку и, пересекая верховье р. Волги (восточнее современного г. Калинин), достигала р. Оки западнее Муром. Далее, к востоку, эту границу можно условно продолжить по правому берегу Оки, Волги, по нижнему течению р. Камы, Белой и Уфы до Уральских гор. Однако оговоримся заранее, что границы и этническая история восточной части Севера не являются предметом нашего определения и изучения, поскольку эта область лежит в стороне от движения русского населения к Белому морю. Восточная граница особо интересующей нас западной части Русского Севера условно может быть проведена от слияния Оки с Волгой, через нижнюю Вычегду (западнее Сыктывкара) и по р. Мезени — до Белого моря.

Очерченная нами область осваивалась населением, двигавшимся на север с территории единого, а затем распавшегося на отдельные земли Древнерусского государства. Проведенная нами южная граница западной части Севера на участке Чудское озеро — р. Ока почти полностью совпадает с южной границей северных великорусов по данным диалектологии и этнографии.¹

Период, предшествующий появлению славянского населения на территории Севера, в частности в приполярной морской зоне, очень велик — от VII—V тысячелетий до н. э. до IX в. Основным источником по истории этого периода являются данные археологии, но которыми можно проследить в самых общих чертах историю освоения человеком бореальных районов. Изложим кратко эти данные.

Археологи предполагают, что первоначальное проникновение первобытных жителей в Заполярье относится к эпохе палеолита (Бызовая и другие стоянки на нижней Печоре). Однако постоянным населением этого края стали, по-видимому, только охотники мезолита, поселившиеся здесь в VII—V тысячелетиях до н. э. На северо-западном побережье Кольского п-ова стоянки этой эпохи сходны с памятниками Комсо-культуры Норвегии и Аскола-культуры Финляндии и Карелии, а восточные стоянки — с памятниками южного побережья Белого моря и печорского Заполярья. В свою очередь материальная культура населения последнего

¹ Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1952, карта на с. 28, с. 30—31, 51, 69—70.

района была, по-видимому, близка к материальной культуре жителей Волго-Окского междуречья.²

Ко времени неолита (IV—начало II тысячелетия до н. э.) появляются целые цепи стоянок по северным рекам и, что нас особенно интересует, — в устьях рек, впадающих в Белое море, и на самом беломорском побережье. Наличие на этих стоянках (как и по всему Северу) ямочно-гребенчатой керамики свидетельствует, по мнению археологов, о продвижении значительных масс волго-окских племен на север, вплоть до Белого моря. Поселения и культурный инвентарь всех неолитических стоянок Севера весьма сходны, но известные отличия дали основание археологам сгруппировать их в две археологические культуры под названиями «каргопольская культура» и «беломорская культура» (стоянки Пенкса, Красная Гора, Яренга, Кузомень, Зимняя Золотица, Кузнечиха на побережье Белого моря).³ Расположение стоянок обеих культур на реках, озерах, а второй — и на морском побережье, а также их инвентарь (гарпуны, крюки, подвески для сетей, остатки речных заграждений типа заколов, наконечники стрел и копий), остатки костей рыб и животных, полное отсутствие каких-либо сельскохозяйственных орудий говорят о рыболовстве и охоте как об основных занятиях местного населения. Главное различие между двумя культурами состоит в том, что, несмотря на большое количество обнаруженных археологами стоянок «беломорской» археологической культуры, ни на одной из них не найдено даже следов жилища, в то время как в районе Каргополя открыта землянка эпохи неолита, а на Сев. Двине — наземное срубное жилище эпохи бронзы. По предположениям археологов, южные стоянки Белого моря были сезонными стоянками охотников и рыболовов, приходивших на морской берег только для морских промыслов; на зиму они возвращались в свои постоянные поселения. На дюнных стоянках найдено огромное количество кремневых наконечников стрел, скребков, служивших, видимо, наряду с ножами для разделки и обработки животных и рыб, а также своеобразные, характерные только для беломорского района кремневые наконечники гарпунов «беломорского типа», являвшихся главным орудием промысла на морских зверей — тюленя, белуху, возможно моржа. На территории Кольского п-ова в это время сложилась самобытная культура с оригинальными охотничье-рыболовными орудиями из кварца, горного хрусталя и халцедона.

На базе этих культур продолжали развиваться жизнь местных насельников и их контакты с новой волной пришедшего населения в последующую эпоху бронзы — середины II—начала I тысяче-

² Гурина Н. Н., Хлобыстин Л. П. Заселение Арктики. — Тез. докладов на сессии и пленумах, посвященных итогам полевых исследований в 1971 г. М., 1972, с. 32.

³ См.: Наш край в истории СССР. Изд. 2-е. [Архангельск], 1974, с. 5.

летия до н. э. Археологи считают, что значительная часть Севера, в том числе южных, юго-восточных и восточных районов беломорского побережья, была в то время населена прафинно-уграми. Археологические находки на территории Кольского п-ова, сходные с подобным материалом эпохи бронзы, открытым на территории Норвегии, Финляндии и Северной Карелии, предположительно связываются с протосаамами.

Ценнейшим памятником первобытной эпохи являются петроглифы, которые обнаружены и в пределах территории Поморья — в низовьях р. Выг и ее притоков. Эти сокровища культуры древнего населения Севера отразили определенный уровень его общественного и религиозного сознания. Прочтение петроглифов представляет в настоящее время особую область изучения, в которой участвуют представители ряда смежных наук, выдвигающих весьма спорные и часто взаимоисключающие объяснения смысла наскальных изображений, так что по ним можно судить с уверенностью пока лишь об объектах промысла, орудиях и приемах охоты, а также о некоторых особенностях изобразительного творчества. Петроглифы порождали немало толкований и об этническом лице населения, их оставившего. В. И. Равдоникас первым из исследователей петроглифов пришел к мысли об определении этнической принадлежности оставивших их племен через «сравнительный анализ изображений Северо-Запада СССР со всеми другими группами наскальных изображений Северо-Запада Европы»,⁴ на широком историческом фоне и во взаимосвязи с аналогичными памятниками (или тождественным им археологическим материалом). В данной связи интересна его попытка использования саамских параллелей для интерпретации онежских и беломорских петроглифов.

Теоретическое осмысление добытого материала и дальнейшие полевые работы со строго проверенными и методически оправданными этнографическими сопоставлениями может дать бесценный материал, в частности и для реконструкции этнической картины эпохи неолита и бронзы как на территории Севера и Северо-Запада в целом, так и в районе Беломорья.

Памятников эпохи железа, относящихся ко времени с середины I тысячелетия до н. э. до начала I тысячелетия н. э. (т. е. непосредственно предшествующему складыванию современных северных народов и появлению русского населения), в приморских районах обнаружено пока чрезвычайно мало. Судя по археологическому материалу (приземистые шаровидные горшки со шнуровым и валикообразным налпным орнаментом), найденному на поселениях этого периода в Подвинье и на Мезени, возникло предположение, что сюда проникли племена ананьинской куль-

⁴ Равдоникас В. И. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Ч. 2. Наскальные изображения Белого моря. М.—Л., 1938, с. 21.

туры, достаточно хорошо изученные в бассейне Камы и Вятки.⁵ Известно, что они в VIII—III вв. до н. э. имели довольно развитое хозяйство, сочетающее примитивное земледелие и животноводство с охотой и рыболовством. Возможно, именно от них северное население впервые заимствовало некоторые навыки в земледелии.

Археологические данные позволяют сделать вывод об относительно высоком развитии хозяйства, культуры и искусства местного северного населения в «дославянскую» эпоху: в отдельные периоды большую роль играл морской промысел рыбы и зверя, речное и озерное рыболовство, повсеместно усложнялись орудия труда, появились зачатки земледелия, складывалась довольно сложная система мифолого-магического мироощущения, отраженная в памятниках искусства. Все это нельзя не учитывать, приступая к периоду, положившему начало освоению края восточнославянским населением.

Этот период, когда в лесной зоне Восточной Европы, сначала на южной ее окраине, а затем и в непосредственной близости с Севером (по данным письменных источников), фиксируется славяноязычное население, охватывает время с IV по X в. н. э. Основным источником по этногеографии Севера в этот период является древнерусский летописный свод *Повесть временных лет*, дающий возможность воссоздать этнокарту Восточной Европы в VIII—X вв.; сопоставление же Повести с другими источниками позволяет осветить этническую историю и более раннего времени. Так, отдельные сведения по этногеографии Севера имеются в трудах античных (Птолемей, Тацит) и ранневизантийских (Иордан, Прокопий) авторов, в западноевропейских хрониках и скандинавских сагах, в трудах арабских ученых и путешественников-купцов. Однако все эти источники, равно как и данные археологии и языкознания, будут привлекаться нами лишь в той мере, в какой будет необходимо дополнить или прояснить историческую, этносоциальную и культурную ситуацию на Севере к моменту начала освоения его русским населением, воссоздающуюся на основе *Повести временных лет*.

Археологические памятники в южных районах Севера, примыкающих к древнему балто-волжскому торговому пути, довольно многочисленны, их исследование приводит к выводам, в основных чертах подтверждающим данные Повести. Археологические памятники, открытые на территории севернее верхней Волги и датирующиеся IV—X вв. н. э., изучены и систематизированы недостаточно для использования их в качестве самостоятельного и полноценного источника по этнической истории этого региона Севера.

Вопрос о происхождении дорусской топонимии Севера имеет длительную историю. Большой вклад в воспроизведение этнолингвистической карты Севера внесли русские и советские финно-угро-

⁵ Наш край в истории СССР, с. 11.

веды XIX—XX вв. — А. Х. Востоков, А. И. Шегрен, М. А. Кастрен, М. П. Веске, М. Фасмер, А. К. Матвеев, Б. А. Серебренников и др. Дискуссия о субстратной топонимии Севера продолжается до сих пор. Пока, по утверждениям лингвистов, считается доказанным, что последний по времени пласт субстратной топонимии в западной части Севера (до прихода туда носителей славянской культуры) образуют прибалтийско-финские и саамские элементы,⁶ а в бассейнах рр. Вычегды и Мезени (и восточнее) приходится считаться с наличием субстратной топонимии восточнофинского (пермского), угорского, а в отдельных местностях и самодийского происхождения.⁷

Первая более или менее отчетливая этнокарта южной части Севера может быть реконструирована сопоставлением данных Повести временных лет со сведениями, содержащимися в известном произведении Иордана «Getica» (VI в.). В отрывке, где упоминаются п славяне — *venethi*, живущие в южной части лесной зоны, Иордан повествует о событиях третьей четверти IV в. н. э. и последовательно перечисляет этнонимы: *Thiudos*, *Vas*, *Merens*, *Mordens* и т. д., завершающиеся балтийским этнонимом *Coldas*.⁸ Они вполне соответствуют названиям народов, известных и ранним русским летописным сводам на Балто-Волго-Окском озерно-речном пути: чудь, весь, меря, мордва,⁹ и на средней Оке: голядь (народ) и Колтеск (город).¹⁰ Анализ же некоторых этнонимических определителей в перечислении Иордана, например важного для нас *Thiudos Inaunxis*, в сопоставлении с топонимическими данными делает весьма убедительным предположение, что чудь (*Thiudos* Иордана) занимала область в южном Приладожье и Прионежье.¹¹

Сопоставление данных Повести временных лет с другими источниками позволяет считать, что отдельные группы исторических славян появляются вблизи южных границ Севера не ранее VII в., но и не позднее начала VIII в.¹² Самыми северными группами

⁶ Матвеев А. К. Из истории изучения субстратной топонимии Русского Севера. — В кн.: Вопросы топонимистики, № 5. Свердловск, 1971 (Учен. зап. Уральского ун-та им. А. М. Горького, вып. 18, № 114).

⁷ Афанасьев А. П. Заселение бассейна Мезени в XV—XVII вв. Автореф. дис. М., 1973.

⁸ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica*, 116. М., 1960, с. 89, 150; комментарии Е. Ч. Скржинской, с. 265; Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970 [Матер. и исслед. по археологии СССР (далее: МИА), № 163], с. 48, рис. 16; Mačinskij D. A. Die älteste zuverlässige urkundliche Erwähnung der Slaven. — *Ethnologia Slavica*, 1974, VI, p. 51—70.

⁹ ПВЛ, I. М.—Л., 1950, с. 10, 11, 13.

¹⁰ Иордан. Указ. соч., Комментарии, с. 265.

¹¹ Бернштам Т. А. О роли верхневолжской колонизации в освоении Русского Севера (IX—XV вв.). — В кн.: Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973, с. 9—10.

¹² Мачинский Д. А. К вопросу о территории обитания славян в I—VI веках. — Археол. сб. Гос. Эрмитажа, 1976, № 17, с. 95—100, рис. 6.

славяни были *полочане* па р. Полоте, *кривичи* (вероятно, общее наименование славяно-балтского населения, жившего в верхнем течении Зап. Двины и Волги) и *вятichi*, занимавшие верхнее и частично среднее течение Оки. Отметим, что эти три группы при своем движении па Север не вышли за пределы большой зоны (восстанавливаемой топонимическим исследованием),¹³ которую в предшествующее время занимало балтское, а в отдельных местах и па определенных этапах — балто-славянское и праславянское население.¹⁴ И только одна северная группа — *словене* — проникла на территорию, занятую западнофинским населением, осев вокруг оз. Ильмень. Необходимо подчеркнуть, что летописец, подробно отмечающий расселение славянских и неславянских «племен» по рекам и озерам, ничего не сообщает о распространении словен по р. Волхову и в районе оз. Певе (Ладожского), из чего можно заключить, что они занимали в то время только земли в верховьях Волхова.

Северными и восточными соседями словен были *чудь*, занимавшая земли по восточному побережью Рижского и южному побережью Финского залива, *водь* — к юго-востоку от Финского залива, *весь* — на Белоозере. За землями веси шел сплошной массив неславянских племен: *меря*, обитавшая в районе Волго-Окского междуречья, *мурома* и *мещера* — в нижнем течении р. Оки, *мордва* — к юго-востоку от мещеры и *черемисы* — к северо-востоку от впадения Оки в Волгу.

Подчеркнем, что в ряду земель, примыкающих с севера к территории расселения словен, остаются пустующими южное Приладожье и основное течение р. Волхова. Обратимся к летописи. Летописец не сообщает, где «сидели» «варяги из-за моря», взимавшие дань с местного населения (и прогнанные им «за море» же).¹⁵ Археологический же материал ранних слоев Старой Ладogi, а также могильников и отдельных захоронений по р. Волхову, в которых имеются предметы и целые комплексы скандинавского происхождения,¹⁶ дает возможность предположить, что варяги были именно в этом районе — в юго-восточном Приладожье и по р. Волхову.

¹³ Седов В. В. Указ. соч., рис. 1, 3.

¹⁴ Мачинский Д. А. Указ. соч., с. 99—100, рис. 6.

¹⁵ ИВЛ, I, с. 18.

¹⁶ Raudonikas W. I. Die Normanen der Wikingerzeit und des Ladogagebiet. Stockholm, 1930; Тухтина Н. В. Об этнической принадлежности погребенных в сопках волховского типа. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 188—193; Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения. — В кн.: Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970, карты 1 и 2; Корзухина Г. Ф. 1) О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладogi. — Сканд. сборник, т. XVI. Таллин, 1971, с. 123—131; 2) Курган в урочище Плакун близ Ладogi. — КСИА, 1971, вып. 125, с. 59—64.

Следующий ряд северных «народов» располагался к северу от Балто-Волжского пути. Среди них наиболее таинственной является *заволочская чудь* (лишь однажды упомянутая Повестью), которая занимала некую область Заволочье, лежавшую к востоку от системы волоков, соединявших бассейны рр. Невы, Волги, Сев. Двины и Онеги в районе Белого и Кубенского озер, и куда впоследствии отправятся за данью русские князья и дружины. Ряд сопоставлений¹⁷ позволяет считать, что заволочская чудь, обитавшая в бассейне р. Ваги и в среднем течении Сев. Двины, представляла собой финноязычное население, родственное белозерской *веси* и *еми* (*ями*), расселившейся к северу от Онежского озера — до нижнего течения Сев. Двины (в частности, по р. Емце). В бассейне р. Вычегды известно население под названием *пермь* (рега шаа — «дальняя земля»), а в бассейне р. Печоры — *печора*. Югра локализуется исследователями русских летописей в Приуралье, однако ряд других источников позволяет высказать дополнительные соображения. Сообщение арабских писателей X в. о том, что к северу от волжских болгар живет народ «вису» (весь?), еще севернее — народ «йура» (югра?),¹⁸ за которым находится «страна мрака», хорошее знакомство русских с этнонимом *югра* уже в XI в.,¹⁹ а также угорские топонимы в бассейне р. Мезени дают основание предположить, что отдельные группы югры расселились значительно западнее Приуралья. Севернее югры, в тундре, обитала *самодь* (ненцы). По сведениям летописей, на Карельском перешейке и к северу от Ладжского озера жила *корела*, а к северу от Онежского озера и по западным берегам Белого моря — *лоль* (саамы).

С северными группами саамов на побережье Белого моря, вероятно, входили в соприкосновение норвежские викинги, появление которых в этих местах в конце IX—X в. отмечается западноевропейскими источниками (записки короля Альфреда с рассказом о плавании Отера в конце IX в., сообщения Саксона Грамматика начала XIII в., некоторые саги). Изучение этих источников привело в настоящее время всех исследователей к согласному мнению, что Биярмия скандинавской традиции территориально не совпадала с Перемью (Пермью) русско-финской традиции. Отер, первым из викингов посетивший Беломорье, назвал жителей прибрежной полосы *terfinni*, т. е. «лесными финнами», соседнее с ними население, сходное с терфиннами по языку, но отличающееся по образу жизни, — *beornas*, а местность, которую оно заселяло, — *Beregne*, или *Bergne*. Поскольку германцы и скандинавы еще с I в. н. э. называли саамов финнами, а приставка *ter-* переводится как «дерево», то название *терфинны* является эквивалент-

¹⁷ Васильев Ю. С. Об историко-географическом понятии «Заволочье». — В кн.: Проблемы истории феодальной России. Л., 1971, с. 103—109.

¹⁸ Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М., 1967, с. 61—67.

¹⁹ ИВЛ, I, с. 10, 167, 197.

том славянского этнонима «лонь лешая», которым обозначались в то время отдельные группы саамов. Слово Тег задержалось в местной топонимии и стало названием части северо-западного побережья Белого моря — Терский берег. Слово *Berge* (*Berg*, древнегерм. — «береговая полоса»), тоже обозначающее некую прибрежную²⁰ территорию, хотя и не оставило следов в местной топонимии, но предположительно может быть связано с побережьем Кандалакшского залива, а в биармийцах Отера естественное всего видеть какие-то группы саамов. По другим сагам, название Биармия связывается, видимо, с широким течением Сев. Двины (*Vina*)²¹ и «Двинским лесом» (*Vinuskorg*), где на западном берегу реки якобы произошло знаменитое ограбление храма Йомалы (Стурлугсага). Вопрос об этническом лице населения этой области остается открытым. Хотелось бы отметить, что арабские писатели того же времени, видимо, также имели какие-то сведения о появлении викингов на Крайнем Севере: «За страну юра (югра? — *Т. Б.*) находятся береговые люди (разрядка наша, — *Т. Б.*), они плавают без нужды и цели, а лишь для прославления самих себя, что вот, мол, они достигли такого-то и такого-то места ... вот едут они на кораблях по морю и вот встретились два корабля, привязывают их обоих моряки один к другому, обнажают мечи и сражаются; кто остался победителем, тому и владеть обоими кораблями».²² Текст, как говорится, в комментариях не нуждается.

Итак, отметив некоторые этапы древнейшей истории Севера и обрисовав в самых общих чертах его этническую карту к IX в., мы вплотную подошли к основной задаче настоящей главы — показать процесс превращения огромной части Евронейского Севера в Русский Север, т. е. историю освоения и заселения его восточнославянским (русским) населением. И в первую очередь, как нам кажется, необходимо остановиться на причинах, вызывавших неоднократные движения (переселения) различных групп народов из более южных областей на суровый Север.

Прежде всего следует отметить потребность, лежащую в основе человеческой природы и толкавшую определенные группы людей к передвижению, — потребность жить независимо в социальном и хозяйственном отношении. Присущая человеку как виду высокая приспособляемость даже в чрезвычайно трудных условиях позволяла отдельным группам людей издревле заселять приполярные области. В связи с особенностями развития производительных сил на разных этапах истории человечества, в данном случае — в Восточной Европе, эта потребность реализовывалась по-разному. Возможно также допустить, что в древ-

²⁰ Тпандер К. Ф. Поездки скандинавов в Белое море. — Зап. ист.-Фил. фак. СПб. ун-та, 1906, т. XXIX.

²¹ Рыдзевская Е. А. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе. — КСИИМК, 1945, вып. XI, с. 64.

²² Цит. по: Заходер Б. И. Указ. соч., с. 68.

нейший период (как, впрочем, и в более позднее время) движение людей на Север подогревалось легендами о незаселенных землях, изобилующих зверем, птицей и рыбой, тем более что таежные и приморские районы давали известные основания для подобных легенд (вспомним летописные свидетельства о белках и оленях, «падающих с неба»).

Достоверно и то, что внутренняя потребность человека к передвижению, особенно на ранних этапах истории Европы, регулировалась природными и климатическими условиями. Так, первое проникновение человека на Крайний Северо-Запад Европы связано с отступлением ледника и смещением на север растительных и животных зон Центральной Европы, а массовое заселение Севера и расцвет промысловой культуры на побережье Ладожского озера и Белого моря падает на эпоху климатического оптимума (III тысячелетие до н. э., когда хвойно-березовые леса с примесью липы, дуба и вяза росли на беломорском побережье)²³ и на следующий за ним период — первую половину II тысячелетия до н. э.

Позднее среди причин, вызывавших передвижение населения на Север, начинают преобладать причины, связанные с обострением взаимоотношений между различными народами и «племенами». Если дальнейшими исследованиями подтвердится предположение о продвижении на Север «анапийцев» раннежелезного века, то этот факт вполне можно рассматривать как первый результат «давления степи», т. е. регулярно повторявшихся каждые 200—300 лет начиная с VIII в. до н. э. вторжений новых волн кочевников из Азии, приводивших к очередному потрясению сложившихся условий жизни в среде земледельцев и скотоводов европейской степи и лесостепи. Вероятно, этот же фактор наряду с другими причинами вызвал и движение славян к северу в VII в. н. э., поскольку именно тогда активно наступали на славян авары, протоболгары²⁴ и хазары.

Однако в силу каких-то причин проникновение славян на Север было приостановлено почти на три века (VIII—X вв.). В первую очередь естественнее всего искать одну из причин остановки славян в природных условиях Севера. Действительно, если считать, что растительные и почвенные зоны в VIII—IX вв. примерно соответствовали современным, то надо отметить, что словене и кривичи остановились как раз на южной границе таежной зоны. Однако две другие группы славян — полочане и вятичи — «осели на землю», не достигнув южного пограничья тайги. Все четыре группы не достигли границы между дерново-подзолистыми и подзолистыми почвами (а почвенная зона особенно важна для земледельцев), проходившей значительно се-

²³ Савватеев Ю. А. Рисунки на скалах. Петрозаводск, 1967, с. 117—118.

²⁴ Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. Л., 1968 (МИА, № 152), с. 14—15.

вернее — от впадения р. Свирь в Ладожское оз., через Белоозеро, к верховьям Сухоны и Юга.²⁵ Следовательно, природные условия не были главным и единственным препятствием для продвижения славян в северные районы.

Думается, что таким барьером явился массив финноязычного населения, занимавшего, по крайней мере с IV в. (Иордан), земли на основной магистрали Балто-Волжского торгового пути. Эти группы финского населения, достигшие к моменту появления славян довольно высокого уровня хозяйственного и социального развития,²⁶ представляли собой крупные стабильные союзы племен, ничем не уступавшие славянским союзам. Единственное изменение в этнокарте этого региона, происшедшее с IV по IX в., внесли в VIII в. скандинавы, своим появлением на Волхове и Ладоге как бы разрезавшие единый массив чуди (Thiudos) на чудь прибалтийскую и чудь заволочскую. Продвижение славян через земли родственных им балтских и славяно-балтских племен было легким, и в районе, более удаленном от Балто-Волжского пути, славяне даже продвинулись в глубь финских племен. Но для дальнейшего освоения Севера требовалось создание более мощной этносоциальной организации, чем союзы финских племен (западных и поволжских) и приладожская группировка, возглавляемая скандинавами. Таким организмом явилось Древнерусское государство, сложившееся во второй половине IX в., а к концу X в. настолько окрепшее, что уже с XI в. начинается новый, «государственный», этап освоения восточным славянством (русскими) Севера, включение местных народов в состав Русского государства и частичная их ассимиляция.

В условиях классового общества возникли разнообразные (и взаимосвязанные) формы колониационного русского движения — княжеско-феодалная, крестьянская, монастырская, боярская, о характере, значении и хронологической последовательности которых в исторической науке до сих пор не существует единого мнения. Заселение русскими Севера в период государственности хотя и стало носить более социальный характер, тем не менее продолжало стимулироваться и старыми причинами, о которых говорилось выше, например «давлением степи», особенно влияющим на массовую миграцию населения.

Заселение, социально-экономическое развитие отдельных северных регионов и всего Русского Севера в течение XII—XVIII вв. в основном исследуется историками, а также лингвистами и антропологами, внесшими большой вклад в изучение этой огромной области. Задачи настоящей работы обуславливают интерес автора к двум группам конкретных проблем в истории Се-

²⁵ Тушинский Г. К., Давыдова М. И. Физическая география СССР. М., 1976, карты на с. 76—77, 98—99.

²⁶ Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971, с. 44—47, рис. 21, 23, 24.

вера: 1) определение тех исходных территорий, тех русских земель, откуда шло заселение Севера, выяснение этнического состава и культурных традиций переселенцев и соотношения различных колонизационных потоков; 2) выяснение обстоятельств выхода русских на побережье Белого моря, а также причин и условий, способствовавших возникновению здесь к началу XVI в. специфического морского рыболовно-зверобойного хозяйства. Намеченные нами проблемы отнюдь не новы в исторических науках. Как правило, их рассмотрение и решение отдельных вопросов ведется с позиции безоговорочного признания этнокультурного и административного доминирования новгородской колонизации на ранних этапах русского освоения Севера — в XI—XV вв.²⁷ Широко распространено мнение, что «шизовская» колонизация из Верхневолжского бассейна началась только с середины XIV в. и продолжалась вплоть до присоединения Новгорода со всеми его землями к Москве в конце XV в. Лишь некоторые исследователи признают равную роль новгородской и «шизовской» колонизаций с XII в.²⁸

Не оспаривая выдающейся роли, которую сыграл Великий Новгород в освоении Севера, в процессе складывания севернорусского населения (в том числе и поморского) и его культуры, мы сосредоточим внимание на двух факторах, пока недостаточно оцененных исследователями Севера, но весьма важных как для понимания процесса заселения Русского Севера в целом, так и беломорского побережья в частности. Первый фактор — особая роль Ладоги и примыкающей к ней области в освоении отдельных северных районов, и в том числе побережья Белого моря; второй — значительная роль русского и иноязычного населения Верхневолжского бассейна в колонизации бассейна Сев. Двины (а возможно, и других районов) в течение XII—середины XIV в.

§ 2. РОЛЬ ЛАДОГИ В РАННЕМ ПРОНИКНОВЕНИИ СЛАВЯН НА СЕВЕР

Обычно роль Ладоги в процессе освоения русскими Севера не выделяется в отдельную тему, а рассматривается в общем русле потока новгородской колонизации, поскольку Ладога, как правило, считается с момента своего основания лишь одним из городов Новгородской земли. Однако такой крупный знаток древнерусской истории, как А. Н. Насонов, настаивает на особой и самостоятельной роли, которую сыграла Ладога в освоении Севера

²⁷ История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. II. М., 1966; Данилова Я. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955, с. 204—297; Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в. Вологда, 1976, с. 36 и др.

²⁸ Токарев С. А. Указ. соч., с. 31.

на раннем этапе.²⁹ Считая это мнение А. И. Насонова совершенно справедливым, мы постараемся развить его мысль, дополнив отмеченные им факты некоторыми новыми наблюдениями, и на основе всего этого попытаемся воссоздать в общих чертах историю самостоятельного проникновения ладожан на Север и определить характер их участия в более широком новгородском потоке переселенческих движений.

Кто были первые насельники ладожского «земляного городища» — неукрепленного поселения на левом берегу Волхова, в 12 км от Ладожского оз., оставившие «большие дома» первого строительного горизонта VIII в., археологи до сих пор затрудняются сказать. В культурном слое середины VIII—середины IX в. найдены многочисленные предметы скандинавского и западноевропейского происхождения, в том числе деревянная палочка с рунической надписью (поэтический текст магического характера) — одной из трех известных нам подобных рунических надписей первой половины IX в. скандинавского происхождения. К этому же времени относится скандинавский могильник на правом берегу Волхова с захоронениями мужчин и женщин в ладьях.³⁰ Сопоставление именно этих данных с «летописной» этнокартой IX в. заставило нас, как было сказано выше, рассматривать Ладогу как территорию, захваченную варягами, откуда они взимали дань с местного населения. Примерно в середине IX в. на поселении произошел сильный пожар, который, возможно, был связан с изгнанием варягов в это же время «за море» словенами и их союзниками.³¹ По свидетельству ряда летописей, именно в Ладоге (а не в Новгороде), находившейся в тот момент в руках словен, сел в 862 г. князь Рюрик, построил здесь укрепление,³² а потом уже перебрался в Новгород. В 922 г., как сообщает Новгородская летопись, в Ладогу вернулся из Киева и был здесь похоронен князь Олег. Судя по археологическим данным, в конце IX—начале X в. открытое поселение в Ладоге подвергается перепланировке: возникает уличная система с небольшими домами, позднее ставшая характерной уже для Новгорода и ряда северных русских городов; на мысу около поселения возводится крепость. Археологический материал свидетельствует о бесспорном преобладании славянского населения в Ладоге в X в.³³

²⁹ Насонов А. И. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, с. 69, 70, 79, 80, 93, 113, 115.

³⁰ Корзухина Г. Ф. 1) О некоторых ошибочных положениях; 2) Курганы в урочище Плакун близ Ладоги.

³¹ Корзухина Г. Ф. О времени появления укрепленного поселения в Ладоге. — СА, 1961, № 3, с. 76—84.

³² Ипатьевская летопись, Радзивилловский список и список Моск. духовной академии (см.: ИСРЛ, т. I, Лаврентьевская летопись. Л., 1926, с. 19—20; ПВЛ, II, с. 244—245); Приселков М. Д. Троицкая летопись. М.—Л., 1950, с. 58, примеч. 3.

³³ Корзухина Г. Ф. О времени появления...

Сообщение Повести временных лет о походе Ольги в 947 г. в Новгород, откуда она «устанавливала» погосты, дани и оброки по Мсте и Луге, говорит о том, что в середине X в. область ильменских словен, включавшая земли к северо-западу и востоку от Ильменя, находилась в новгородском управлении. Земли же, лежавшие к северу по р. Волхову, о котором в данном тексте летописи не упоминается, видимо, подчинялись не Новгороду, а скорее всего Ладоге. В скандинавских сагах имеется рассказ о сожжении в 997 г. ладожской крепости норвежским викингом Эйриком и попутно сообщается, что Альдейгьюборг (скандинавское название Ладоги) находится в земле «конунга Вальдемара» (Владимира),³⁴ т. е., как отмечал А. Н. Насонов, Ладога была подчинена Киеву, где княжил Владимир, а не Новгороду, где сидел его сын Ярослав.³⁵

В 1020 г. условием брака между Ярославом и Ингигерд (Ириной) был договор, по которому Ярослав отдавал в управление двоюродному брату жены, ярлу Рогнвальду, Ладогу и «то ярлство, которое к нему принадлежит», т. е. ту землю, которая традиционно управлялась из Ладоги³⁶ и, судя по археологическим данным, занимала нижнее течение Волхова и юго-восточное Приладожье.³⁷ С этого времени Ладога становилась официально «северными воротами», через которые на Русь и из Руси, с обязательной остановкой здесь, проезжали «высокие гости» — послы, купцы, наемные дружины. С 1030 г., после смерти Рогнвальда, Ладожской землей управляет его сын Эйлиф, по крайней мере до 1034 г., так как дата его смерти неизвестна. В 1043 г. Харальд Хардрад с женой Елизаветой (дочерью Ярослава) покунают в Ладоге морской корабль и плывут на нем через Балтийское море в Норвегию. С того времени до конца XI в. о Ладоге ничего не сообщают ни русские летописи, ни скандинавские саги. А. Н. Насонов полагает, что Ладога уже в 1040-е годы была подчинена Новгороду,³⁸ однако оснований для подтверждения такого положения, как нам кажется, нет. Так, следующее после 922 г. свидетельство русской летописи о Ладоге относится к 1105 г. («того же лета идонша в Ладогу на воину»),³⁹ и с этого времени упоминания о Ладоге становятся постоянными в новгородском летописании. Думается, что «война в Ладоге», предпринятая новгородцами во главе с Мстиславом, и была поворотным пунктом в истории Ладоги — потерей ее самостоятельности. Сначала Ладога и под властью Новгорода сохраняет некоторую независимость (в ней сидит по-

³⁴ Рыдзевская Е. А. Указ. соч., с. 54—55.

³⁵ Насонов А. Н. Указ. соч., с. 70.

³⁶ Рыдзевская Е. А. Указ. соч., с. 58—63.

³⁷ Raudonikas W. Op. cit.; Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А. Указ. соч., с. 243, карта 2.

³⁸ Насонов А. Н. Указ. соч., с. 79, 115.

³⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 19, 203.

садник, она наряду с Новгородом обносится каменной стеной), но постепенно значение ее в политической жизни Новгородской земли уменьшается. Однако до середины XV в. Ладога иногда самостоятельно, иногда вместе с Новгородом отражает военные походы (морские и сухопутные) северо-западных соседей Новгорода — шведов с их союзниками, еми и др. В XIV—XV вв. весь поток новгородской торговли с Западом идет через Ладогу.

Многочисленный и разнообразный археологический материал с ладожского поселения VIII—IX вв. говорит о развитой экономической жизни. Находки злаков и земледельческих орудий, в том числе уникального для северной и центральной части Восточной Европы того времени железного сошника VIII в.,⁴⁰ говорят о высоком уровне развития земледелия. Костерезные, деревянные и металлические изделия свидетельствуют о ремесленном производстве, а многочисленные привозные вещи и иностранные деньги — о значительной торговле. Если учесть, как отмечалось выше, что в начале X в. на ладожском мысу возникла крепость, а поселение приобрело городскую планировку, то все, вместе взятое, безусловно характеризует Ладогу уже в IX в. как ремесленно-торговый центр, единственный в своем роде. Этнический состав Ладоги в VIII—X вв., судя по всему, был весьма неоднороден — славяне, чудь, варяги, балты, но с X в. преобладает славянский элемент.

Большое количество предметов, найденных в Ладоге, связано с речным и озерным рыболовством. Кроме того, по данным летописей и саг, путники, двигавшиеся в XI в. на запад, к морю, проходили волховские пороги на «малых судах», а в Ладоге пересаживались на морские суда, снабженные «русскими спасами».⁴¹ Сражения ладожан со шведами и емью в водах Ладожского оз. и в Неве предполагают наличие у них военного флота.

Таким образом, Ладога VIII—IX вв. была первым поселением в Восточной Европе, ставшим на путь превращения в административный торгово-ремесленный центр городского типа.

Данные о самостоятельных акциях ладожан чрезвычайно скудны, может быть оттого, что здесь не существовало традиции своего летописания. Однако и эти немногочисленные свидетельства позволяют наметить основной характер и направление деятельности Ладоги в период VIII—середины XV в. Захват варягами земель по Нижнему Волхову и в юго-восточном Приладожье и их последующие мероприятия говорят о торгово-данных устремлениях жителей Ладожской области. Ладога находилась на скрещении водных путей, которые соединяли ее с Новгородом, Киевом, Поволжьем (и далее — с арабами). Разрезав своим возникновением массив чуди, Ладожская область оказалась на пути,

⁴⁰ Равдоникас В. И. Старая Ладога. — СА, 1950, XII, с. 39, рис. 35; Корзухина Г. Ф. О времени появления..., с. 82—84, рис. 5.

⁴¹ Рыдзевская Е. А. Указ. соч., с. 63.

который шел от Балтики, куда впадала Зап. Двина, где сидела чужь прибалтийская, на северо-восток, где в бассейне Сев. Двины обитала чужь заволочская. Названия «заволочская», «Заволочье» могли возникнуть у населения, привыкшего в основном передвигаться водным путем, на судах, а таким населением уже с IX в. были именно ладожане.

А. П. Насонов убедительно доказал, что приведенные в Повести временных лет под 1114 г. рассказы старых ладожан об их дальних походах на северо-восток относятся на самом деле к XI в., ко временам Ярослава.⁴² Дополним его доказательство еще одним соображением. Летопись рассказывает о походе новгородца Гюрыты Роговича в 1096 г. «в Печору» и «в Югру» (т. е. в таежную зону); старые ладожане говорят о походах «за Югру», и «за Самоядь» (рассказ о белках и оленях),⁴³ т. е. к морскому побережью, которое только и могло находиться за таежной Югрой с белками и тундровой Самоядью с оленями. Глядя на этнокарту того времени, естественнее всего полагать, что их путь в конце пролегал по Мезени к горлу Белого моря (или рядом).

Скандинавские саги XIII в. относятся к Ладоге как к сказочно-романтической стране, но, по мнению Е. А. Рыдзевской, сохранили и реальные сведения, например о существовавшем в XI—XIII вв. пути из Бьярмаланд (Кольский полуостров или низовье Сев. Двины) в Альдейгьюборг — Ладогу.⁴⁴ В Повести временных лет тоже имеется отражение этого факта: в ней уже в начале XII в. появляется этноним урмане (моурмане) — норвежцы.⁴⁵ Подобное название норвежцев могло возникнуть только на Кольском полуострове, в среде саамского населения (подробнее об этом см. в следующей главе), и в переводе на русский означало «приморские жители» — название, совершенно идентичное арабскому «береговые люди». Попадание этого термина в Повесть произошло в результате широкого его распространения на Руси, видимо в первую очередь благодаря контактам ладожан с норвежцами в северных морях.

Все вышеизложенное заставляет несколько по-иному подойти к вопросу о раннем возникновении системы морского промыслового хозяйства у русского населения, заселявшего побережье Белого моря. Трудно представить, что славянское (русское) население, в течение тысячелетия жившее вдали от моря и имевшее только опыт речного и озерного рыболовства, в короткий срок могло создать довольно совершенную морскую систему хозяйства в условиях приполярного Севера. Объяснять этот факт только традицией преемственности, заимствования производственных мор-

⁴² Насонов А. П. Указ. соч., с. 80.

⁴³ ПВЛ, I, с. 167, 197.

⁴⁴ Рыдзевская Е. А. Указ. соч., с. 64.

⁴⁵ ПВЛ, I, с. 10, 18.

ских навыков у местного населения довольно сложно, так как, например, у непосредственных северных современников русских первопереселенцев (саамов, еми и др.) подобных навыков не зафиксировано. Если же допустить, что своеобразная репетиция процесса создания такой системы хозяйства происходила в IX—XII вв. в Приладожье, то многое объясняется. Именно здесь, в Ладогe, славяне соприкоснулись с населением, издавна передвигавшимся на судах по большим водным просторам; именно на Ладожском озере, не уступающем по размерам ни одному из заливов Белого моря, русские приобрели навыки в создании судов морского типа и, возможно, в промысле ладожского тюленя. Наконец, через Ладогу и Новгород можно было сбывать в XIII—XV вв. на запад дары северных морей — моржовый клык, рыбу, шкуры морских зверей.

Некоторые косвенные данные говорят об участии ладожан уже в составе новгородской колонизации — в заселении беломорского побережья. Вполне возможно, что за термином «ладоженин», появляющимся в писцовых северных книгах в качестве названий переселенцев — жителей низовьев Сев. Двины, стоит наименование жителя Ладogi (см. об этом в следующей главе). Из собранных нами полевых данных и письменных источников известно, что древнейшими церквями в населенных пунктах самой ранней заселенной новгородцами в Беломорье территории — на Летнем и Поморском берегах — были церкви св. Климента, редкого для Новгородчины святого. В то же время первой каменной церковью в Ладогe была церковь св. Климента, чтившегося на западе, а археологические раскопки показали, что на месте каменной церкви ранее, вероятно, была деревянная,⁴⁶ возможно, посвященная тому же святому.

Обратим также внимание на тот факт, что, по данным М. В. Витова, ильменско-беломорский тип в наиболее чистом виде распространен среди населения западного и южного Поморья, а также в Ладогe и в юго-восточном Приладожье. Ильменско-беломорский тип населения Приильмения и Новгорода «разбавлен» верхневолжским антропологическим типом, а на освоенном новгородцами Терском берегу над ильменско-беломорским преобладает онежский тип.⁴⁷ Отмеченное М. В. Витовым сходство ильменско-беломорского типа (который вернее было бы называть ладожско-беломорским) с типом населения Швеции также находит объяснение в древних и тесных контактах между Приладожьем и Скандинавией.

Не будем забывать, что все вышеизложенное не отрицает и не умаляет значения Новгорода в процессе освоения Русского

⁴⁶ Равдоникас В. И. Старая Ладога. — КСИИМК, 1945, вып. XI, с. 34.

⁴⁷ Витов М. В. Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера. — История СССР, 1964, № 6, с. 8—109, карты 3, 6, 8.

Севера, тем более что и Ладога в этом процессе являлась одним из городов Новгородской земли. Но особая роль Ладоги в первичном проникновении русских на Север, роль ее хозяйственных и культурных традиций в формировании населения и хозяйства Беломорья заслуживает внимания исследователей.

§ 3. ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ НОВГОРОДСКОЙ И ВЕРХНЕВОЛЖСКОЙ (НИЗОВСКОЙ) КОЛОНИЗАЦИЙ В ОСВОЕНИИ РУССКИМИ СЕВЕРА

В исторической науке основные потоки переселенцев XII—XV вв. во впадине района Севера, шедшие через Новгородское и Ростово-Суздальское (позднее — Владимиро-Суздальское) княжества, известны под названиями «новгородской» и «низовской» колонизаций, которые сыграли важную роль в этнической истории Севера и складывании этнографических особенностей отдельных групп его населения.

Теме новгородского освоения Севера и различным проблемам, связанным с нею, посвящено огромное количество работ. Результатом многочисленных общих и частных исследований, как упоминалось выше, явилось широко распространенное мнение, выраженное наиболее кратко в обобщающих трудах по истории СССР и школьных учебниках, что «владения Великого Новгорода простирались далеко на восток, вплоть до Каменного пояса (Уральских гор) уже в XII—XIII вв.».⁴⁸

Необходимо отметить, что подобным представлениям немало способствовало большое количество сохранившихся разнообразных письменных источников новгородского происхождения XII—XV вв., т. е. периода постоянной деятельности Новгорода на северной территории. Повторяя, что в данной работе не подвергается сомнению факт действительно огромного значения Великого Новгорода на раннем этапе освоения и заселения Севера, мы остановимся еще на одном моменте, не позволяющем считать это значение Новгорода в то время абсолютным.⁴⁹

Обратимся снова к монографии А. И. Насонова, в которой он на огромном материале убедительно показал границы новгородской областной территории на Севере в XII в.

На одной из карт А. И. Насонова восточная граница Новгородской земли на Севере в XII в. доходит до среднего течения Сев. Двины⁵⁰ — до тех мест, где имелись крайние постоянные погосты и становища новгородцев; восточнее, а тем более в бассейнах рр. Мезени, Печоры, по среднему и верхнему течению р. Пинеги, в Югре, постоянных новгородских погостов не было.

⁴⁸ История СССР с древнейших времен, с. 22.

⁴⁹ Вопросу соотношения новгородской и верхневолжской колонизаций посвящена наша статья «О роли верхневолжской колонизации...». Здесь же излагаются с небольшими добавлениями основные выводы статьи.

⁵⁰ Насонов А. И. Указ. соч., с. 96 (карта).

Необходимо также отметить следующее: наличие этой восточной границы на Севере уже в XII в. не означало, что к западу от нее шли сплошь новгородские владения, они могли существовать в виде небольших островков, расположенных вокруг стаповищ и погостов или помимо них, так как известно, что захват земель новгородским боярством и монастырями происходил главным образом в течение XIV—первой половины XV в.

Одним из последствий татаро-монгольского нашествия было уничтожение русских городов, при котором погибли ценнейшие древнерусские законодательные и актовые памятники. Этим объясняется отсутствие актовых материалов Владимиро-Суздальского, Киевского, Черниговского и других русских княжеств XII—XIII вв. Поэтому особое значение для истории этих областных территорий, в первую очередь для северо-восточных княжеств, приобретают летописные источники, благодаря которым исследователи определяют социально-экономические, этнокультурные и иные процессы, протекавшие на северо-востоке Русского государства.

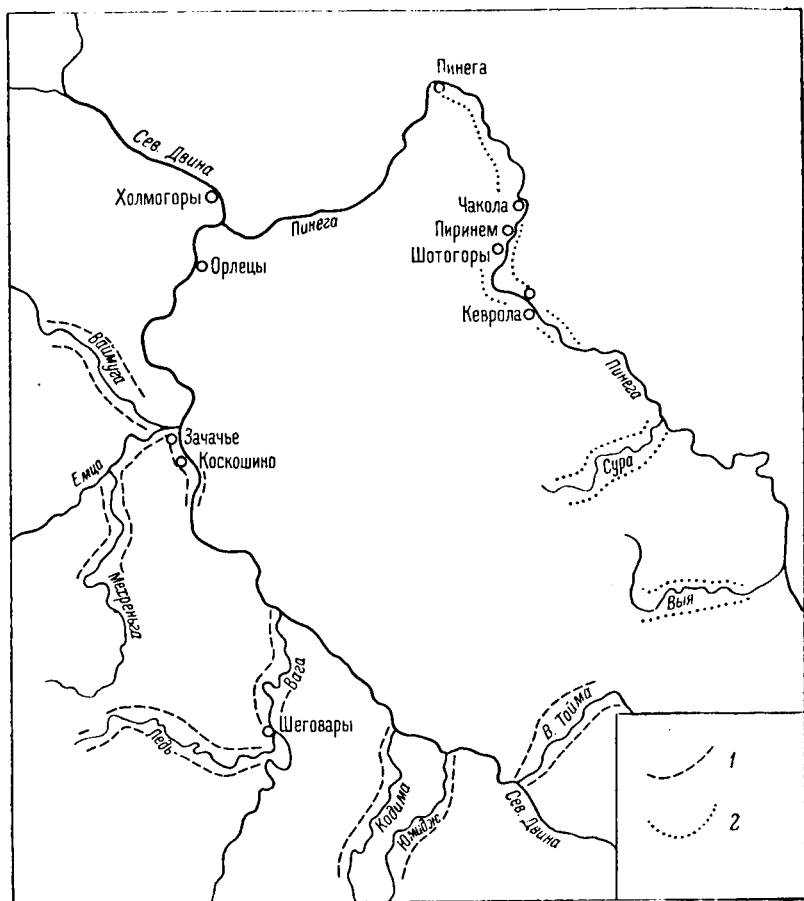
С середины XII в. в летописях появляются первые сведения о действиях ростово-суздальских князей, связанных с Заволочьем, причем эти события сразу тесно сплетаются с действиями новгородцев в том же крае. Последующие события, отраженные в летописях, помогают воссоздать довольно четкую картину столкновений интересов, борьбы, переменных успехов и неудач «новгородцев» и «ростовцев» в Заволожье.⁵¹ Несомненно, новый этап в дальнейшем продвижении и укреплении на Севере, в Заволожье, князей верхневолжских княжеств начался с возникновением на Сев. Двине Великого Устюга (начало XIII в.). Будучи с самого начала существованием теснейшим образом связанным с Ростовом,⁵² Устюг в то же время сразу становится довольно независимым северным центром, опирающимся на поддержку определенных групп северного населения, враждебных Новгороду, а не Ростову, — таких как «двиняне», «вычегжане», «важане».⁵³

Не имея возможности останавливаться на целом ряде летописных сообщений, имеющих отношение к затронутой проблеме, мы все же должны отметить следующее. По данным летописи, активная деятельность новгородских и «низовских» (ростовских) князей в Заволожье начинается одновременно, в середине XII в.; о случаях более раннего проникновения новгородцев мы знаем не из летописных, а из актовых источников («Устав» Святослава 1137 г. и др.); подобные документы ростовского происхождения не сохранились по причине, указанной выше. Упорная борьба новгородцев и верхневолжских князей говорит о том, что и те

⁵¹ ПСРЛ, т. I, с. 151; т. III, с. 14, 15, 23; т. IV, с. 12, 17, 18; т. V, с. 9 и др.

⁵² Там же, т. I, с. 185, 227; т. IV, с. 44; т. V, с. 201; т. VII, с. 119, 127.

⁵³ Там же, т. III, с. 73—74; т. IV, с. 49, 51; т. V, с. 216; т. VII, с. 199.



Карта 1. Земли по среднему и нижнему течению Сев. Двины, связанные с верхневолжской колонизацией (по письменным источникам XIII—XV вв.).

1 — «островщины» в бассейне средней и нижней Двины; 2 — владения великих князей по Пинеге.

и другие имели какие-то особые права на северные земли и опирались в своих действиях и притязаниях на определенные слои или группы северного населения, возможно более близкие к ним по происхождению.

Благодаря трудам А. И. Насонова и других исследователей, границы новгородских земель, образовавшихся на Севере в течение XII—первой половины XV в. («пятины», «Лопские погосты», Заонежье), определены достаточно четко. Эти земли не только находились под экономической и политической властью новгородских князей и феодалов, но и служили в первую очередь местом оседания переселенцев, шедших из основного новгородского

центра и через него из более южных и западных районов, т. е., условно говоря, «новгородцев».

В упомянутой выше статье «Роль верхневолжской колонизации...» мы сделали попытку на основе ряда исторических источников определить границы земель на Севере, плавших в руки князей и феодалов ростовского центра (позднее владими́ро-суздальского) или тяготевших к нему, и примерно наметить нижнюю хронологическую границу образования этих владений. В результате выявился достаточно четкий круг земель, связанный с термином «ростовский», а потому названный нами в целом Ростовщиной, расположенный в восточной части Севера. Это земли в Нижнем Подвинье (от Челмахты до Шастозера, Моржова гора), по притокам Сев. Двины — Емце с Мехреньгой, по р. Пинеге и верховьям Мезени, в Среднем Подвинье и в бассейне нижнего течения р. Ваги, т. е. территория, гораздо большая по размерам и простиравшаяся далее на север и восток, чем утверждалось до сих пор (см. карту 1).

Время возникновения одного из древнейших документов, касающихся истории Севера, на котором мы основывались, «Рядной старосты Азики» (1314—1320 гг.), позволяет отнести нижнюю хронологическую границу образования отдельных ростовских владений в Заволочье (средняя и нижняя Двина) ко второй половине—концу XIII в., т. е. к значительно более раннему времени, чем то, с которым многие исследователи связывали и связывают начало «низовской» колонизации на Севере — вторая половина XIV—XV в.

Сравнительный анализ этнографических данных по культуре севернорусского населения и населения Поволжья,⁵⁴ антропологические и историко-этнографические работы М. В. Витова,⁵⁵ исследования диалектологов⁵⁶ и фольклористов⁵⁷ говорят об этнокультурных связях определенных групп севернорусского населения и населения верхневолжского бассейна, восходящих к довольно раннему времени.

Чрезвычайно интересны данные М. В. Витова о распространении антропологических типов на Русском Севере. К некоторым из них мы уже обращались в связи с вопросом о Ладоге. Основная заслуга М. В. Витова в указанной работе состоит в том, что он отчетливо выделил две группы севернорусского населения — западную (ильменско-беломорский тип) и восточную (верхневолжский тип), граница между которыми проходит примерно по нижнему течению Сев. Двины, через междуречье верхней части бассейна Онеги и Сев. Двины, до низовьев Ваги.

⁵⁴ Русские. Историко-этнографический атлас. Т. I. М., 1967.

⁵⁵ Витов М. В. Указ. соч.

⁵⁶ Дерягин В. Я., Комягина Л. П. Из истории диалектных границ в северной России. — Вопросы языкознания, 1968, № 6, с. 109—119.

⁵⁷ Астахова А. М. Былины. Проблемы и итоги. М., 1967.

Историческая граница между западной и восточной частью Севера, проведенная на основе выводов нашего исследования (см. карту 1), и антропологическая граница, восстанавливаемая по данным М. В. Витова, почти совпадают.

Выше отмечалось, что этнический состав переселенцев новгородского и низовского потоков был разнородным, но не исключено, что процент славянского населения из области Великого Новгорода, несмотря на наличие в нем и неславянских (финны, балты) элементов, был более высоким, чем из Верхневолжского бассейна. Об этом говорят археологические, исторические данные, а также антропологические и диалектологические наблюдения. Так, по М. В. Витову, оказывается, что население, шедшее из верхневолжского бассейна, по каким-то причинам вступало в более тесные контакты с древним финно-угорским населением Севера, тогда как племенно-беломорский («новгородский») тип таких контактов в значительной своей массе не обнаруживает.⁵⁸ Диалектологи считают, что «двинско-важские диалекты (в восточной части Севера, — Т. Б.) тесно связаны с диалектами Верхнего Поволжья».⁵⁹ Все это наталкивает на мысль, что продвижение славянского населения в район Волго-Окского междуречья и последующее образование здесь русских княжеств сыграли роль в смещении и передвижении на север значительных масс местного неславянского населения (меря, веси, мордвы и т. д.), оказавшегося родственным в этническом и культурном отношении некоторым группам аборигенного населения Севера. Видимо, на базе местного и пришлого нерусского населения и при участии русского, шедшего из верхневолжской области, и сложились в XII—XIII вв. на Севере отмечаемые летописью группы довольно независимого и относительно самостоятельного населения («двиняне», «важане», «пинжежане» и др.), тяготевшего к Ростову и настороженно относившегося к новгородцам.

В середине XIII в. Русь снова испытала «давление степи» — вторжение татаро-монгольских орд, и со второй половины XIII в., после почти полного разорения в 1262 г. Владимиро-Суздальской земли, на Север устремились уцелевшие жители княжеств верхневолжского центра (к которым могли присоединяться и жители южнорусских княжеств). Думается, что этот миграционный поток не иссякал и в последующие века, когда на Севере, особенно в западной его части, происходил захват земель новгородским боярством.

Таким образом, все изложенное выше сводится к следующим положениям.

1. Действия князей Новгородского и верхневолжских княжеств на Севере начались одновременно, примерно с первой половины

⁵⁸ Витов М. В. Указ. соч., с. 96 и далее.

⁵⁹ Дерягин В. Я., Комягина Л. П. Указ. соч., с. 110.

XII в., причем те и другие имели какое-то представление о своих притязаниях на северные земли.

2. Возможно, в это же время, а может быть и раньше, на Север начало продвигаться и население этих княжеств, захватывая в общем переселенческом потоке жителей более южных районов.

3. Преобладающим этническим элементом в составе повгородской и верхневолжской колонизации было русское население, хотя значительное участие в этом движении принимали и иноязычные народности русских княжеств.

4. В силу различных причин (природных, социально-экономических, религиозных, культурных и иных) повгородская и верхневолжская колонизации имели свои северные зоны освоения — западную и восточную, хотя границу между ними и нельзя считать абсолютной, так как происходило неизбежное взаимопроникновение этих переселенческих движений. Так, например, судя по ряду источников, повгородцы и верхневолжские переселенцы столкнулись на нижней Двине, у беломорского побережья.

§ 4. ОПЫТ ПЕРИОДИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РУССКОГО СЕВЕРА С IV ПО XV В.

На основании вышеизложенного, а также учитывая материал, анализируемый в следующей главе, хорошо изученные факты и выявленные отечественной наукой процессы русской истории, автор предпринял попытку дать периодизацию этнической истории Русского Севера от времени появления первых письменных свидетельств о народах Севера и славянах до начала складывания крупной этнографической общности русского народа — северных великорусов, т. е. с IV по XV в.

Суммируя и подытоживая материал, изложенный в предыдущих параграфах, мы делим западную область Севера, относительно которой и строим периодизацию, на три зоны. Первая — *балто-волжская зона* (пограничье тайги и смешанного леса), прилегающая с юга и юго-востока к Неве, Ладоге, Онеге, Шексне и Волге, до слияния с Окой. Вторая зона — *таежная*, расположенная к северу от первой, которую мы подразделяем на два района — *Обонежье* и *Подвинье*. И третья зона — *беломорская*, представляющая собой по существу береговую линию Белого моря между устьями рек Поноя и Мезени и находящаяся в пределах зоны тайги и частично тундры.

Приступая к такой сложной задаче, как периодизация этнической истории, надо отметить, что собственно этнические процессы, протекавшие на Севере, в источниках отражены очень слабо и об их содержании и направлении можно судить (да и то иногда предположительно) на основе анализа фактов социальной истории.

I. Дославянский период этнической истории Севера — середина IV—середина IX в. Он характеризуется доминированием на всей территории финно-угорских этнических групп, живущих в условиях первобытнообщинного строя. В конце этого периода происходит объединение племен балто-волжской зоны в союзы племен (чудь, меря), а на южной границе Севера появляются славяне — словене, полочане, вятичи. Этот большой период можно разделить на два этапа: а) середина IV—VII в. — время абсолютного господства финно-угорских (и иных неславянских) этнических групп; б) VIII—середина IX в. — время появления исторических славян на южном пограничье Севера, проникновения в южное Приладожье варяжской группировки, взимающей дань с финских и славянских племен.

II. Древнерусский период освоения Севера (вторая половина IX—начало XII в.) считаем с момента сложения на Севере межэтнического полугосударственного образования с центром в земле словен до фактического распада Древнерусского государства с центром в Киеве. В этот период происходит княжеско-дружинная и земледельческая (крестьянская) колонизация балто-волжской зоны и начинается проникновение князей и дружин в таежную и беломорскую зоны. В этом периоде мы выделяем три этапа.

а. Вторая половина IX—конец X в. — от появления славян в балто-волжской зоне и включения ее в древнерусское государство (конец IX в.) до конца экстенсивной военно-торговой политики древнерусской знати. В это время формируется класс русской знати балто-волжской зоны, включивший в свой состав различные этнические компоненты — славян, скандинавов, чудь, весь, мерю и т. д.

б. Конец X—середина XI в. — время политического и экономического расцвета Древнерусского государства (Владимир, Ярослав), возникновение традиции «носажения» князей-рюриковичей из Киева в Новгород и Ростово-Суздальской земле, появление здесь киевского духовенства. В балто-волжской зоне развивается земледельческо-крестьянская колонизация и славянизация местного населения, а в таежную и беломорскую зоны предпринимаются первые военно-торговые походы из Ладоги и Новгорода.

в. Вторая половина XI—начало XII в. Этот этап характеризуется борьбой центробежных и центростремительных сил в структуре Древнерусского государства, результатом которой на Севере является образование полусамостоятельных «русских земель», в первую очередь Новгородской (с включением в нее Ладоги) и Ростово-Суздальской. Опустошительные набеги половцев на Южную Русь вызывают значительный отход земледельческого населения на северо-восток. В балто-волжской зоне завершается процесс складывания русского населения, в таежной и беломорской зонах организуются погосты для сбора дани для новгородских, киевских князей, знати и духовенства.

способствовало установлению тесных связей между отдельными областями страны и стимулировало сближение различных этнических общностей. В XVII в. заканчивается освоение русскими основных северных районов Восточной Европы, прекращается массовый приток населения извне и начинается отлив северного населения в необжитые районы государства, в первую очередь в Сибирь. Окончание основного этапа заселения Севера и формирования севернорусского населения было связано с событиями, из-за которых Север потерял свою былую роль в экономике государства — заселение юга России, открытие южных черноземов и присоединение Сибири с ее землями и промысловыми богатствами. Русский Север перестал притягивать переселенцев; миграции XVIII—начала XIX в. ограничиваются, как правило, внутренними перемещениями населения, не знавшего на значительной территории расселения помещичьей формы хозяйства.

В этот период происходит стабилизация этнокультурного процесса, в результате которой возникает и некая культурно-бытовая устойчивость севернорусского населения, существенно не менявшаяся ни отдельными приселениями с соседних территорий, ни внутренними передвижениями населения, ни реформой 1861 г. Известная изолированность северных областей от центральных районов Русского государства способствовала консервации локальных особенностей отдельных групп его населения, сложившихся в ходе этнической и социально-экономической истории Севера — поморов, усть-цылемов, пустозёров, кокшар и т. п.



ЗАСЕЛЕНИЕ РУССКИМИ ПОБЕРЕЖЬЯ БЕЛОГО МОРЯ. ФОРМИРОВАНИЕ ГРУППЫ ПОМОРОВ

§ 1. ГЕОГРАФИЯ И ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ БЕЛОМОРЬЯ

Основные русские поморские селения расположены вдоль побережья, большей частью в устьях больших и маленьких рек, впадающих в Белое море. Благодаря особенностям берегового рельефа эти селения находятся либо совсем на берегу моря, либо на некотором, а иногда и на значительном расстоянии от него: от 2—3 км (Сорока, Нюхча) до 12 (Поной) и 45 км (Мезень).

Белое море образует четыре больших залива (по-местному — «губы») и много мелких губ, в том числе и в заливах, в которых в XIX—XX в. производились массовые промыслы рыбы или морского зверя. В Мезенском заливе (в северо-восточной части Белого моря, между мысами Конушин и Воронов) происходил основной беломорский промысел гренландского тюленя; в Двинском заливе — в юго-восточной части Белого моря — белуший и сельдяной лов; в Онежском заливе — в южной части моря, между о. Жижгин и р. Кемь, — сельдяной и наважкий промысел; в Кандалакшском заливе — в северо-западной части Белого моря — сельдяной и тресковый лов.

Несмотря на небольшую величину, Белое море имеет некоторые особенности, создававшие всегда большие трудности для рыбного и морского зверобойного промысла и мореплавания. По отзывам самих поморов, самым неблагоприятным временем года для плавания была осень. Особенно опасно было оказаться осенью близ «Трех островов», «Северных», или «Орловских кошек», в горле Белого моря, где сталкивались приливно-отливные течения, у Зимних гор и «Моржовских кошек» в воронке Белого моря, у Териберского, или Святого, Носа в Баренцевом море. Таких мест поморы знали множество, накапливая и учитывая свой опыт плавания в северных морях. В конце XIX—начале XX в. «кладбищами кораблей» — районами морей, где происходили полные крушения, поморы называли горло Белого моря ($\frac{1}{2}$ всех аварий), Баренцево море ($\frac{1}{3}$ аварий), Онежский и Двинский заливы. Даже при современном навигационном оборудовании непросто плавать в лабиринте течений, подводных камней («стамиков») и мелей («кошек»).

Приливно-отливные течения, размах которых в Мезенском заливе достигает 10—11 м, зимой вызывают совместно с ветрами непрерывное движение большей части льдов Белого моря, которыми оно покрыто в течение шести-семи месяцев (с конца октября до июня). Неподвижный лед — «припай», «тороса» — удерживается узкой полосой вдоль берегов и в вершинах Двинского, Онежского и Кандалакшского заливов, поэтому только в этих местах был возможен массовый морской подледный лов рыбы и прибрежный зверобойный промысел.

Характеристику поверхности и ландшафта собственно береговой линии Белого моря легче представить по описанию его отдельных «берегов» — частей Поморья, названия которых, данные местными жителями, приняты и в настоящее время. Первое четкое определение границ поморских берегов дано М. Ф. Рейпеке, с его картой в основном согласуются и современные представления (см. карту 4).

От мыса Святой Нос Кольский п-ов омывают воды Белого моря (до этого мыса — Баренцева моря), а побережье от Святого Носа до р. Варзуги (или до р. Умбы) носит название Терского берега (длина 374 км). Его северо-восточная часть (от р. Поноя до р. Пялицы) имеет суровый вид: обрывистые крутые берега, рассеченные долинами многочисленных рек, покрытые лишайниками и скудной тундровой растительностью. У берега много мелких скалистых островов, а широкие и довольно крупные губы (Попойская и др.) слабо вдаются в сушу и открыты ветрам, поэтому здесь почти нет удобных бухт для промысловых судов. Кандалакшский берег (длина 185 км) — от р. Умбы до р. Керети — скалистый, исключительно изрезанный. Для него характерны заливы с невысокими берегами в долине и выступающие в море каменные мысы («корги»); имеется много удобных бухт. Голые скалы чередуются с редкими сосновыми лесами, подступающими к воде, и с участками песков. К юго-востоку от Кандалакшского залива начинается Карельский берег до р. Кемь. Северная его часть, так же как Кандалакшский берег, скалиста, возвышенна и изрезанна; южная часть понижается и становится менее изрезанной. Вдоль берега много удобных бухт, но многочисленные мелкие каменные острова, торчащие над водой («луды»), создают опасность для мореплавания. Большая часть южного берега — Поморского, от р. Кемь до р. Онеги, низменная, отдельные гранитные утесы встречаются только в районе Кемь; огромные пространства заболочены или покрыты сосновыми или еловыми лесами. Группы скалистых островов (шхер) вдоль побережья хорошо защищают прибрежные участки Онежского залива от штормовых северных ветров. Онежский п-ов представляет собой в целом заболоченную волнистую равнину с островами еловых лесов на моренных холмах и грядах («Летние горы» на северо-западе полуострова). Равнина довольно круто спускается к обширным приморским

нижинам с песчано-глинистыми возвышенностями, перемежающимися лугами («лайдами»); такой ландшафт особенно характерен для Онежского берега, протянувшегося от устья р. Онеги до мыса Ухт-Наволоок. Летний берег, длиной 180 км, покрыт почти на всем протяжении редким еловым лесом и зарослями можжевельного кустарника.

Северо-восточный берег Белого моря от Архангельска до мыса Воронов (или до р. Мезени) носит название Зимнего берега (длиной около 395 км). Он в большей своей части низменный, лишь на юге тянутся невысокие Зимние горы, покрытые редким лесом, которые исчезают к северу, уступая место тундре с ее характерной растительностью.

По природно-климатическим условиям Поморье располагается в двух зонах: северной тайги и тундры, причем, как видно из описания берегов, значительная часть занята тайгой, а в тундре находятся северные районы Терского (от Пялицы до Поноя) и Зимнего (между Абрамовским и Вороновым мысами) берегов. Особенности климата Поморья обусловлены самим его расположением у Белого моря, вследствие влияния которого Поморье большей своей частью входит в зону умеренного пояса. По средней температуре января (от -10 до -20°) оно объединяется в одну область с поволжско-уральскими районами, а по средней температуре июля — в одну область с северной лесотундрой (от 10 до 15°).

Самое короткое время года — лето — поморы называют «межонным временем» (т. е. между весной и осенью); это самый лучший период для плавания по Белому морю: ветры дуют умереннее, ночи светлы, туманы редки и не так продолжительны, как весной и особенно осенью. Особенности климатических условий отдельных берегов Поморья зависят от морской «розы ветров», теплых и холодных течений, с действиями которых местные жители познакомились в давнее время и координировали с ними свои морские и прибрежные передвижения и промыслы.

В целом благоприятнее для жизни природные условия поморских районов, примыкающих к Онежскому и Двинскому заливам Белого моря: юго-восточная часть Поморского берега (у сел Нюхча, Кушрека, Малашуйка), Онежский берег от Онеги до с. Пушлахта, Летний берег и низовья р. Сев. Двины до Холмогор. Климат здесь мягче, запасы тепла достаточны для развития некоторых отраслей земледелия, а заливные луга пригодны для разведения молочного скота.

Большую роль в жизни поморских жителей играли острова в Белом море, тянущиеся почти непрерывно вдоль всей береговой линии. Скалистые острова — шхеры у Поморского берега, как уже говорилось, создавали хорошо защищенные участки на побережье; Кузовы острова между Соловецким архипелагом и Кемью служили путеводными вехами для плавания в открытом море; на островах устраивались первые морские маяки и сигнальные вышки (Жижгин, Сосновец, Моржовец). Ряд крупных

островов в Баренцевом море и в Северном Ледовитом океане — Кильдин, Колгуев, Вайгач, Новая Земля, Шпицберген — издавна являлись местами рыболовно-зверобойных и охотничьих промыслов поморов. Для этой же цели использовались и многочисленные острова и архипелаги в Белом море.

Геологические особенности Русской платформы обусловили наличие полезных ископаемых на территории Поморья, разработка и использование которых играли определенную роль в хозяйстве и занятиях местного населения. Это в первую очередь слюда, пегматит, гранит и железная руда в северо-западной части Карельского берега, глины на Поморском берегу между Кемью и Сорокой и в южной части Зимнего берега (в районе Зимних гор), известняки у Онеги.

Фауна Европейского Севера в целом (в том числе и Поморья) небогата, но в собственно Поморье — его полярной части и на островах — имеются свои особые виды, так как жизнь с продвижением на север заметно смещается к воде и более всего сосредоточивается на морских побережьях и в море. Млекопитающими, характерными для приполярной зоны (материка и островов), являются белый медведь и морж. Они сохранились сейчас только у Земли Франца-Иосифа, а ранее представляли собой важный объект охоты русских промышленников, ненцев и коми-зырян (особенно морж). Фауна Баренцева и Белого морей сходна в общих чертах, но в последнем менее разнообразна, что вызвано низкой соленостью Белого моря. Из млекопитающих в Баренцевом и Белом морях обитают тюлени (нерпа, морской заяц, гренландский тюлень), дельфины (белуха, касатка). Промысловое значение с момента заселения берегов Поморья и до настоящего времени имели главным образом гренландский тюлень и белуха, хотя повсеместно жители занимались ловом и другого морского зверя.

В Баренцевом море обитает также свыше 100 видов рыб, 20 из которых имеют промысловое значение, прежде всего треска, пикша, зубатка, палтус, сельдь. Основные виды промысловых рыб Белого моря те же, что и Баренцева, но наибольшее промысловое значение здесь имели семга и сельдь. До середины XIX в. в России были распространены преувеличенные представления о богатствах и добыче морского зверя и рыбы в Белом море по сравнению с другими морями Европы, в частности Балтийским и Каспийским, пока экспедицией Н. Я. Данилевского 1859—1861 гг. не было убедительно доказано, что улов рыбы в Белом море и на р. Печоре составляет ежегодно не более $\frac{1}{2}$ улова на Каспийском море. Тем не менее количество рыбы и морских животных было таково, что позволяло организовывать их массовый лов в различных частях Белого и Баренцева морей, который до недавнего времени не только представлял для поморских жителей важнейший и почти единственный источник существования, но и давал значительную



часть продуктов для русского экспорта, а также для вывоза в северные и центральные губернии России. Большое значение для изучения запасов рыбы и зверя в водах Севера, а также возможностей увеличения их вылова имели вышеупомянутая экспедиция Н. Я. Данилевского, организованная по заданию Министерства государственных имуществ, и научно-промысловая экспедиция 1898—1908 гг. под руководством Н. М. Киповича, состоявшаяся в период деятельности Комитета для помощи поморам Русского Севера.

§ 2. ЗАСЕЛЕНИЕ РУССКИМИ БЕЛОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

Заселение беломорского побережья и формирование его населения, т. е. появление постоянных русских поселений, являлось частью этнической истории Русского Севера в целом и происходило в основном в хронологических рамках формирования всего массива севернорусского населения в течение XII—XVII вв. Однако этот процесс имел здесь свои особенности.

Источники позволяют говорить о появлении первых славянских (русских) насельников (а не ушкуйников и ватаг) в поморских районах по крайней мере с конца XIII—начала XIV в. Нам трудно судить об этническом составе населения новгородских земледельческих и промысловых хозяйств более раннего времени, протянувшихся вдоль основных путей новгородской колонизации к Белому морю, можно только предполагать, что среди местного неславянского даннического населения находились крестьяне и промышленники и славянского происхождения, составлявшие определенный процент жителей.

На основании имеющихся источников можно предполагать, что подавляющая часть русских постоянных поселений на побережье Белого моря возникла в период с середины XIV до конца XVII в. (см. карту 2). Описание этого процесса целесообразно вести хронологически, начав с районов более раннего заселения как основных очагов, сыгравших роль в дальнейшем формировании населения беломорского побережья.

Видимо, к середине XIV в. в низовьях Сев.Двины уже существовала Двинская земля — северная область, давно привлекающая внимание историков и возбуждающая дискуссии о времени ее складывания, об этническом составе жителей, соотношении новгородской и низовской колонизаций и социально-экономическом содержании (формах землевладения и общинно-производственных организаций, отличных от боярских вотчин новгородского происхождения). Основная территория Двинской земли, по

Карта 2. Возникновение постоянных русских поселений в Поморье.

1 — поморские местности, заселенные в течение XIII—XV вв.; 2 — поморские поселения, возникшие в XVI—первой половине XVII в.; 3 — поселения, возникшие во второй половине XVII—первой четверти XVIII в.; 4 — поселения, время появления которых точно не установлено.

мнению А. Н. Насонова, была не очень велика — от морского побережья до района Орлец—Ступино (32 км вверх по Сев. Двине), но сюда примыкали и поселения по Летнему берегу Белого моря и, по-видимому, погост на противоположном Терском берегу, около будущей Варзуги, так как несколько позднее, к началу XV в., все эти земли образуют некое территориально-хозяйственное единство.

Двинская земля являлась, по мнению историков, древнейшей местной территорией «двинских луков»,¹ административными центрами которой были Матигоры и Ухтоостров.² А. А. Шахматов и А. Н. Насонов считали, что Двинская земля была заселена славянами уже в XI—XII вв., однако сами они не давали ответа на вопрос, откуда эти славяне пришли, а А. Н. Насонов утверждал, что во всяком случае система «лукового» владения не была принесена из Новгорода, поэтому в XIV в. новгородские власти обосновались в новом центре Двинской земли — Холмогорах.³ Из известных грамот на Двину великих князей Андрея Александровича и Ивана Даниловича Калиты конца XIII—первой половины XIV в. можно извлечь немногие, но достаточно определенные сведения о том, что князья верхневолжских княжеств тоже имели какие-то давние права на территории двинских луков на Терском берегу, в области Тре, так как «по обычаю» отправляли туда свои промышленные ватаги.⁴ Ватаги княжеских холопов в податном и судебном отношениях не входили в состав местных «черных миров» и подчинялись княжеским приказчикам; кроме того, они находились в каких-то отношениях с местным населением («двинянами»), которое обязывалось выставлять княжеским ватагам на их пути к промысловым угодьям и обратно корм и подводы «по пошлине с погостов».

Недалеко от Двинской земли к середине XIV в. уже существовал массив земель, связанный с «низовским» потоком («Ростовщина») по Емце, Мехреньге, Ваймуге и нижней Двине (выше Холмогор до впадения в нее Пинеги). Вполне вероятно, что Двинская земля и явилась той территорией, где столкнулись потоки двух переселенческих движений и интересы новгородских и великих князей. Особенно отчетливо это выразилось в знаменитом «отложении» от Новгорода Двинской земли и ее союзе с Москвой в 1397 г. и в последующих событиях до 1417 г. Судя по всему, и существование «двинских бояр», отличаемых источ-

¹ Лук — древняя окладная единица, задержалась несколько позднее также на Кольском п-ове, в северной части Карельского берега и на Кандалакшском побережье, т. е. там, где основной базой хозяйства служили рыбная ловля и другие промыслы. В основу лукового обложения клались промыслы, сенокосные угодья и пахотная земля, если таковая имела.

² Мы приводим эти данные на основе выводов исторической науки, которые пока не изменились.

³ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, с. 102.

⁴ ААЭ, т. 1, СПб., 1836, № 1.

никами от новгородских, не только явилось следствием хозяйственной специфики⁵ и самостоятельности этого края, но и отражало процесс формирования населения этой области на базе местного и пришлого населения, связанного с двумя направлениями переселенческого движения — «новгородским» и «низовским», но более с последним.⁶

Наличие погостов в Двинской земле отмечается источниками с конца XIII в., но названия некоторых из них известны только с начала XV в.: Андреяпов стан, Яковлева курья, Цигломень в дельте Сев. Двины и Корельский погост в Арзуге на Терском берегу. Русские названия (Андреянов, Яковлева и др.) дают основание предполагать о существовании здесь какого-то процента русского населения.

К первой половине XV в. относится появление «посадской стороны» на Летнем берегу — поселений, жители которых занимались морскими промыслами, но главным образом солеварением («места соловарные»). Уже в 1447—1454 гг. Ненокса, снабжавшая солью Двинскую землю и другие области Севера и центра, приравнивалась по значению к административному центру Двинской земли Холмогорам: здесь находились новгородский посадник и приказчики.⁷ Видимо, во второй половине XV в. растет Уна, которая в первой половине XVI в. уже имеет равное значение с Пеноксой (и с Холмогорами).⁸

Развитие двинской торговли и центров солеварения на Летнем берегу (Неноксы и Уны) способствовало активизации заселения другой части Двинской земли — Терского берега. Здесь во второй половине XV в. (с 1466 г.) вместо Корельского погоста в Арзуге уже известны две богатые промысловые волости — Варзуга и Умба, в свою очередь сыгравшие заметную роль в заселении Терского берега в последующие века.

В XV в. источники фиксируют еще один очаг русских поселений на побережье Белого моря, в его юго-западном районе, связанный с потоком переселенцев, проникавших на побережье через бассейн р. Выг. По-видимому, здесь приоритет принадлежал выходцам из Новгородской земли, которые в одиночку (отдельными семьями или группами) еще в конце XIII—XIV вв. селились на землях, в большинстве случаев ставших к XV в. вотчинами новгородских бояр. Закладная Марфы Борецкой Соловецкому мона-

⁵ Рождественский С. В. Двинские бояре и двинское хозяйство XIV—XVI веков. — ИАН СССР, VII серия, Л., 1929, с. 50—70.

⁶ Бернштам Т. А. О роли верхневолжской колонизации в освоении Русского Севера (IX—XV вв.). — В кн.: Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973, с. 23—24.

⁷ СГКЗ, т. I, № 39, с. 34 (Жалованная грамота господина Великого Новгорода Троице-Сергиеву монастырю на беспощинный провоз, куплю и продажу товаров на Двине, Вологде и в других местах).

⁸ Там же, № 109, с. 110 (Жалованная грамота вел. князя Ивана Васильевича Антопиево-Сийскому монастырю на судебные и финансовые льготы).

стырю 1450 г. говорит о существовании Сумской и Кемской волостей.⁹ В течение первой половины XV в. (1415—1447 гг.) карелы, живущие по рекам Выгу, Золотице, Шуе, нападают на бывшие здесь владения новгородского тысяцкого и его людей, занимавшихся рыбной ловлей. Новгородцы были вкраплены в довольно густое карельское поселение, так как вся прилегающая приморская территория — по Карельскому и Поморскому берегам — в XV в. входила в собственность «пяти родов корельских детей». Эти карельские владения простирались по морскому берегу до Керетской межи, на юго-запад, в глубь материка до Каянского рубежа (видимо, шведской границы) и на северо-запад до Терского наволока («Дикой Лопи»). В первой половине XV в. карелы еще добиваются погодного — поочередного с боярскими людьми — пользования рыбными угодьями («в карельский год» и «в боярский год»), но со второй половины XV в. идет интенсивное отеснение карел с приморских территорий Соловецким монастырем, который постепенно скупает все их «отчины», способствуя одновременно приливу сюда русского населения и образованию новых поселений.¹⁰

В XVI в. происходит раздел беломорских территорий, заселенных и незаселенных, между северными и центральными монастырями; некоторые из них (в первую очередь местные — Соловецкий, Николо-Корельский) начали захват промысловых угодий еще в XV в. Деятельность монастырей на берегах Белого моря значительно ускорила процесс заселения поморских районов в XVI—XVII вв. и способствовала увеличению количества жителей в существовавших к тому времени поселениях.

На Летнем берегу в первой половине XVI в., помимо посадов, существуют небольшие деревеньки — Красная Гора и Солза, жители которых спорят с Николо-Корельским монастырем за владения морскими угодьями¹¹ (во второй половине XVI в. они их уже потеряли).¹² В первой половине XVII в. Летний берег разделяется между тремя монастырями: Николо-Корельскому принадлежат угодья и тони в Солзе, Красной Горе, Неноксе;¹³ у Антониево-Сийского монастыря находились владения в Лопшеньге, Уне, Неноксе;¹⁴ большая часть Летнего берега — Яреньга, Дураково, Летняя Золотица и незаселенный Онежский берег (почти до устья р. Онеги, «онежского рубежа», — Т. Б.) — при-

⁹ Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря, составленное трудами Соловецкого монастыря архимандрита Досифея. Ч. 1. М., 1836, с. 223.

¹⁰ Хрестоматия по истории Карелии с древнейших времен до конца XVII в. Петрозаводск, 1939, с. 71.

¹¹ АИ, т. 1, № 18, с. 37—38 (Правовая грамота Николо-Корельскому монастырю, 1530 г.).

¹² СГКЭ, т. 1, № 277, 279, 284, с. 265—270, 1584 г.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, № 442, с. 473 (Жалованная тарханная грамота... Антониево-Сийскому монастырю 1614 г.).

подлежала Соловецкому монастырю,¹⁵ который также имел свои дворы в Неноксе и Луде.¹⁶ В середине—второй половине XVII в. на Онежском берегу работают многочисленные варницы Соловецкого монастыря и имеется несколько значительных поселений — Тамица, Кянда, Пурнема и Лямпа. Население Летнего и Онежского берегов формировалось в XVI—XVII вв. главным образом из особой категории постоянных работников («полётников») в усадьбах Соловецкого монастыря и других монастырей, живших там в одиночку или со своими семьями и приезжавших из разных районов Русского государства, т. е. русских по происхождению.¹⁷

Волость Варзуга на Терском берегу в XVI в. представляет собой уже значительное поселение и делится на две «стороны»; название одной из них — Двинская — ясно указывает на связь с Двинской землей. Между волостями Варзугой и Умбой по морскому берегу источники не упоминают в это время никаких волостей и дворов, кроме «живущих тонь» на речках Кашкаранцы, Точильный ручей, Каменной Соловецкого монастыря и соляной варницы на р. Сальнице старца Николо-Карельского монастыря:¹⁸ рр. Варзуга и Кузони́ма (позднее — Кузомень) принадлежат жителям Варзужской волости.¹⁹ Граница между волостями Варзугой и Умбой проходила по реке Оленице: «половина речки Оленицы варзужских жильцов, а другая половина уньбских (умбских, — Т. Б.) жильцов».²⁰ Морские топи варзужских крестьян в «Мурманский конец», т. е. к северу, простирались непрерывно до р. Чаваньги и находились также у рр. Тетрин-Крестовая и Тетрип-Губка. Межа варзужских владений в этой северной части побережья проходила по р. Каменке, от нее далее к северу речными и морскими тонями на берегу (половина реки Каменки, рр. Стрельна, Югин, Чапома, ручеек Чепомка и половина реки Пялицы) «истари» владели двиняне. На Пялице был рубеж между двинскими владениями и угодьями терских лопарей.²¹

В конце XVI—XVII в. на Терском берегу хозяйничают и спорятся между собой 6 монастырей: Троице-Сергиевский, Спасский (московский), Кирилло-Белозерский, Соловецкий, Антониево-Сийский и Николо-Карельский. Троице-Сергиевский монастырь активно скупает морские и речные топи уже во второй половине XVI в. Среди бывших владельцев этих угодий, кроме собствен-

¹⁵ Там же, № 574, с. 718 (Грамота ... двинскому воеводе об отдаче на оброк Соловецкому монастырю, 1634 г.).

¹⁶ Там же, т. 2, № 75, с. 165 (Выпись из Двинских переписных книг, 1684 г.).

¹⁷ Савиц А. И. Соловецкая вотчина в XV—XVII вв. М., 1921, с. 110—111.

¹⁸ СГКЭ, т. 1, № 165, с. 171 («Сотная» с «Книг описи» двинян Якимом Романовым и Никитой Пятуниным на волость Варзугу).

¹⁹ Там же, с. 164.

²⁰ Там же, с. 163—164.

²¹ Там же, с. 172.

но варзужан, — «двишняне»,²² «белозерцы»,²³ «пенежане».²⁴ Некоторые из них стали уже местными жителями («пенежанин» Терентий Захаров с женой Лукерьей Старостиной продают 2 лука своего приданого),²⁵ а часть — просто торгует «куплей за морем», и неизвестно, живут ли они здесь — *белозерец* Алексей Иванов, *Суздальцова* Огафья с сыном и др.²⁶ Купчие не раскрывают этих довольно скудных географических данных, но, сопоставляя с ними другие документы XVII в., можно добиться более точных сведений: в 1614 г. среди владельцев луков в Варзужской волости наряду с «иногородними» имеются местные жители: Третьячок Никифоров *Унянин*, Гриша *Москаль* (зять местного жителя Онанья), Онуфрейка *Нюхчанин*; ²⁷ в 1686 г. московский Воскресенский монастырь выменял у Антониево-Сийского монастыря в «Кольском уезде на Терской стороне которые у них речки и тони были куплены у понойских жителей и у лопарей, и Матигорские волости Борисоглебских жителей» (нижнедвинская волость, — *Т. Б.*).²⁸ Вполне определенные сведения о происхождении двишнян, истари торгующих (и оседающих) в Варзужской волости, дают приходно-расходные книги одного из московских монастырей «о сборе пошлин с приезжающих торговых людей», покупающих на Терском берегу у монастырских крестьян рыбу и «ворванье сало»; в числе их — шесть «колмогорцев», «ухостровец», «куростровец», «заостровец» (жители нижнедвинских волостей), а также три «каргопольца» и «важенин».²⁹

В середине—второй половине XVII в. из бывших «живущих тонь» и усоллий между Варзужской и Умбской волостями вырастает д. Кузомень, в которой в 1667 г. «поселились вновь из Варзужской волости монастырские бобыли» (Соловецкого монастыря, — *Т. Б.*), а в конце XVII в. — д. Кашкаранцы, куда переселились Гундоловы, тоже из Варзужской волости, а также находился двор Соловецкого монастыря. Появляются первые дворы в Оленице и Сальнице.³⁰

Как было указано выше, р. Пялица служила во второй половине XVI в. межей между владениями двишнян на Терском берегу

²² Там же, № 260—265 (1582 г.); № 283 (1584 г.).

²³ Там же, № 235 (1580—1581 гг.); № 270 (1583).

²⁴ Там же, № 269 (1583 г.).

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, № 307 (1586 г.).

²⁷ Там же, т. 2, № 444, с. 487—488 («Отдельные книги» Стефана Мотавина на владения Новоспасского Московского монастыря в Варзужской волости, 1614 г.).

²⁸ Там же, № 81 (Меновая ... между Воскресенским Истринским монастырем и Антониево-Сийским, 1686 г.).

²⁹ Там же, № 443а (Приходо-расходные книги старца Новоспасского Московского монастыря, 1614 г.).

³⁰ ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 267, 1728 г.; СГКЭ, т. 2, № 75, с. 159 (Выпись из Двинских переписных книг 1684—1685 гг. стольника Афанасия Фанвизина ... на владения Соловецкого монастыря в Двинском уезде).

и угодьями терских лопарей, которые простирались севернее, к Поною и за Поной. С конца XVI в. начинается последовательное оттеснение лопарей с их исконных территорий по морскому берегу; в 1575 г. Иван IV дал разрешение монаху Феоносту на построение церкви в устье р. Поной, средства для содержания церкви должны были давать саамы — половину своих доходов от промыслов на этой реке. Саамы воспротивились, и до 1581 г. храм в Поное стоял «пуст», пока Троице-Сергиевский монастырь не получил половину реки Поной и пустую церковь, «чтобы лопари крещенные от веры не отстали».³¹ На содержание понойскому священнику русскими и саамами стали отдаваться в заклад земли и угодья по рр. Поною и Еконге.³² В середине XVII в. в Поное уже существует погост с оседлым населением, а в 1658 г. жалованной царской грамотой Понойский погост с рр. Поной, Лахта и Еконга отдаются во владение двум монастырям патриарха Никона — Воскресенскому (под Москвой) и Крестному (на Кий-острове, против устья р. Онеги) пополам.³³

Чрезвычайно затруднительно определить этнический состав населения Поной и образовавшейся несколько позднее д. Пялицы. Возможно допустить, что население этих пунктов сформировалось из двинян, владевших угодьями до Пялицы, и «работных людей» из разных, преимущественно северных местностей. Этих работников посылали сюда на промыслы Воскресенский и Крестный монастыри, хозяйничавшие на Поное более 10 лет: известны, например, Жила Григорий Парфенович — житель д. Лямцы Онежского берега и «попоинин» Жила Артемий.³⁴ Источники как будто различают «понойских жителей» и лопарей,³⁵ но в то же время трудно уловить грань между ними, так как часто там же «попоинином» мог называться лопарь.³⁶ Примерно с 1676 г., после низложения Никона, Крестный монастырь потерял права на свою долю в понойских промыслах; Воскресенскому монастырю посчастливилось больше: его часть Поной вошла в «домовую вотчину» патриаршего дома и в 80-е годы XVII в. «Воскресенского монастыря понойского промысла промышленные старцы» посылали на Кольский полуостров своих людей, которым на Онежском устье продавалась мука и другие товары.³⁷ Таким образом, во второй половине XVII в. монастыривотчинники выжили почти всех самостоятельных крестьян-ловцов из понойских мест, закрепив за собой богатые поморские угодья, однако сюда каждое лето приезжали торговать крестьяне

³¹ Там же, № 139, с. 462—463.

³² Там же.

³³ Там же, № 151, с. 487—488.

³⁴ Калинин И. М. Торговые сношения лопарей с русскими в половине XVII в. — Изв. РГО, 1929, т. LXI, вып. 1, с. 67.

³⁵ СРКЭ, т. 2, № 81, с. 172—174.

³⁶ Калинин И. М. Торговые сношения, с. 68.

³⁷ Там же, с. 62.

и купцы — «двинянини» Богдан Недельница, «каргополец» Григорий Кропачихин, «онежашин» Макар Никитин и др.³⁸

В XVI в. увеличивается население в возникших ранее поселениях на Поморском берегу, появляется целый куст деревень от Сороки до Колежмы (Сорока, Шижня, Сухой Наволок, Вирма, Сума, Колежма), которые Соловецкий монастырь получал в свою вотчину в течение XVI в. В 1539 г. Соловецкий монастырь получил во владение р. Шижню и д. Сухой Наволок с небольшими «волостками» на них, остров с варницами и 30 сенокосных обж;³⁹ в 1548 г. — волостку Вирму;⁴⁰ в 1550—1555 г. ему была безоброчно пожалована значительная часть волости Сумы и две деревни Колежмы — «деревня на усть Колежмы (реки, — Т. Б.), да деревня Колежма ж».⁴¹ Во второй половине XVI в. деревни Сорока, Шижня, Сухой Наволок, Вирма, Сума, Колежма составляют одну Сумскую волость⁴² Соловецкого монастыря; в 1591 г. за строительство Сумского острога, крепости в Соловках и другие ратные заслуги Соловецкий монастырь получает на Поморском берегу волости Нюхчу и Унежму.⁴³

В конце XVI в. между Сумским острогом и Кемью образуется волостка Шуя Корельская, названная так в отличие от Никольского Шуйского погоста в Выгозере. Владельцами земель и угодий в ней были наряду с карелами «выгозерцы», «турчасовцы» и др., продающие в начале XVII в. свои угодья и дома Соловецкому монастырю.⁴⁴ В 1613 г. волость Шуя Корельская была пожалована Соловецкому монастырю полностью.⁴⁵

К 1526 г. относится первое достоверное свидетельство о существовании поселения в Кандалакше, население которой «вместе с лоплянами» отправило послов в Москву с просьбой о присылке к ним священников «церковь свящати и просветити их святым крещением».⁴⁶ Трудно сказать, откуда здесь появилось русское население, которое (возможно, вместе с карелами) отличало себя от «лоплян», но интересно, что оно в свою очередь сыграло роль в основании Колы, население которой быстро растет в течение XVI в.: в 70-е годы XVI в. перепись насчитывает в Коле 44 двора (37 местных жителей и 7 иногородних купцов

³⁸ Там же, с. 771.

³⁹ ААЭ, т. 1, с. 209, № 221; с. 211, № 223 (Уставная грамота отчины Соловецкого монастыря).

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря, ч. 3, с. 18.

⁴² ААЭ, т. 1, № 268, с. 303—304 (Уставная грамота Соловецкого монастыря Сумской волости крестьянам, 1564 г.).

⁴³ СГКЭ, т. 2, № 408а, с. 835 (Жалованная грамота царя Василия Ивановича Соловецкому монастырю на подтверждение прежних грамот).

⁴⁴ Карелия в XVII в. Сборник документов. Петрозаводск, 1948, с. 17—18, 25—26 и др.

⁴⁵ Там же, с. 347.

⁴⁶ ПСРЛ, т. V, с. 282.

и промышленников), а в 80-е годы XVI в. в Кольской волости уже 71 двор и более 400 жителей.⁴⁷ В середине—второй половине XVI в. развивается деятельность Пречистенского кандалакшского монастыря, который захватывает угодья на побережье Кандалакшской губы — в окрестностях Княжьей губы, по рр. Ковде, Ковлице, Лувеньге, возникает волостка Порья Губа, относящаяся к Ковдской волости. Сама Кандалакша, находящаяся на сухопутном торговом пути из центральных областей на Кольский п-ов, к морю, превращается в значительное поселение, в котором до 1582 г. живут сборщики податей — представители царской власти.⁴⁸ На юго-западной оконечности Кандалакшской губы, видимо, еще в середине XV в. возникает волость Кереть, так как в 1563 г. в пей насчитывается уже 44 двора (59 жителей) и «отхожие дворы» в Чупе и «над Черной речкой». Морские угодья жителей «трех волостей» (Керети, Чупы, Черной реки) во второй половине XVI в. простирались до кемского рубежа и ими наряду с «керецькими» владели карелы;⁴⁹ «в ухоях на диком лесу» находились единичные «дворишки лопинов»; на Пулонском озере «тутошные и прихожие люди» били слюду.⁵⁰ Если источники XVI в. почти ничего не сообщают о происхождении местного населения, то после «отписания» Керецкой волости (с Чупой и Черной рекой) в первой трети XVII в. Соловецкому монастырю можно узнать кое-что из его переписных книг (вторая половина XVII в.). В Керетской волости появляются «казачьи» дворы: «... а те казачки пришли жить в Керецкую волость Соловецкого монастыря вотчины из иных волостей, а иные тутошные Керецкой волости жители».⁵¹ На подворьях у бобылей тоже обычно жили «пришлые» люди.⁵² В Чупском и Чернореченском уездах жили «тутошные родимцы и прихожие люди из их же Соловецкого монастыря вотчины из иных волостей, а также и Олонеска города».⁵³ В Керетской волости находились отдельные владения крестьян из других районов Поморья: «амбар Сенки Пирожникова из Шуи реки, тоня Евсейки Трапезникова из Шижи» и т. д.⁵⁴ Эти сведения дают представление о чрезвычайно пестром, смешанном и текучем составе населения Керетской волости в XVII в., так как многие из пришлых работали по найму, били слюду, рубили

⁴⁷ Ушаков И. Ф. Кольская земля. Мурманск, 1972, с. 61; СГКЭ, т. 2, № 136, 1556 г.

⁴⁸ Ушаков И. Ф. Указ. соч., с. 74.

⁴⁹ СГКЭ, т. 2, № 137, с. 444 («Сотная» с «Книг описи» двинян Якимана Романова и Никиты Пятунина на волость Кереть).

⁵⁰ Там же, с. 446; № 138, с. 452—455 (Писцовые книги Вас. Агалина и подьячего Степана Федорова на волость Кереть).

⁵¹ Очевидно, во время переписи 1647 г. казачьих дворов здесь еще не было, так как в 1684 г. их записано 10 и сказано, что по сравнению с 1647 г. прибыло 10.

⁵² СГКЭ, т. 2, с. 535—536.

⁵³ Там же, с. 536.

⁵⁴ Там же, № 137.

дрова, варили соль «лет по 5 и 10 переходя и з женами, и з детми».⁵⁵ Эти данные подтверждаются и более поздними источниками начала XVIII в. (перепись 1710—1711 гг.), которые фиксируют жителей местных, а также пришедших «в прошлые годы» (т. е., возможно, и в конце XVII в.), и наоборот, «збредших» в другие места. Среди пришедших — два «онежанина» с женами и детьми, два «озерчанина» — тоже с семьями, один «москвич» («соловецкий служебник»), 16 карел.⁵⁶ Уходят из Керецкой волости в иные местности Поморья — в Онегу, Сумской острог, Кемский уезд и т. д.⁵⁷

Как можно заключить из источников, с конца XVI в. (1597 г.) Кадалакша с Княжой Губой, Ковда с Порьей Губой, Кереть с Черной Рекой и Чупой представляли единый территориально-хозяйственный и административный массив с Кулой, лежащий на «Московской дороге» из центра к океану.⁵⁸ «Московская дорога» пролегла вдоль Карельского побережья, на котором в конце XVI—XVII в. также действовали соляные варницы Соловецкого монастыря. От второй половины XVII в. мы имеем сведения о постоянном жительстве бывших соловецких сезонных рабочих («полетников») в Поньгоме и Летней Реке; к тому времени их насчитывалось здесь от 30 до 40 человек (без семей).⁵⁹ Необходимость регулярного сообщения по московскому тракту способствовала возникновению постоянных поселений на местах соловецких «усолий» в Гридино и Калгалакше. В Заонежских погостах и в северо-западном Поморье не было правильно организованной ямской гоньбы с казенными ямщиками, обеспеченными жалованьем. Ямская повинность лежала здесь на мирской организации, которая напичкала ямщиков с подводами или устанавливала среди членов мира очередь по выполнению ямской повинности. В 1694 г. посыльщики Шуерецкой волости Иродионов с товарищами и староста Керетской волости Куккоев договорились об организации ямской гоньбы: доставлять «зимние подводы из Калгалакши до Керети, а летние подводы из Гридиной Губы до Керети же».⁶⁰ Видимо, на этих ямских пунктах и возникли села Калгалакша и Гридино (в этом документе впервые упоминаются «гридинцы» — 2 фамилии), заселенные из Керетской и Шуерецкой волостей.

Сообщения о промысловых рыбных угодьях и солеварнях, которыми владели «движняне» в южной части Зимнего берега, в устье р. Золотицы, появляются в начале XVI в.⁶¹

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, № 172, с. 561—574.

⁵⁷ Там же, с. 576—580.

⁵⁸ Хрестоматия по истории Карелии, с. 100—101.

⁵⁹ Савич А. Н. Указ. соч., с. 110—111.

⁶⁰ Карелия в XVII в., с. 352.

⁶¹ СГКЭ, т. 1, № 60, с. 52 (Дельная Алексея, Андрея, Александра, Степана и Матвея Амосовых на земли, угодья, людей ... на Зимней и Летней стороне).

По-видимому, в течение второй половины XVI—начала XVII в. происходит превращение промысловых становищ в небольшие постоянные поселения благодаря деятельности Соловецкого и Антониево-Сийского монастырей: известно, что в начале XVII в. на р. Куе находились соляные варницы Соловецкого монастыря,⁶² а тони по р. Зимней Золотице на Зимнем берегу числились за Антониево-Сийским монастырем.⁶³ По писцовым книгам Мирона Вельяминова 1622—1624 гг., в устье р. Зимней Золотицы тогда уже существовала «слободка Золотицкая», где, кроме монастырского двора (Антониево-Сийского монастыря, — Т. Б.), находятся 6 дворов церковных людей и 11 бобыльских. Писцовая запись дает нам некоторое представление о происхождении жителей этой слободки; среди них в бобыльских дворах жили 3 «корелянина», 2 «мудюженина», 3 «заонежанина», «ладоженин» и «важенин».⁶⁴ Карельское население, возможно, появилось на Зимнем берегу из нижнедвинских владений Антониево-Сийского монастыря, откуда позднее, в конце XVII—начале XVIII в., шло массовое заселение Зимнего берега.

Кроме Золотицкой слободки, до 70-х годов XVII в. на Зимнем берегу, судя по всему, не было никаких постоянных поселений. По «Книге Большому чертежу» (1627 г.) нам известны названия всех более или менее значительных рек Зимнего берега, кроме Куи и Золотицы: Мудьюга, Козла, Ручьи, Мегра, Кулой, Мезень. В списке № 1330 — самом полном из всех сохранившихся списков «Книги Большому чертежу» и, вероятно, одном из вариантов ее первоначального текста — называются еще рр. Майда, Кеды, Нижа.⁶⁵ При большинстве этих рек, названия которых были известны промышлявшим здесь издавна крестьянам, в течение второй половины XVII — первой трети XVIII в. возникают постоянные поселения. В 1632 г. морские угодья от р. Майды до р. Кедовки (Кеды), а также эти «речки с озерки и истоки» отдаются нижедвинскому Козьеручьевскому монастырю.⁶⁶ Антониево-Сийский монастырь владеет устьем р. Кулой «у моря на Зимницком берегу, что было дано на оброк Пронки прозвище Буторки» и слободкой Долгая Щель (на месте, прежде также бывшем за Буторкой), где монастырь поселил бобылей (около 10 чел.) «для рыбных ловель».⁶⁷ По переписным книгам 1684—1685 гг., слободка Куя с монастырскими дворами (17 дворов) и бобылями (7 дво-

⁶² Андреев А. И. Очерк колонизации Севера в XVI—XVII вв. — В кн.: Очерки по колонизации Севера, т. II. Пг., 1922, с. 43.

⁶³ СКГЭ, т. 1, № 442, с. 473 (Жалованная тарханная грамота ... Антониево-Сийскому монастырю).

⁶⁴ Там же, № 533, с. 639 («Сотная» выпись из писцовых книг Мирона Вельяминова, 1627 г.).

⁶⁵ Книга Большому чертежу. М.—Л., 1950, с. 158—159, 44, 159; Дополнение I-I, № 1330.

⁶⁶ СКГЭ, т. 1, № 562, с. 701—702.

⁶⁷ Там же, т. 2, с. 51 (Грамота ... двинскому воеводе ... о подведомственности ему слободы Долгая щель, 1660 г.).

ров) принадлежит Соловецкому монастырю,⁶⁸ Золотицкая волость (уже не слободка!) и Долгощельская слободка — Антониево-Сийскому монастырю.⁶⁹ Остальная часть берега между Золотицей и Долгощельем не была заселена, но там постоянно промышляли «пришлые» люди из Малонемнужской волости Кеврольского уезда и, как можно вывести из источников, крестьяне нижнедвинских волостей Двинского уезда. Малонемнужские крестьяне получили в 1623 г. в оброк морской участок от р. Койды⁷⁰ до Воронова мыса и арендовали его до 1727 г., что неоднократно подтверждалось царскими указами.⁷¹ После 1731 г. сюда пришли крестьяне Куйской волости Двинского уезда (Малыгин и Корельский) и, заплатив «празговые» деньги за участок, получили разрешение на поселение от крестьян Малонемнужской волости.⁷² Так возникло с. Койда.⁷³ Названия зимнебережных речек Майда, Мегра, Чубала находят аналогии в соответствующих названиях деревень, существовавших в XVI—XVII вв. в нижнедвинских волостях.⁷⁴ Кроме того, во второй половине XVII в. на Зимнем берегу находились семужьи тони архиерейского дома, куда он отправлял «домовых людей» на промысел, а также часть угодий сдавал на оброк «двинянам» — крестьянам Ухтоостровской, Курейской, Ровдогорской и других волостей.⁷⁵ Подтверждения о происхождении поселенцев на Зимнем берегу находим в сравнении их фамилий, распространенных и в настоящее время (Малыгины и Матвеевы — с. Койда; Титовы, Котцовы и Бурковы — д. Майда, Юрьевы — с. Ручьи, Дорофеевы — д. Чубала, Мегра),⁷⁶ с фамилиями жителей нижнедвинских волостей, известными по документам XVII—XVIII вв., — Малыгины, Матвеевы, Титовы, Юрьевы, До-

⁶⁸ Там же, № 75, с. 158 (Выпись из Двинских переписных книг 1684—1685 гг. стольника Афанасия Фанвиспна...).

⁶⁹ Там же, № 79, с. 168—169 (Грамота ... двинскому воеводе о платеже оброка Антониево-Сийскому монастырю).

⁷⁰ Название Койда неизвестно «Книге Большому чертежу» (1627 г.): в то время и на том же месте в этом документе отмечена р. Канда. Впервые название Койда (река) появляется на карте, опубликованной в 1745 г. и в документе конца XVIII в., отражающем спор малонемнужских и куйских крестьян за р. Койду. Возможно, что, несмотря на более давнее пребывание в этих местах малонемнужских крестьян, название Койда было принесено двинянами с нижней Двины, где в конце XVI—начале XVII в. существовала Койдокурская волость.

⁷¹ ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 12062, л. 25—26.

⁷² Там же, л. 27—28.

⁷³ Подробнее об этом см.: Бернштам Т. А. Промысловые зверобойные артели поморов Зимнего берега Белого моря во второй половине XIX—первой трети XX в. — Автореф. канд. дис. Л., 1968.

⁷⁴ Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1. М., 1909, с. 43, 257.

⁷⁵ См.: Морозов А. Юность Ломоносова. Архангельск, 1958, с. 135, где имеется ссылка на рукопись археографической комиссии (Архив ЛОИИ. № 107, л. 142—143).

⁷⁶ АИЭ, к-1, т. 2, № 871—873, разные листы.

рофеевы и т. д.⁷⁷ Население Зимнего берега росло медленно, и во второй половине XVIII в. многие деревушки насчитывали менее десятка дворов: Куя (66 чел.), Б. Козла и М. Козла (в последней жителей было больше, чем в Б. Козлах), при устье р. Инцы жил один крестьянин, Ручьи (4 двора), Мегра (6 дворов), Майда (4 двора), Койда (4 двора), Нижа (3 двора).⁷⁸

Таким образом, к первой трети XVIII в. постоянные поселения на беломорском побережье образовали линию от устья р. Мезени до р. Поноя. В последнюю очередь заселились тундровые районы Беломорья: от р. Пялицы до Чапомы на Терском берегу (вторая половина—конец XVII в.) и между Зимней Золотией и Мезенью на Зимнем берегу (вторая половина XVII в.—первая треть XVIII в.).

В XVI—начале XVII в. прирост новых поселений в Поморье происходил, несмотря на тяжелую внутреннюю и внешнюю обстановку, сложившуюся в России и довольно сильно сказывавшуюся в ее северных приморских районах: опричнина Ивана Грозного, нападения северных соседей — «каянских немцев» (в данном случае финнов), Швеции, Дании. Особенно сильно пострадали поморские районы в войне со Швецией в 1589—1592 гг. Были до основания сожжены Кемский и Сумской остроги, деревни Вирма, Шижня на Поморском берегу, на Карельском берегу были уничтожены варницы, разорены тони, промысловые избы; шведы захватывали рыболовные суда в море и отбирали добычу.⁷⁹ При этом неприятель был хорошо осведомлен о северном крае (благодаря различным описаниям иностранцев, бывавших здесь в течение XVI в.): о незащищенности многих населенных пунктов на Кандалакшском и Поморском берегах — Кандалакши, Керети, Кеми, Шуи, Сумы,⁸⁰ о сухопутных и морских торговых путях, о расстоянии между селениями и т. п.⁸¹ В начале XVII в. поморские районы испытали военные тяготы Смутного времени.

Эти внутренние и внешние события, а также стихийные бедствия (непромысловые годы, эпидемии и т. п.) разоряли и опустошали целые селения, губельно влияя на естественный прирост населения и развитие производительных сил в крае. С другой стороны, особое политическое значение морского побережья как северной пограничной и единственной в то время морской зоны Русского государства, а также роль Белого моря в социально-

⁷⁷ Изюмов А. Ф. Вкладные книги Антониево-Сийского монастыря 1576—1694 гг. — ЧОИДР, кн. II. М., 1917, с. 26, 33—34; ГААО, ф. I, оп. 1, д. 12072, 2178, 13312, 13510.

⁷⁸ Путешествия академика Ивана Лепехина в 1772 г., ч. IV. СПб., 1805, с. 83, 86, 91, 95, 98—102.

⁷⁹ Донесение Свена Педерсона о походе к Белому морю (1591—1592 гг.). — ЧОИДР, 1894, кн. III, Смесь, с. 12—16.

⁸⁰ Штаден Генрих. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника (1564—1576 гг.). Л., 1925.

⁸¹ См. в кн.: Томас Соутэм и Джон Спарк. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. М., 1937, с. 113.

экономической жизни страны в XVI—XVII вв. обуславливали постоянное пристальное внимание правительства, заинтересованного в сохранении и обороне своих северных границ. Во второй половине—конце XVI в. здесь создается цепь оборонительных крепостей: Архангельск, Кола, Кемский, Сумской остроги, где постоянно живут стрельцы и различные категории служилых людей (например, «казаки» и т. п.). Государство поощряет оборонную деятельность северных монастырей, также представлявших собой поморские крепости, раздавая им в качестве наград поморские волости, освобождая от различного рода пошлин и предоставляя льготы в торговле. Со второй половины XVII в. жизнь в поморских районах стабилизировалась, начинается интенсивное развитие морских промыслов и торговли, в свою очередь привлекавших постоянный приток населения. Эти условия стимулировали увеличение численности населения в старых местах заселений (устье Двины с прилегающими частями Летнего и Зимнего берегов, Поморский берег), образование новых поселений в местностях, удобных для морских промыслов — рыбных и звериных (Терский берег до Поноя, Зимний берег до Мезени). Окопчателное заселение поморской территории в целом, т. е. возникновение всех русских поселений, существующих и в настоящее время, относится, видимо, к середине—второй половине XVIII в. и впервые полностью отражено на карте Рейнеке 1827 г.

§ 3. ФОРМИРОВАНИЕ ПОМОРСКОЙ ГРУППЫ: „ПОМОРЫ“ И „ПОМОРЬЕ“

Формирование поморского населения (как и всего севернорусского) происходило на территории, заселенной до прихода сюда восточных славян народами финно-угорской и самодийской групп. Характер этнических взаимоотношений между русскими (восточнославянскими) переселенцами и местным населением получал в отечественной и зарубежной науке различное освещение. Большинство дореволюционных историков, занимавшихся вопросами освоения и заселения восточными славянами Севера, игнорировали этническую среду, в которую попадали переселенцы (Н. А. Полевой, С. М. Соловьев), такой же точки зрения придерживались и некоторые советские ученые (например, Д. К. Зеленин). Другие исследователи, наоборот, переоценивали влияние финно-угорских народов на славян (М. Н. Покровский, В. А. Егоров и др.). Существовало и среднее мнение, допускавшее значительное смешение аборигенов с переселенцами, хотя и считалось, что «туземцы» не могли внести значительного вклада в русскую культуру (И. М. Карамзин, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов и др.). В настоящее время в советской науке в результате объективного подхода и детального исследования отдельных вопросов этой проблемы обнаруживаются примеры взаимного влияния и параллельного возникновения сходных форм культуры в разных

этнических средах, на основе сходства природных, социально-политических и экономических условий, в которых соседствующие и контактирующие народы развивались на протяжении веков.⁸²

Русское население побережья Белого моря почти повсеместно особенно тесно было связано с карелами, так как формирование значительной части поморской территории происходило на землях, основным населением которых (к моменту появления славянских переселенцев) являлись карелы.

Некоторые данные (топонимика, петроглифы, диалектологические данные, свидетельства письменных источников и сохранившиеся до сих пор предания) заставляли ученых предполагать, что появление карел в приморских районах произошло в результате продвижения последних на север, сопровождавшегося оттеснением с этих земель более древних исконных насельников — саамов (Е. Огородников).

Советскими исследователями истории карельского народа установлено несколько волн расселения карел на севере. Первые группы карел, продвинувшись с запада, появились на северо-востоке (в Заонежье), по-видимому, примерно в конце XII—XIII в. Д. В. Бубрих называет это движение «первой волной».⁸³ Вторая волна передвижения карел, вследствие чего последние фиксируются вблизи Белого моря и на самом побережье (современная Северная Карелия), относится к XV в. (акты Соловецкого монастыря). Состояние источников не дает пока ученым возможности определить, с какими именно событиями были связаны обе эти волны (возможно, в связи с продвижением шведов на восток).⁸⁴ Так или иначе самые ранние русские писцовые книги и актовые материалы отражают расселение карел в пределах Карельского, Поморского берегов («пять родов корельских детей»), в низовьях Сев. Двины с прилегающими морскими участками Летнего и Зимнего берегов. По отдельным данным выясняется даже некоторая зависимость «лопьян», живших в XV в. вблизи западных берегов Белого моря, от карел.⁸⁵ В XVI в. карелы оказываются на Кольском п-ове, где теснят саамов на р. Поное, о чем последние рассказывают в своей челобитной царю Ивану Васильевичу.⁸⁶

С первой половины XVII в. начинается третья волна массового переселения карел на территорию России, явившаяся формой борьбы карельского народа против гнета шведских феодалов,

⁸² См.: Чистов К. В. Проблемы этнографического и фольклорного изучения Северо-Запада СССР. — В кн.: Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Л., 1977, с. 3—9.

⁸³ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947, с. 39.

⁸⁴ Там же. См. также: Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII веков. Из истории сельских поселений. М., 1962, с. 64—65.

⁸⁵ См.: Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. Петрозаводск, 1941, с. 101, № 5; с. 124, № 46.

⁸⁶ Там же, с. 236—238, № 162, 1575.

национального и религиозно-культурного порабощения. На первом этапе третьей волны — в первой трети XVII в. — организованный уход был единичным явлением: большей частью карельские крестьяне уходили в одиночку или небольшими группами по несколько семей. Наряду с переселением на «вечные» времена наблюдался и временный уход карел на поиски сезонной работы.⁸⁷ Вместе с карелами на территорию Русского государства (и Севера в частности) переселялась часть финского населения, жившего в пограничных районах Карельского уезда, в ближайших к шведско-русской границе финляндских провинциях и в областях, прилегающих к Ботническому заливу.

Приботнийская территория, особенно ее северная часть, граничившая в XV—XVI вв. с Вотской пятиной, была известна русскому населению Севера под именем Каянской земли (Ботнический залив — «Каянское море»), что также нашло отражение в источниках этого времени. Соответственно население этой области называлось соседним русским населением «каянами», часто независимо от их национальной принадлежности (шведы, финны, карелы, собственно каяны, или квены, — племя финского происхождения).⁸⁸ Русское правительство и чиновники «каянскими немцами» называли финнов из области Приботнии. В XVII в. отсюда (с начала XIX в. — Улеаборгская губ.) на Север России и в поморские районы также переселялись карелы и финны, которых севернорусское население продолжало называть «каянами», «кайванами». В русских источниках переселенцы-финны назывались обычно «латышами», или «латышами свейской и финской земли», т. е. людьми «латинской веры»; соответственно карел, обращенных в лютеранство, называли «латышами корельской земли», отличая их от православных карел.

Второй этап третьей волны переселения карел и финнов в Россию был вызван событиями русско-шведской войны 1656—1658 гг., и это переселение приняло более организованный и массовый характер, чем в первой половине XVII в. (именно в это время, например, карелами были заселены пустующие тверские земли).

Большое количество карел третьей волны оседало на Севере России, на землях монастырей, являвшихся здесь крупными феодалами (за отсутствием помещичьего землевладения). Уже в 20-е годы XVII в. «пришлые» карелы встречаются во владениях Соловецкого и Антониево-Сийского монастырей, большин-

⁸⁷ ААЭ, т. III, № 127, с. 180; Карельская деревня в XVII в. Петрозаводск, 1941, с. 32, № 20, 1628 г.

⁸⁸ Д. В. Бубрих считает (см.: указ. соч., с. 32), что «каянами» русские называли только приботнийскую корелу, но нам кажется это ограничение не совсем верным: термин «каяны», «квены», являвшийся названием или самоназванием определенного племени, видимо, остался на землях, где это племя первоначально обитало, так как после его ухода или слияния с другими племенами стал применяться к новым насельникам — карелам и финнам, а в XIX—XX вв. был даже известен как название населения Онежского берега Белого моря (см. ниже).

ство вотчин которых паходилось в поморских волостях.⁸⁹ Случалось, что переселенцы не оставались долгое время на одном месте, а переходили с одного места на другое. Так, известно, что многие из карел, живших ранее в Реми, Кандалакше, Соловецком монастыре, оказались впоследствии в Александро-Свирском монастыре⁹⁰ или устраивались на временное жительство в разных поморских местностях, в Холмогорах и т. д.⁹¹ О наличии карел-переселенцев XVII в. в Заонежских и Лопских погостах, в Кемском уезде и на побережьях Белого моря свидетельствуют диалектологические данные⁹² и письменные источники XVIII в.⁹³ Отдельные переселения карел продолжались в XVIII в., а после Ништадского мира (1721 г.), когда вся Карелия (в современных границах) была присоединена к России, эти переселения стали носить характер внутренних миграций.

Несмотря на то что источники не дают вполне удовлетворительного материала для выяснения роли карельского элемента в складывании поморского населения, все же можно вывести определенные наблюдения.

Оседание русских переселенцев на побережье Белого моря несомненно вовлекало в сферу своей жизни и жившее здесь карельское население. Достоверные письменные свидетельства говорят о том, что в начале XV в. карелы жили расположенными на значительном расстоянии друг от друга, но компактными группами по беломорскому побережью от Варзуги (вспомним Корельский погост в Арзуге на Терском берегу 1419 г.) до р. Сумы на Поморском берегу, а также на Летнем берегу (Николо-Корельский монастырь) и в устье р. Сев. Двины (Корельское устье Сев. Двины и ряд других названий). Считается, что до второй половины XVI в. слово «корел» в письменных источниках указывало только на этническую принадлежность лиц, отличаемых от собственно русских жителей той же деревни или волости. Документы конца XVI—XVII в. «корелянами» называли сравнительно недавних переселенцев (русских и карел,— Т. Б.) из более южных и западных областей в отличие от местного населения; иногда «корелянами» называли просто жителей г. Корелы или Корельского уезда,⁹⁴ т. е. термин «корел», «корелянин» не всегда имел только этнический смысл. В Поморье «кореляне» встречаются, по источникам XVII—начала XVIII в., практически во всех селах (волостях) Кандалакшского, Карельского, Поморского и Онежского берегов, в деревнях по нижней Двине и Зимнему берегу. Видимо, карелы-

⁸⁹ Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII в. Петрозаводск, 1956, с. 68.

⁹⁰ Там же, с. 70—71.

⁹¹ Там же, с. 41.

⁹² Бубрих Д. В. Указ. соч., с. 43; Жербин А. С. Указ. соч., с. 77.

⁹³ Труды Архангельского статистического комитета, 1865, кн. 1, с. 69.

⁹⁴ М. В. Витов (Указ. соч., с. 62—63) не указал на важный факт, что исконное население уже состояло из русских и карел.

переселенцы составляли во второй половине XVII в. определенный процент сезонных рабочих на Карельском берегу (Керетская и другие волости), которые работали по найму лет по 5—10, переходя потом в другое место, а иные могли и оседать, а также «полетников» — временных рабочих в соловецких усолях по Онежскому, Поморскому, Карельскому берегам (монастыри охотнее всего пользовались трудом пришлых карел).

Участие карел (местных и пришлых) в формировании поморского населения на протяжении XV—XVIII вв. отразилось в самосознании, названиях жителей отдельных районов, воспоминаниях (преданиях) о происхождении села (деревни) и его основателей, причем наиболее заметный след оставили карелы «третьей волны» переселения (XVII—XVIII вв.), не успевшие «обрусеть» к моменту окончательного заселения побережья — середине XVII в., когда, по-видимому, закреплялись названия отдельных групп поморского населения. Смешение русского и карельского населения в поморских деревнях отмечали составители «Приходских списков Архангельской губ.» 1858 г.: д. Корельскую Уемского прихода в низовьях Сев. Двины населяли отслужившие свой срок служители Архангельского архиепископского дома (видимо, карелы-сезонники);⁹⁵ прихожане Ширшемского прихода нижней Двины «не могли пояснить, какого они племени... а можно думать, что они произошли от какого-нибудь выходца-кореляка, что видно из их однообразных фамилий — корельских, которых наполовину в сем приходе, или от беглых новгородцев».⁹⁶ Карелы вместе с новгородскими выходцами («которых полного и правильного числа пока показать нельзя») отмечаются как «природные жители» в д. Кянде Онежского берега.⁹⁷ Карельским «по происхождению» считает себя население д. Нижмозера⁹⁸ и «обрусевшими карелами» — жители д. Пурнема,⁹⁹ расположенных на том же берегу. Одним из основателей с. Койда на Зимнем берегу был некто по фамилии Корельский, выходец из какой-то нижнедвинской волости.

Роль карельского элемента в формировании жителей ряда деревень по Онежскому берегу отразилась и в их самоназваниях (и названиях), сохранившихся до сих пор: пурнемцы — «каталки́» (католики), пушлахтыне — «шведы», нижмозёра — «кайваны» (каяны); последним названием часто именуют жителей всех этих селений, что свидетельствует о выходе их предков не ранее XVII в. из Каянской земли. Такой же след оставили карелы в названиях жителей Кандалакшского побережья: ков-

⁹⁵ ЛЮАНН, ф. 30, оп. 2, № 3, л. 31 (Приходские списки Архангельской губ., 1858 г.).

⁹⁶ Там же, л. 32.

⁹⁷ Там же, л. 106.

⁹⁸ Там же, л. 110.

⁹⁹ Там же, л. 118.

дяне — «кракалй», княжане — «кока́ры»,¹⁰⁰ жители Терского берега все население Кандалакшской губы называли «пяккой» (название карельского происхождения).

Карельское население первых двух волн выхода (XV—XVI вв.) довольно быстро ассимилировалось в среде русского населения поморских районов: утратилась связь с родиной, был забыт карельский язык, и к моменту нового переселения карел в XVII в. многие из них считали себя русскими, противопоставляя вновь прибывшим — «корелянам». Приток карельских переселенцев в XVII в. остался в памяти потомков жителей с. Выгострова и д. Шижни на Поморском берегу, которые в начале XX в. утверждали, что их предки пришли в Поморье, спасаясь от преследований никонианцев, и начали строить здесь села вместе с карелями.¹⁰¹ Тем не менее письменные источники, как мы видели, относят возникновение этих поселений к значительно более раннему времени.¹⁰²

Выходы карел в поморские районы, главным образом на Поморский, Карельский и Кандалакшский берег, продолжались и в течение XVIII—XX вв., когда вся собственно карельская территория находилась в составе Российской империи, а заселение поморских районов и формирование поморской группы населения уже состоялось. До этого времени «вливание» карельского населения в русскую поморскую среду проходило органично: частые браки между русскими и карелями, равные юридические права тех и других в системе землепользования, владения промысловыми и санными угодьями и пр. способствовали быстрому смешению русского и карельского населения. Этот процесс завершался утратой карелями в русских селах своего языка, превращением их в русскоязычное население, после чего потомок карела считал себя русским.

Ассимиляция карел, появившихся в русской поморской среде не позднее середины XIX в., шла, по-видимому, тоже довольно быстро и протекала в целом без осложнений. Интересно сопоставить два письменных свидетельства, полученных в результате специально проводившихся работ. Экспедиция Рейнеке 1827—1833 гг., обследовав жителей Поморского побережья, вывела заключение, что «деревни Гридипо, Калгалакшу, Поньгу и Шую можно причислить к карельским по смеси ее обывателей» (разрядка моя, — Т. Б.),¹⁰³ зафиксировав, таким образом, недавний прилив в эти деревни карел, возможно в середине-конце XVIII в. Исследования 1921 г. (через 100 лет), отметившие следы карельского на-

¹⁰⁰ Там же; АИЭ, к-1, оп. 2. № 874, л. 18, 25.

¹⁰¹ Никольский В. В. Быт и промыслы населения западного побережья Белого моря (Сороки—Кандалакша). М., 1927, с. 13.

¹⁰² В этом утверждении отразился также раскол как некий исторический рубеж.

¹⁰³ ЛОААН, ф. 246, д. 858, л. 4 (Ведомость о народонаселении прибрежья Архангельской губ. в 1828—1833 гг.).

селения, появившегося во второй половине—конце XIX в. почти везде по Поморскому, Карельскому, Кандалакскому берегам, не обнаружили этого в Гридине, Калгалакше, Поньгоме, где карелы, пришедшие в XVIII в., уже успели «обрусеть», а новых приселений в течение первой половины XIX в. не было.¹⁰⁴

Иначе складывалось положение карел позднейших переселений, происходивших во второй половине XIX—начале XX в. Довольно высокая плотность населения в поморских районах по сравнению с Архангельским севером в целом,¹⁰⁵ отсутствие свободных земельных (сенокосных) и промысловых угодий, развитие аренды и скупики угодий и ряд других факторов заставляли поморских жителей относиться к новым пришельцам крайне настороженно: им не давали строить дома, не отводили усадеб в пределах деревни (села), запрещали иметь огород на крестьянской земле, а за усадьбы на расчистках взымали в пользу общества арендную плату. Особые трудности возникали в связи с выделением надела: в рыбных промыслах (главным образом озерном и речном) было довольно трудно провести запрещение, но в сенокосном наделе из-за малочисленности этого рода угодий и их старинного распределения между членами общества им, как правило, отказывали. До 20-х годов нашего столетия в с. Шуерецком, где карелы, появившиеся в конце XIX в., составляли 10%, они не имели сенокосных наделов, в д. Княжая Губа — не получали доли в лучших покосах, довольствуясь озерными (третьесортными) пожнями; в д. Сальнаволок, карельском селении, возникшем вблизи Выгострова в 80-е годы XIX в. и причисленном к Шиженскому сельскому обществу (Поморский берег), жители были допущены к рыбным промыслам, но не получили земельного надела на общих основаниях с коренными жителями села.¹⁰⁶ Трудности хозяйственного быта и «приживания» на побережье заставляли карел поддерживать семейные и экономические связи с родиной: многие из них еще в первой четверти века сохраняли в своей прежней деревне надел и ездили его косить всей семьей, получали оттуда огородные семена и т. п. Несмотря на все эти сложности, продвижение карел к морю продолжалось: так, например, на Кандалакском берегу выходцы из Кестепги и Ухты (Северная Карелия) в конце прошлого века основали карельское село Колвицу. Жители соседнего поморского села Кандалакши отказали прибывшим в морских и сенокосных угодьях, и только через несколько

¹⁰⁴ Никольский В. В. Указ. соч., с. 15.

¹⁰⁵ В настоящее время территория Поморского берега и низовья Сев. Двины с прилегающей южной частью Летнего и Зимнего берегов относятся к районам с плотностью населения от 10 до 25 чел. на 1 км² — такой же, как в центральных районах страны и Прибалтике. Терский, Кандалакшский и Карельский берега имеют плотность 1—10 чел. на 1 км², как на всей территории Европейского Севера; Онежский п-ов относится к малозаселенным районам, как основные области Зап. и Вост. Сибири (Малый атлас СССР. М., 1973, карта 9 — плотность населения).

¹⁰⁶ Никольский В. В. Указ. соч., с. 14—15.

лет, с разрешения чиповника по крестьянским делам Архангельской губернии, они были допущены к морским промыслам.¹⁰⁷ Проявив замечательную энергию, жители Колвицы обстроились, провели дорогу к оз. Колвицкому, построили мосты, развели огороды. К 20-м годам XX в. здесь было 37 хозяйств и насчитывалось столько рогатого скота, сколько было у 120 хозяйств соседней Кандалакши.¹⁰⁸

Главной причиной переселения карел в течение XIX—начала XX в. из внутренних, северных районов Карелии на беломорское побережье был голод из-за недостатка собственного хлеба. Отмена подсежного земледелия в северной Карелии в середине XIX в. и запрещение вольной продажи хлеба принудили карел покупать хлеб у поморов, цена которого, и без того высокая в этой неземледельческой зоне, увеличивалась на стоимость его провоза. Страшные неурожай 1827, 1867—1868 гг. разогнали северных карел по поморским деревням (особенно в Кемском уезде) в поисках хлеба.¹⁰⁹ Характерно, что северные карелы, соседствующие с русским населением, почти поголовно были двуязычны, называя вот уже более 100 лет русский язык «хлебным».¹¹⁰

В поморских селениях северной части Карельского берега и на Кандалакшском берегу — в Керети, Княжой Губе, Кандалакше — подавляющая часть карел позднейших приселений, не порвавших к тому же связей с местами исхода, т. е. с основным массивом карельского народа, остается двуязычной до настоящего времени (среднее и старшее поколения), сохраняя свое национальное самосознание и не считая карелами тех, кто утратил родной язык, даже если им достоверно известна их карельская родословная.¹¹¹ Любопытно, что изменения в национальном самосознании отмечаются самим населением и связываются в первую очередь с утратой языка: один из жителей с. Колвицы в возрасте 40 с лишним лет сообщил бывшим здесь участникам экспедиции 1972 г., что он «переродок». На вопрос, значит ли это, что кто-то из его родителей — русский, он ответил: «Нет, отец и мать — карелы, а я переродок: дети мои по-карельски уже говорить не могут».¹¹²

По-иному развивались отношения русского населения, селившегося на беломорском побережье, с другими аборигенными жителями этих мест — саамами. Если карелы сыграли определенную (а в ряде районов — значительную) роль в сложении поморского населения Зимнего, Летнего, Онежского, Поморского, Ка-

¹⁰⁷ АИЭ, к-1, оп. 2, л. 31—44.

¹⁰⁸ Никольский В. В.: Указ. соч., с. 15.

¹⁰⁹ ЛОААН, ф. 270, оп. 1, д. 135, л. 3 (Положение жителей Архангельской губ.).

¹¹⁰ АИЭ, к-1, оп. 2, № 941, л. 28—29 (д. Княжая Губа).

¹¹¹ Там же, л. 34 (с. Ковда).

¹¹² Там же, № 940, л. 16 (с. Колвица).

рельского берегов, то саамы (лопарь) приняли заметное участие в этом процессе лишь в северо-восточной части Терского берега и, видимо, в какой-то мере — в районе Кандалакши.

Ко времени расселения русских на побережьях Белого моря прибрежная «лопь» была вытеснена почти повсеместно появившимися здесь ранее карелами. Во второй половине XIII—первой половине XIV в. Новгород и Норвегия мирным и военным путем устанавливали границы своих владений на территории, заселенной саамами. С середины XIII в. (1251 г.) саамы Финмаркена (северная область Норвегии от Варангерского зал. до Тромсё) и Кольского п-ова стали двоеданными, т. е. платящими дань сразу двум государствам. Поскольку земли саамов официально разделены не были, каждая сторона считала морские побережья (Ледовитого океана и Белого моря) своей территорией. Фактически же существовали сферы преимущественного влияния, и в русскую сферу входил Кольский п-ов.

В 1326 г. Новгород и Норвегия подписали мирный договор, по которому норвежцы признали Кольский п-ов областью преобладающих интересов Руси; однако продолжало существовать двоеданство живущих здесь саамов. С середины XV в. между двумя враждующими государствами прекратились постоянные военные столкновения и установились мирные отношения. Примерно к этому времени относятся определенные сведения о постоянных несаамских поселениях на Терском берегу — волостях Умбе и Варзуге. Как было сказано выше, в XVI в. владения «терских лопарей» на побережье начинались с р. Пялицы («половина речки Пялицы») и простирались далее к северу, за Поной; с конца XVI в. уже русские, а не карелы лишают лопарей их исконных прибрежных угодий между рр. Повоем и Еконгой, где находились их летние стойбища для рыбных промыслов.

Оттеснение лопарей с Терского берега явилось последним звеном в процессе ухода (сдвига) саамов с территории, занимаемой ими в древности.

Мы не знаем, как складывались с продвижением на север (в земли саамов) отношения карельского населения с саамским. точнее — происходило ли какое-то смешение этих двух народов, помимо оттеснения саамов. По-видимому, включение саамского элемента в карельскую народность все же имело место, во всяком случае в Заонежье, где «лопские поселения» отмечаются в писцовых книгах XVI—XVII вв., а позднее упоминания о «лопнах» в этих местах редки и единичны. Чрезвычайно интересно в связи с этим замечание, что оседлые земледельческие крестьяне — лопари семи Лопских погостов Повенецкого уезда (б. Заонежье) в 1802 г. «под именем карел» вошли в состав Кемского уезда.¹¹³ Отдельные группы или семьи саамов были соседями поморских

¹¹³ Камповский Р. М. Хозяйственный и этнографическо-статистический очерк лапландцев. — АГО, р. 1, оп. 1, № 46, л. 3.

жителей в XVI—XVII вв. на Поморском, Карельском, Канда-
лакшском берегах — между рр. Сумой и Нюхчей, около Выгозера,
по рр. Кеми и Шуде, в Керетской и Ковдской волостях, в 60 вер-
стах от Кандалакшской губы; все они жили «в диких ухоях»,
на озерах, в лесу. Впоследствии источники о них ничего не со-
общают.

Можно предположить, что какие-то саамы вместе с русскими
и карелами явились первыми жителями Кандалакши (1526 г.),
тем более что среди вкладчиков основанного в этом же веке Кан-
далакшского монастыря, состоявших из окрестных жителей,
было достаточно много «лопинов»; саамы также были в числе
монастырских крестьян, работавших на промыслах между рр. Ни-
вой и Колвицей. Какая-то роль карельского и саамского элемен-
тов в формировании русского населения Кандалакши отразилась,
на наш взгляд, в двойных и, казалось бы, исключаящих друг
друга названиях (и самоназваниях) жителей Кандалакши, за-
фиксированных полевыми наблюдениями в XX в. По одному сви-
детельству, отнесенному к концу XIX в., кандалакшане осознают
себя не русскими, российскими, а «дикой темной корелой»; ¹¹⁴
по другим сведениям, сообщают о том, что жители соседних сел
называют их «лопарями»: «Нас и лопарями кличут. Может, го-
ворили раньше старики, Лопских погостов были, так вот тебе
и лопари». ¹¹⁵ Старожилы Кандалакши говорят, что в круг брач-
ных связей местного населения входило и с. Поной (чего не на-
блюдалось, например, в Умбе и Варзуге), ¹¹⁶ в формировании на-
селения которого саамы сыграли особую роль.

Село Поной явилось пограничным пунктом расселения рус-
ских по Терскому берегу: к северу и северо-западу от Поной
(Мурманский берег) постоянных русских поселений не было до
конца XIX—начала XX в. Ядро понойских поселенцев, видимо,
составилось из крещеных, ведущих полукочевой образ жизни
саамов Попойского погоста и немногочисленных русских при-
шельцев. По словам стариков, в первой четверти XX в. Поной
заселился лопарями из Каменского погоста, ¹¹⁷ с давних нор имев-
ших связи с Варзугой, т. е. саамами, одними из первых всту-
пившими в контакт с русскими пришельцами.

Чрезвычайно интересны редкие, но ценные свидетельства,
указывающие на те изменения в этническом самосознании, кото-
рые происходили у саамов под действием христианского вероиспо-
ведения. Как известно, официальное обращение саамов Русского
государства в православие началось со второй половины XVI в.,
и ему в первую очередь подверглось население лопарских пого-

¹¹⁴ Колпаков Н. П. Терский берег. [Вологда], 1937, с. 10.

¹¹⁵ АИЭ, к-1, оп. 1, № 940, л. 5, 7; № 941, л. 15.

¹¹⁶ Там же, л. 7.

¹¹⁷ Чарнолуцкий В. В. Материалы по быту лопарей. Опыт опре-
деления кочевого состояния лопарей восточной части Кольского п-ова. Л.,
1930, с. 39.

стов, соседних с русскими поморскими селениями или находившихся вблизи церквей и монастырей. С этого времени в течение веков «русские саамы» почти не сталкивались со скандинавскими: кроме дальности расстояния, этому препятствовало еще и различие в вероисповедании. Русские проповедники толковали саамам о том, что общение с их иноверными («немецкими») родичами — тяжкий грех. Это убеждение было распространено среди крещеных саамов в середине XIX в.: антрополог А. И. Кельсиев сообщал, что если русский лопарь побывает в доме лопаря-протестанта, он едет каяться в этом грехе священнику.¹¹⁸ В сознании саама понятия «христианство» и «русский», по-видимому, отождествлялись: в XIX в. бывали случаи, когда крещеный саам считал себя русским и в доказательство показывал крест.¹¹⁹ В то же время их религиозная нетерпимость доходила до того, что любого лютеранина саам называл «татарином» и старался не есть с ним из одной чашки (влияние старообрядцев, — Т. Б.).¹²⁰

Увеличившийся приток русского населения на Терский берег в течение XVII—XVIII вв., тесные хозяйственные связи русских и саамов, в результате которых саамское население погостов, соседних с русскими поморскими селениями, почти поголовно знало русский язык, приводили к тому, что постоянное население Поной саамского происхождения становилось русскоязычным. Исследователи XIX в. отмечали, что родственные связи саамов с русскими не являлись редкостью, причем если саам женился на русской, он оставался жить в селе, а не уходил в погосты и кочевья. Наблюдались случаи женитьбы бедных поморов на лопарках, которые считались хорошими хозяйками. Медленный рост саамского населения в погостах в большой мере объяснялся отливом части саамов в русские поселения, в первую очередь Пялицу и Поной.

Процесс «обрусения» отдельных групп саамов отмечали исследователи в XIX в. А. И. Кельсиев и другие приписывали исчезновение чисто «лопарского типа» (в антропологическом смысле, — Т. Б.) частым случаям нарушений супружеской верности в саамской семье. Н. Харузин уточнял, что подобные факты обыкновенно имели место в среде саамов приморских погостов, которые, по мнению ряда ученых, «лицом, ростом и телосложением почти не отличались от русских поморов».¹²¹ Нередко саамские женщины вступали в связь не только с жителями Терского берега, но и с приходящими на мурманский тресковый промысел с Поморского и Карельского берегов. В результате постоянных и временных брачных (нецерковных) связей¹²² между русскими

¹¹⁸ Харузин Н. Н. Русские лопари. Очерки прошлого и современного быта. М., 1890, с. 58—59.

¹¹⁹ Россиев П. Северная Русь. (Очерки и картинки). М., 1903, с. 79.

¹²⁰ Харузин Н. Н. Указ. соч., с. 262.

¹²¹ Там же, с. 68.

¹²² Там же, с. 260—262. Харузин считал, что «если и существует примесь посторонней крови в лопарях, замечаемая в особенности среди рус-

п саамами уже к концу XIX в. сформировалось поколение, о котором говорил Н. Харузин: «Неоднократно приходилось встречать лопарей и лопарок, из молодых, менее всего, если можно так выразиться, похожих на лопарей; подчас, посмотрев на такого лопаря, убежден, что он помор, и лишь при разговоре обнаруживается, что он лопарь».¹²³ В 80-е годы XIX в. саамы с. Поной просили разрешения на постоянное оседлое жительство, обаяваясь производить «в оном строении не лопарские вежи, а наравне с крестьянами по силе и средствам дома и прочие строения», но при этом просили «наделить их в селении Поное сенокосом и морскими згодьями наравне с крестьянами». Потомки этих саамов были обследованы антропологической экспедицией в первой четверти XX в.: они числились русскими, а некоторые не помнили (или не хотели помнить) свое «лопарское происхождение».¹²⁴ В. В. Чарнолуцкий отмечал, что все жители с. Попой считают себя русскими, хотя население соседних поморских сел говорит о них: «понояне — те же лопари».¹²⁵

В 20-е годы нашего века русские не только являлись основным населением поморских деревень Терского берега, но жили, правда в небольшом количестве, во внутренней части полуострова и в саамских погостах по Мурманскому берегу (Иокангском, Лумбовском, Сосновском) и в с. Ивановке.¹²⁶ Каменские, иокангские, лумбовские саамы, сохраняя национальное самосознание, одежду и быт, тем не менее все знали русский язык, причем последние говорили о себе, что они «вовсе обрусели», а в сложном по этническому составу Сосновском погосте (саамы, русские, ижемцы, ненцы) были дети саамского поколения, которые совсем не знали родного языка.¹²⁷ Даже в Семиостровском погосте, население которого не вступало в брачные связи ни с кем из жителей, населявших в указанное время Терский берег и примыкающие к нему районы, все саамы, кроме древних старух, владели русским языком.¹²⁸

Любопытно, что наибольшими симпатиями иокангских и лумбовских невест пользовались русские парни и «понойцы», затем финны и норвежцы; мотивы симпатии, по утверждению жителей,

ских лопарей, именно крови русской и карельской, то это объясняется исключительно незаконной связью представителей этих народностей. По некоторым данным, браки между лопарями и норвежцами — более частое явление, чем между лопарями и русскими: за 1870—1890 годы лишь одна лопарка — вдова вышла замуж за карела (венчалась, — Т. Б.), за русского же не было и примера выхода замуж.

¹²³ Там же, с. 68.

¹²⁴ Золотарев Д. А. Корельские лопари. — Тр. Лопарской экспедиции РГО по антропологии лопарей и великорусов Кольского полуострова. Т. I, 1928, с. 145.

¹²⁵ Чарнолуцкий В. В. Указ. соч., с. 39.

¹²⁶ Там же, с. 36, 38.

¹²⁷ Там же, с. 39.

¹²⁸ Там же, с. 36.

крылись не столько в чисто внешних качествах (taja) «не лонарей», сколько в преимуществах оседлой жизни. Старики и старухи саамы говорили, посмеиваясь, что «лопские бабы вовсе обрусели и дела своего не справляют: все мужчины делают, а те только спят, на солище греются да песни поют».¹²⁹ Даже если эти насмешки были преувеличены, они указывали на важный факт отхода части саамского населения от кочевого образа жизни, который способствовал в свою очередь еще большему их «обрусению».

Русское население Зимнего берега соседствовало с другим кочевым аборигенным населением Севера — ненцами. Западной границей сплошного расселения ненцев в настоящее время являются правые притоки р. Мезени и р. Несь. Небольшие группы ненцев, не считая приходящих с п-ова Канин в зимнее время, кочуют в бассейне р. Кулой и по Зимнему берегу.¹³⁰ Некоторые сведения давали ученым основание предполагать, что сравнительно недавно (в XIX в.) несколько семей ненцев кочевало в бассейне р. Онеги, а два-три столетия назад они доходили почти до Онежского озера.¹³¹ Ненцы жили и живут сейчас также на островах Северного Ледовитого океана — Новая Земля, Колгуев, Вайгач.

Осваивая океанское побережье от Мезенской губы до устья р. Печоры, монастыри и отдельные промышленники вторглись во владения тундровых ненцев (канинских, тиманских, большеземельских), которых еще И. Лепехин назвал «приморскими» и для которых подчеркнул важность морского зверобойного промысла. В XVII в. двинской воевода предписывает промышленавшим здесь «монастырским приказчикам (Красногорского монастыря, — Т. Б.), двинянам, кеврольцам, мезенцам, пустозерцам, пинежанам не теснить друг друга, обид не чинить и промышленять на том Загубском (за Мезенской губой, — Т. Б.) берегу бесспорно».¹³² При этом считалось, что прибрежные места «лежат впусе и никто не владеет <ими>».¹³³

Русские промышленники — жители сел северо-восточной части Зимнего берега, р. Мезени, а также Пустозерска — с конца XVIII в. использовали труд ненцев на различных промыслах — рыбном, морском зверобойном, охотничьем, в оленеводстве — как на материке, так и на островах. Положительные результаты борьбы ненцев в XVII—XVIII в. за возвращение своих угодий

¹²⁹ Там же, с. 103, 138.

¹³⁰ Хомич Л. В. Ненцы. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1966, с. 16.

¹³¹ Калинин Н. М. О распространении самоедов в прошлом. — Изв. РГО, 1929, т. LXI, с. 77—80.

¹³² СГКЭ, т. 2, № 121, с. 382 (Память Двинского воеводы ... па рыбный и звериные промыслы на Загубском берегу, 1695 г.).

¹³³ Там же, № 120, с. 380—381 (Данная Двинского воеводы, 1695 г.).

к середине XIX в. практически сошли на нет, особенно в зоне приморской тундры: несмотря на то что поморам Зимнего берега было разрешено владеть только 60 десятинами земли для пастьбы оленей, они пасли их по всей близлежащей территории тундры, а жители сел Зимнего берега — Мегры, Койды — посылали оленей даже на п-ов Канин; повсеместно русское население занималось морским промыслом в пенецких угодьях на берегах Канинской тундры и устьев рек.¹³⁴

Несмотря на довольно тесные контакты поморского населения Зимнего берега с ненцами, неизвестны случаи более или менее постоянных брачных связей между ними до революции.¹³⁵ Например, в течение 1855—1884 гг. в Койдепском приходе, куда входили села Зимнего берега — Ручьи, Майда, Койда, был один случай венчания в 1855 г. «новокрещенного самоедина Канинского берега» Иосифа Ардеева с жительницей с. Койда Марфой Андреевной Тальковой, и притом, судя по ее фамилии, не коренной койдянке.¹³⁶ Старожилы зимнебережных сел помнили об этом давнем браке как явлении исключительном; будучи в большинстве своем старообрядцами, жители придерживались довольно узкого круга брачных связей, ограничивавшихся, за редкими исключениями, селами Зимнего берега и некоторыми деревнями по рр. Кулою, Мезени — Долгощелье, Лампожня, Сояпа. Кроме того, христианизация ненцев, в отличие от саамского населения, происходила очень поздно — в первой четверти XIX в. (так называемая «самоедская духовная миссия» 1825 г., организованная для крещения ненцев Канинской тундры), что наряду с общественно-социальными (кочевой образ жизни) и этнопсихологическими причинами создавало естественные барьеры для смешения двух народов.¹³⁷ Видимо, не характерны до революции были и браки с ижемцами, во всяком случае старики говорят сейчас об этом как о новом явлении: «Где теперь только наших нет и кого ни привозят: дети появились, похожие не то на ижемца, не то на ненку».¹³⁸

Появление небольшого числа ненцев и ижемцев на Кольском п-ове в 80-е годы XIX в. также не внесло существенных изменений в характер этнических связей поморов Терского берега с окружающим населением; ижемцы особенно недружелюбно были встречены русским и саамским населением: им было отказано в приписке к с. Поной, и они поселились во внутренней

¹³⁴ Ефименко А. Я. Народные юридические обычаи инородцев. — Зап. РГО по Отд-нию этнографии, 1878, т. 8, отд. 2, с. 204.

¹³⁵ Хомич Л. В. Указ. соч., с. 302; АИЭ, к-1, оп. 2, № 871, 872, 873, разные листы.

¹³⁶ АИЭ, к-1, оп. 2, № 872, л. 1—5, «Брачные обыски» (Архив колхоза «Освобождение», с. Койда Мезенского р-на).

¹³⁷ Иванов А. Самоедская духовная миссия. (Из культурной истории Севера). — ИАОИРС, 1913, № 13, с. 604—607.

¹³⁸ АИЭ, к-1, оп. 2, № 871, л. 40.

части полуострова, в Ловозере, где жили довольно замкнуто до 20-х годов нашего столетия.¹³⁹

Во второй половине—конце XVIII в. правительство разрешает селиться в Архангельской губ. на постоянное жительство иностранцам (пемцам, датчанам, пленным шведам) и вольноотпущенникам из земледельческих районов. Большая их часть приписывается к крестьянским семьям — жителям селений Холмогорской и Архангельской округ — в Андриянов и Терпилов станы, Заостровскую, Курейскую, Ухтоостровскую, Исакогорскую, Куростровскую и другие нижнедвинские волости. Например, из 72 приселений иноземцев, состоявшихся в 1788—1792 гг., 53 — в Архангельскую и Холмогорскую округи.¹⁴⁰ Остальные переселенцы распределялись по волостям Мезенской, Онежской, Кольской и Пинежской округ, т. е. в основном по неземледельческим, промысловым районам. Количество их было невелико и не могло, разумеется, оказать сколько-нибудь серьезного влияния на изменение этнического облика местного русского (в том числе и поморского) населения.

Итак, имеющиеся источники (главным образом письменные) позволяют проследить появление постоянных поселений с русскоязычным населением на беломорском побережье с XIV в. (хотя заселение началось раньше) — деревень и погостов в низовьях Сев. Двины в южной части Летнего берега. В XV в. заселяется остальная территория Летнего берега, значительная часть Поморского берега, возникают волости Варзуга и Умба на Терском берегу. В течение XVI—XVII вв. образуется цепь постоянных населенных пунктов от Поноя на Терском берегу до Зимней Золотицы на Зимнем берегу; возникают русские поселения на Онежском, Карельском берегах. И, наконец, в конце XVII—первой трети XVIII в. заселяется северо-восточная часть Зимнего берега до Мезени.

В процесс формирования поморского населения, происходившего в основном в течение XIV—XVII вв., были вовлечены группы различных народностей. Русское население проникало в приморскую зону на раннем этапе (XII—первая половина XV в.) из двух основных переселенческих потоков: новгородского, осваивавшего в первую очередь юго-западное побережье Белого моря (Поморский берег, южную часть Карельского и Канда-лакшского берегов), и верхневолжского, население которого оседало в низовьях Сев. Двины, на Летнем, Терском берегу (совместно с новгородскими выходцами) и в южной части Зимнего берега. Наряду со славянским населением в то время на Север безусловно попадало скандинавское, балтское и финно-угорское население Новгородской земли, Волго-Окского междуречья и, воз-

¹³⁹ Чарполусский В. В. Указ. соч., с. 41.

¹⁴⁰ ГААО, ф. 4, оп. 7, Архангельское губернское правление, № 186—197, 279, 281—287, 366—371 и другие документы.

можно, более южных районов — например, различные племена води, ижоры, веси, мери и др., подхваченные общим движением славянских племен.

На новых местах обитания пришельцы неизбежно вступали в контакт с аборигенным населением — племенами чуди, карелами, саамами, ненцами и коми. Характер этих связей был далеко не одинаков. Довольно быстрая ассимиляция чудских племен, о которой неоднократно говорилось в научных трудах, объяснялась разными причинами, но главной считалась низкая плотность населения Севера к моменту прихода русских. Следует, однако, отметить, что крайне неопределенные и редкие письменные свидетельства о чуди, чудских печищах и городищах говорят о ее более или менее «массовом» расселении на территории Заонежья и в восточной части Заволочья. На интересующей нас поморской территории следы чуди прослеживаются по источникам и остались в преданиях населения низовьев Сев. Двины до Холмогор с прилегающими участками Летнего и Зимнего берегов, на Терском берегу и в какой-то степени в бассейне низовьев р. Онеги, в том числе на Поморском берегу.

Особую роль в сложении поморского населения, главным образом на Онежском, Карельском и Кандалакшском берегах, сыграли карелы. Длительное и в подавляющем числе случаев мирное сосуществование русского и карельского населения в период, предшествующий интенсивному освоению русскими Севера Европы, сходный образ жизни и другие факторы способствовали естественному смешению этих двух народов, особенно в районах известной изоляции их отдельных групп от основных этнических массивов. Карелы вместе с русскими участвовали не только в заселении беломорского побережья, но и в организации океанских промыслов в западной части Кольского п-ова, сыгравших важную роль в формировании поморского населения.

Название «помор», «поморец» на Русском Севере, по имеющимся данным, впервые появляется в письменных источниках на страницах летописи под 1526 г.: «Поморцы с моря Окияна, из Кандолжской губы». В этом тексте «поморцы» противопоставляются «лоплянам», вместе с которыми они просят устройства церкви. С этого времени названия «поморцы», «поморский», «Поморье» постоянно фигурируют в актовых памятниках и сохранившихся писцовых книгах XVI—XVII вв., причем последние два наименования встречаются гораздо чаще, чем первое. Как название его употребляют правительственные грамоты 1546 и 1556 гг.: «...что де Каргопольцы и Онежапе, и Турчасовцы, и Порожане, и Устьмошане... ездить к морю соли купити, да купив де у моря соль у Поморцев да взять ее в Турчасово»;¹⁴¹ «А нашим боярам Новгородским и Двинским и Усть-Колские волости приказным и всяким Поморским людям и Корелским де-

¹⁴¹ ААЭ, т. 1, № 211, с. 200.

тям и Лопарям... в тое их вотчины (Троицкого Печенгского монастыря, — Т. Б.)... не вступатися».¹⁴² Из текста грамот можно вывести предположение, что в первом случае имеются в виду либо жители посадской стороны Летнего берега (Не-нокса?), либо население Поморского берега, где действовали многочисленные варницы Соловецкого монастыря, но очевидно — что жители морского побережья, а во втором случае занимавшиеся морскими промыслами на западном побережье Кольского п-ова, в районе Кольской губы.

В официальных документах термин «помор» употребляется в XVI в. и как самоназвание, и как название. В качестве самоназвания им пользуются, например, жители волостей Канда-лакши и Керети: в составлении различных грамот 1580—1581 гг. подписываются «поморец Кандалакшанин» и «поморец Керече-кие волости».¹⁴³

Сопоставление редких в источниках XVI в. наименований «поморцы», «поморские люди» с более употребительными — «Поморье» и «Поморские волости» поможет выяснить соотношение этих терминов и более точно определить, какая часть населения называлась в XVI в. «поморцами» и какими причинами было вызвано появление этого названия. К сожалению, мы располагаем немногочисленными источниками, позволяющими провести это сопоставление, но и из них можно извлечь весьма любопытные данные.

Так, «поморскими волостями» в XVI в. называются Шунгская волость — Заонежье (1549),¹⁴⁴ Кола, Кандалакша, Ковда, Порья Губа (1556),¹⁴⁵ Умба (1577), Кереть (1581),¹⁴⁶ Кемь, Сума, Варзуга и «иные поморские волости Соловецкого монастыря», т. е. волости на беломорском побережье, которые уже были во владении Соловецкого монастыря к концу XVI в.;¹⁴⁷ Шуя, Сухой Наволок, Шижня, Вирма, Колежма, Нюхча (1591).

В писцовых книгах 1574—1608 гг. проводится перепись станов-вищ (изб) и их владельцев, промышлявших на западном и восточном побережьях Кольского п-ова; среди них «приходят на удьбу двиняне (здесь и далее курсив мой, — Т. Б.) и кореляне и поморских волостей люди».¹⁴⁸

«Двиняне» и «кореляне», а также «инородцы» (к которым, видимо, на основании некоторых данных можно отнести немногочисленных каргопольцев и пудожан) противопоставляются жителям «поморских волостей». Это — кандалакшане, ковдяне, кере-

¹⁴² СГКЭ, т. 2, № 136, с. 441.

¹⁴³ Там же, т. 1, № 247, 250, с. 238, 241.

¹⁴⁴ ААЭ, т. 1, № 239, с. 262.

¹⁴⁵ СГКЭ, т. 2, № 136, с. 437—441.

¹⁴⁶ ААЭ, т. 1, № 88, с. 129; № 310, с. 374—375.

¹⁴⁷ Хрестоматия по истории Карелии, с. 110; ААЭ, т. 1, № 353, с. 427—428.

¹⁴⁸ Выписка из писцовой книги Алая Михалкова. Цит. по: Харузин Н. П. Указ. соч., с. 417.

чане, умляне (из Умбы, — Т. Б.), варзужане, княжегубцы, кемляне, сумляне, шуеречане, нюхчане, сухонаволочане, заонежане (возможно, из Шунгской волости), т. е. жители мест, известных и по другим, указанным выше, документам в XVI в. как «поморские».¹⁴⁹ Интересно, что становища крестьян поморских волостей были расположены в основном в западной части Кольского п-ова, от границы с Норвегией до о. Кильдин, на территории, которую писцовые книги называют «Мурманский конец», или «Мурманский берег», а становища двинян указывают в восточной части полуострова, или на «Русском конце».¹⁵⁰ Возникает предположение: нет ли какой-нибудь связи между понятиями «поморы» (и «поморские волости») и мурманские промыслы, промыслы на Мурманском берегу?

Известно, что зарождение постоянных мурманских промыслов относится к первой половине XVI в. Их инициаторами были русские и карелы — жители Кандалакши и образовавшейся несколько позже Колы.¹⁵¹ В 40-е годы XVI в. здесь, на п-ове Рыбачьем, уже существовал меновой торг (Кегор), куда приходили голландские и норвежские суда для торговли с русскими, карелами, саамами. Торгом руководил царский сборщик дани.¹⁵² В нем, кроме кандалакшан, в середине—второй половине XVI в. могли принимать (и, по всей вероятности, принимали) участие все жители «поморских волостей», чьи становища находились на Мурманском берегу. Если принять во внимание свидетельство Н. Харузина, что слово «мурман» объясняется самими саамами (т. е. исконным, до прихода русских, населением этих мест) из саамского языка: *muŋ* 'море', *maŋŋ* 'луна' или *maa* 'земля',¹⁵³ то можно предположить, что упомянутые названия, а также «мурмане» («урмане» русской летописи) заимствованы русскими от саамов и вначале относились к норвежцам и той территории, которая граничила с норвежскими владениями на Кольском п-ове.¹⁵⁴ Не исключено, что слово «помор», соответствовавшее по смыслу понятию «мурман» («морской человек»), и стало названием русских и карел, занимавшихся промыслом на Мурманском берегу и сменивших норвежцев. Возможно также, что и под Поморьем подразумевался вначале именно Мурман, так как, по не-

¹⁴⁹ Там же, с. 426—428.

¹⁵⁰ Там же, с. 429.

¹⁵¹ Ушаков И. Ф. Указ. соч., с. 61.

¹⁵² Вальдман К. Н. Старинное становище и торг (XVI в.) на Крайнем Севере (Кегор—Вайда-Губа). — Изв. ВГО, 1968, т. 100, вып. 1.

¹⁵³ Харузин Н. Н. Указ. соч., с. 18. Подобный перевод и значение саамского слова *'muŋmaa'* принят советской наукой (см. в кн.: Восточнославянская ономастика. М., 1972, с. 53—54).

¹⁵⁴ По утверждению К. Н. Вальдмана, еще в первой половине XVI в. норвежцы не ходили на судах далее Вардё, что отразилось в карте 1539 г. Олая Магнуса (Вальдман К. Н. Кольский полуостров на картах XVI в. — Изв. ВГО, 1962, т. 94, вып. 2, с. 139).

которым данным, «Поморье» в XVI в. не всегда было тождественно понятию «поморская волость» и даже противопоставлялось ему, обозначая собственно океанское побережье, т. е. Мурманский берег: «...а гонцы деи (Соловецкого монастыря, — Т. Б.) гоняют многие с Москвы в *Поморье на Мурманское море* до Усть Колы, а из Нова деи города в Поморские волости».¹⁵⁵

Итак, возможна гипотеза, что русским названием Поморье вначале обозначалась незаселенная территория Мурманского берега, куда, по крайней мере с начала XVI в., русские и карельские промышленники ежегодно приходили для производства океанских промыслов, вследствие чего они называли себя и их называли по-русски поморами. Поскольку кандалакшане первыми освоили Мурманский берег, возможно поэтому термин «поморец» как самоназвание мы встречаем раньше других именно у них и связанных с ними в этнотерриториальном и хозяйственном отношении жителей Керети.

В дальнейшем, в течение XVII в., содержание понятий «помор» и «поморская волость» расширялось, особенно в представлении официальных властей на местах и тем более в центре. Уже в конце XVI в. поморами стали называть всех участвующих в западных мурманских промыслах (не в торговле!), а от них и места постоянного жительства этих промышленников получили названия «поморских волостей», так что в основном границы расселения поморов совпадали с пределами поморских волостей, расположенных, за исключением Шунгской волости, вдоль беломорского побережья. В дальнейшем название «поморских» получали волости, возникающие в различных частях беломорского побережья в XVII в.: Унежма, Кушрека, Ворзогоры на Поморском берегу, Куя, Зимняя Золотица на Зимнем берегу и т. д., население которых в той или иной степени также занималось морскими промыслами на Мурманском берегу. Монастыри, не расположенные на морском побережье, но владевшие угодьями в поморских волостях или отправлявшие артели на морские промыслы, тоже назывались поморскими.¹⁵⁶

Во второй половине XVI—первой половине XVII в. поморские волости Терского, Кандалакшского и Поморского берегов, а также Шунгского и Выгозерского погостов Заонежья вместе с Колой представляли собой определенную хозяйственную область, основой экономического развития которой были морские промыслы на западном побережье Кольского п-ова (в районе Кольского залива). Кола, возникновение и расцвет которой были обусловлены развитием мурманских рыбных промыслов, стала с 70-х годов XVI в. основным торговым пунктом на Крайнем Се-

¹⁵⁵ ААЭ, т. 1, № 323, с. 383—385 (Царская грамота Соловецкому монастырю, 1584 г.).

¹⁵⁶ СГКЭ, т. 2, № 79, с. 169 (Грамота ... Аптопиево-Сийскому монастырю).

веро-Западе России. Отсюда продукты промыслов и международной торговли сухим путем, через Кандалакшу, Кереть, поморские волости Заопежья, отправлялись во внутренние области государства, в первую очередь в Москву. На этом пути возникали местные торги, из которых ближайшим к поморским волостям стал шунгский. Шунгская ярмарка в течение многих столетий (до начала XX в.) являлась для поморов важнейшим зимним торгом, куда они по традиции везли продукты промыслов сухим путем.¹⁵⁷

Примерно с середины XVII в. центр мурманских промыслов перемещается с западной части полуострова в восточную (Русский конец), туда, где еще в начале XVII в. находились промысловые становища двинян. Это перемещение было вызвано рядом причин, в том числе утратой Колой значения международного торгового пункта в связи с основанием и ростом Архангельска. Восточный берег Кольского п-ова был вполне благоприятен для проведения тех же рыбных промыслов (треска подходит сюда в июне) и в то же время находился гораздо ближе к новому торговому центру сбыта продуктов этих промыслов — Архангельску, с которым он имел прямую связь морским путем.

По-видимому, вследствие этих событий состоялось распространение названия Мурманский берег на восточную часть полуострова, бывший Русский берег, до Святого Носа, отчего и морские промыслы здесь тоже стали называться «мурманскими»; в то же время в среде поморов-промышленников побережье западного Мурмана стало называться не Поморьем, а «норвежским», или «датским» берегом.¹⁵⁸ Занимавшихся промыслами на «новом» Мурманском берегу продолжали называть поморами, но их состав несколько изменился. Во-первых, поморами стали называться двиняне, ранее всех здесь промышлявшие, но своим названием отличающиеся источниками от поморов западного Мурмана. Во-вторых, в середине XVII в. на восточном Мурманском берегу начали развивать бурную промысловую деятельность монастыри патриарха Никона — Воскресенский московский и Крестный онежский, которым были отданы погост Понойский и устья «лопских речек» к западу от него. Промыслом ведал «староста Мурманского промысла», который отправлял суда с Онежского устья,¹⁵⁹ набирая жителей с близлежащих сел Поморского и Онежского берегов. В восточном мурманском становище Гаврилово промышляли старцы Антониево-Сийского монастыря; с 80—90-х годов XVII в. на Мурманском берегу записывается промыслом Холмогорский архиепископский дом, набиравший в ар-

¹⁵⁷ ГААО, ф. 4, оп. 9, д. 177 (Торги в Кемском у., 1825 г.); там же, оп. 10, д. 33 (Сведения о торговле из Онежского у. 1856—1857 г.) и др.

¹⁵⁸ Там же, оп. 9, д. 120, л. 96 (1780-е годы).

¹⁵⁹ Калинин И. М. Торговые сношения лопарей с русскими, с. 63—64.

тели жителей волостей по нижней Двине, Летнему и Зимнему берегу.¹⁶⁰

Таким образом, «поморами» стали именовать население Онежского, Летнего и Зимнего берегов, принимавших участие в восточном мурманском промысле.

В то же время в силу причин экономического и политического характера заметно хиреют тресковые промыслы на западном Мурмане, которые велись поморами Терского, Каңдалакшского, Карельского и Поморского берегов. Население Поморского берега, втянутое монастырями в промыслы на восточном Мурмане, меняет места промыслов, но продолжает интенсивно ими заниматься: еще в начале XX в. мурманский промысел являлся основной экономики этого района Белого моря, в котором было занято почти все мужское население.

Жители побережья Каңдалакшской губы и Терского берега (малочисленные по сравнению с населением Поморского берега) оказываются в стороне от восточномурманских промыслов и морского торгового центра Архангельска: они продолжают вести незначительные по размерам промыслы на западном Мурмане, но в основном переключаются к началу XVIII в. на прибрежные беломорские промыслы — сельдяной и семужий лов, зверобойный лов. Незначительная деятельность на западном Мурмане второстепенных кольских монастырей — Каңдалакшского и Печенгского — по существу не меняет картины: западные мурманские промыслы к началу XVIII в. уже сходят на нет.

Итак, ко второй половине—концу XVII в. относится развитие восточных мурманских промыслов, в которых занято главным образом население Поморского, южной части Карельского, Летнего, Зимнего берегов и низовьев Сев. Двины до Холмогор. Все население этих мест, занятое в промыслах, называлось поморами.

Наше предположение, что возникновение термина «поморы» было связано с мурманским промыслом (тресковый лов на восточном Мурмане), подтверждается тем фактом, что 1) с течением времени он прочно закреплялся в первую очередь как само название за населением, продолжавшим интенсивно заниматься этим промыслом, 2) постепенно исчезал в тех местах, где промысел сокращался, 3) не являлся самоназванием жителей, хотя и живущих на беломорском побережье, но почти не занимавшихся этим промыслом. Так, письменные источники местного, северного происхождения второй половины XVIII—XIX в. и полевые данные XIX—XX вв. свидетельствуют о том, что безусловно поморами считали себя жители Поморского берега от Онеги до Кеми включительно, некоторых сел Карельского берега (Гридино, Калгалакши), Зимнего берега от Зимней Золотницы до с. Койды и отчасти Летнего берега.¹⁶¹ Исконная ведущая

¹⁶⁰ ДАИ, т. V, СПб., 1853, № 67, с. 354, 1668 г.

¹⁶¹ ГААО, ф. 1, оп. 4, д. 6492а, л. 1—2, 18 об.; ф. 4, оп. 9, д. 771 (Объявление судовладельцев об отпуске хлеба промышленникам... , конец XVIII в.);

роль в мурманских промыслах населения сел от Онеги до Кеми и его ярко выраженное самосознание, видимо, сказались, и в названии этой территории — Поморский берег, Поморье (в узком смысле слова), появляющемся в документах в начале XVIII в.¹⁶² Крестьяне-поморы остальных перечисленных поморских районов, хотя и не считали мурманский промысел основным занятием, все же в той или иной степени были приобщены к нему. Жители Карельского берега нанимались в работники к хозяевам-судовладельцам с Поморского берега, из селений Кандалакшского, Терского, Летнего и Зимнего берегов до начала XX в. 4—5 человек с каждого крупного села снаряжали суда на Мурман.¹⁶³ Интересно отметить, что самоназвание «поморы» в северо-восточной части Зимнего берега (от Зимней Золотицы до Койды) появилось в первой трети XVIII в., т. е. довольно поздно, и, вероятно, сам термин был принесен сюда переселенцами из нижнедвинских волостей, где он бытовал до этого. Кстати сказать, со второй половины XVIII в. в нижнедвинских волостях до Холмогор постепенно сокращаются не только новоземельские моржовые, но и мурманские, т. е. океанские, промыслы, и последние, с отливом населения на Зимний берег, также переносятся туда. Характерно, что в середине XIX в. ни один из холмогорских крестьян ничего не знал об этих промыслах и старики не помнили тех, кто ими занимался, а в Зимней Золотице помнили о новоземельском промысле, хотя им уже никто не занимался, и вели мурманский лов. Современные полевые наблюдения показали, что жители деревень устья Сев. Двины, не называя себя поморами («никогда и разговору нет»), считают таковыми население Летнего берега (посад Ненокса, деревни Сюзьма, Лопшеньга и др.).¹⁶⁴

Итак, к началу XX в. население беломорского побережья не осознавало своего единства, что выражалось прежде всего в различной степени развитости и бытования самоназвания «поморы» на разных поморских берегах (см. карту 3). Сильнее всего самосознание у жителей Поморского берега (особенно от Кеми до Колежмы). Настоящими поморами они считают только себя (допуская такое название лишь для некоторых групп беломорского населения), прочно связывая это название с мурманским промыслом: «С Кандалакши на Мурман не ходили (на их памяти — Т. Б.). Теи может тоже себя поморами зовут, а для нас-то не поморы»; ¹⁶⁵ «с Летнего (имеется в виду Онежский, — Т. Б.) берега — не поморы, они картошку сеяли, хлебопашеством за-

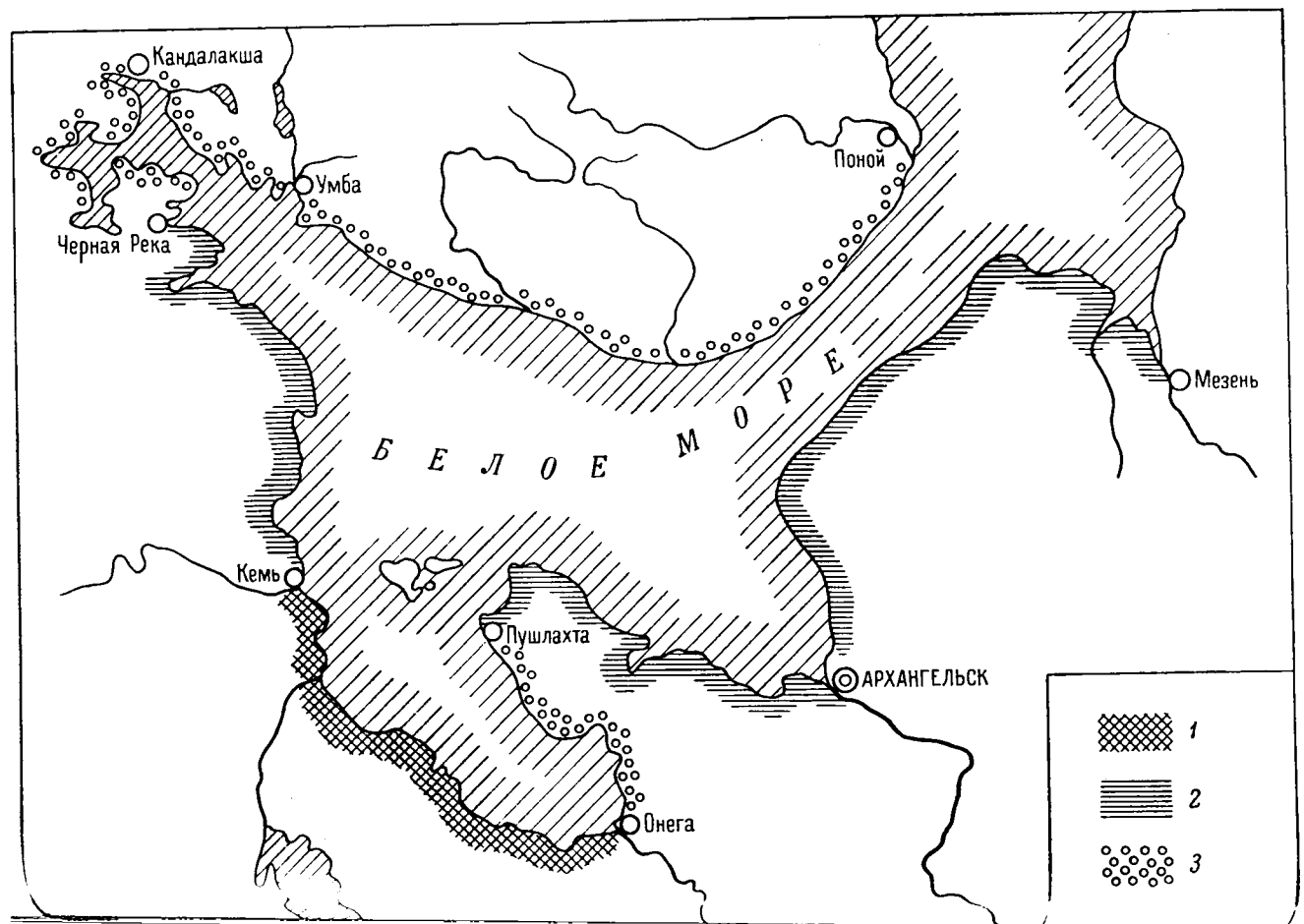
ф. 4, оп. 9, д. 87, л. 2, 4—10, 17 и др. (Об отпуске хлеба, семян, круп и проч. в поморские города, конец XVIII в.); АИЭ, к-1, оп. 2, № 876, л. 54, 69 (Поморский берег).

¹⁶² ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 6763, л. 13—16 и др.

¹⁶³ АИЭ, к-1, оп. 2, № 871, л. 12.

¹⁶⁴ Полевые материалы, собранные в Приморском р-не Арханг. обл. в 1971 г. В. А. Лапиным (архив ЛГИТМиК).

¹⁶⁵ АИЭ, к-1, оп. 2, № 880, л. 11, 34.



нимались». ¹⁶⁶ Словом «поморский» жители Поморского берега обозначали любой предмет или явление своей жизни и быта: «поморский наряд», «поморская еда», «поморский обычай», «поморские гости» и т. п. ¹⁶⁷ Истинными поморами признают население Поморского берега и все жители остальных берегов, присовокупляя при этом: «Поморы — это те, что на Мурмане ловят!». Население Карельского и Кандалакшского берегов делило известных им жителей побережья на «настоящих поморов — мурмапщиков» (Поморский берег) и «оседлых поморов» — всех остальных. ¹⁶⁸

Жители Летнего берега также называли жителей Поморского берега «поморами» за их промысловую деятельность на Мурмане, а зимнебережцы, особенно из заполярных сел, признавали их поморами уже в силу распространенного на Беломорье мнения. Жители Зимнего берега, считая себя поморами, кроме того, признают поморами жителей Летнего берега, а жители последнего — население южной части Зимнего берега; о других частях Зимнего берега у них представление не очень отчетливое. Население юго-западного побережья Онежского п-ова не считает себя поморами, и их не считают за таковых жители Поморского и указанных частей Карельского, Зимнего и Летнего берегов. Онежская губа морем не называется, а морские промыслы населения сел от д. Пущлахты до г. Онеги носили прибрежный характер. Кроме того, население этих мест известно у соседних поморов Поморского берега как «кайваны» и само себя так называет. ¹⁶⁹

Не совсем ясно употребление слова «поморы» в качестве самоназвания у жителей побережья Кандалакшской губы. Саамы и карелы называют их «поморами», но их собственное самосознание не носит ярко выраженного характера: «Мы губяне, не поморы. Поморы, те по морю живут, а мы в губе живем, и потому в Архангельске нас называют губянами». ¹⁷⁰ Так же неопределенно самосознание жителей Терского берега, особенно к северо-

¹⁶⁶ Там же, № 876, л. 69.

¹⁶⁷ Там же, л. 54 и др. Название «поморская рыба треска» известно с середины XVIII в. (ГААО, ф. 4, оп. 9, д. 7, л. 40).

¹⁶⁸ АГО, р. 1, оп. 1, д. 91.

¹⁶⁹ АИЭ, к-1, оп. 2, № 874, л. 25.

¹⁷⁰ Переплетчиков В. В. Север. Очерки русской действительности. М., 1917, с. 89.

Карта 3. Самосознание и бытование термина «помор» у населения беломорского побережья в конце XIX—начале XX в.

1 — жители считают «поморами» только себя и таковыми их признают и называют жители всего побережья, севернорусское и нерусское население; 2 — считают и называют «поморами» себя и жителей Поморского берега; так же их называют севернорусское и соседнее нерусское население; 3 — называют себя «поморами», но существуют другие названия и самозвания; жители других берегов их «поморами» не считают и не называют, а севернорусское и соседнее нерусское население называет.

востоку от с. Умба — до с. Поноя включительно. Кандалакшане называют их «терчанами» и «рбконами»,¹⁷¹ а терчане их — «лопарями», «карелой», «пяккой» и т. п. Думается, что самоназвание «помор» получило здесь второе рождение. О жителях других побережий те и другие не знают — поморы они или не поморы, кроме Поморского берега.

Таким образом, если опираться на данные о названии и самоназвании, то наиболее ярко выраженной группой поморов оказываются жители Поморского (и некоторых сел Карельского) берега, так как они считают поморами только самих себя и их безусловно считает поморами население других берегов Белого моря, а также соседнее земледельческое население. На втором месте стоят жители Летнего и Зимнего берегов, называющие себя поморами и известные под этим именем у земледельческого населения. И наконец, на третьем месте находятся жители Карельского, Терского берега, Кандалакшской губы и юго-западной части Онежского п-ова, которых поморами называет лишь соседнее население, живущее вдали от моря (см. карту 3).

В XVII в. севернорусское (не поморское) население не столь дифференцировано относительно к употреблению термина «поморы», что наиболее четко отразилось в одном из документов конца XVII в.: «...люди ... Поморские *всякими промыслами на море* (курсив мой, — Т. Б.) сами промысляют и морской ход знают».¹⁷² Источники XVIII в. еще более уточняют признак «поморов»: это население, «живущее на море, занимающееся морскими промыслами в Белом море и в Ледовитом океане и кормящееся этими промыслами».¹⁷³ Таким образом, поморы стали выделяться в среде севернорусского населения по территориально-хозяйственному признаку: неземледельческое население сугубо беломорского побережья, основой хозяйства которого являются различные морские промыслы. Такое определение, существовавшее к началу XVIII в., отражало по существу завершение процесса формирования поморской группы севернорусского населения в приморской зоне и ее главного отличительного экономического признака — промысловой морской системы хозяйства.

Естественно было бы предполагать, что название Поморье должно обозначать территорию, населенную поморами, т. е. береговую линию Белого моря, однако этого не произошло. С момента своего появления в письменных источниках термин «Поморье» употреблялся в разных значениях и не всегда совпадал с понятием «поморские волости» (как уже говорилось), которые в совокупности и составляли беломорское побережье.

Документы конца XVI—XVII в. центрального происхождения

¹⁷¹ АНЭ, к-1, оп. 2, № 941, л. 11, 14, 15, 29, 32; № 942, л. 1 и др. — Рбкон — кафтан из сукна для рыбной ловли.

¹⁷² ДАН, т. V. СПб., 1853, № 67, с. 354.

¹⁷³ ГААО, ф. 1, оп. 4, д. 6492а, л. 1—2.

под Поморьем разумели: а) побережье западного Мурмана (см. выше),¹⁷⁴ б) побережье восточного берега Кольского п-ова, около р. Поной,¹⁷⁵ в) заселенную территорию беломорского побережья,¹⁷⁶ г) приморские районы в целом, включая также Мезень, Кевролу, Пустозерск.¹⁷⁷

С первой половины XVIII в. термин «Поморье» получает еще более расширенное значение, вероятно, в большой степени благодаря трудам В. Н. Татищева, который в «Истории Российской» несколько раз употребил слово «Поморье»: «Моурема (в другом месте текста «маурема», — Т. Б.) предел Лапландии при Белом море, имя сарматское — Поморие»;¹⁷⁸ это «поморие» значит «приморская или многоводная земля, отчего доднесь поморие северное около Двины и Колы именуют Мауремани и Мурмани».¹⁷⁹ Наряду с таким узко локальным понятием (совпадающим с нашим Поморье — Мурман) В. Н. Татищев дает два определения Поморья, которые мы приводим по степени расширения их содержания: 1) «...общее имя Поморие, а по уездам Архангельской, Колмоград, Вага, Тотьма, Вологда, Каргополь, Чаронда и Олонец»; 2) «Есть северная часть России, в которой все по берегу Белого и Северного моря от границы Корелии с Финнами на восток до гор Великого Пояса или Урала заключается. К югу же издревле русские помалу часть по части овладели и к Руси приобсчали... Ныне же все оное и есче с немалою прибавкою под властью Поморской губернии состоит».¹⁸⁰ Почти буквально такое содержание понятию Поморье дано в «Географическом словаре Российского государства» 1804 г. и безусловно заимствовано у В. Н. Татищева.¹⁸¹

Таким образом, со второй половины XVIII в. термин «Поморье» начинает бытовать на страницах различных документов в трех значениях: 1) территория беломорского побережья от Онеги до Кеми; 2) территория всего беломорского побережья; 3) территория всего Русского Севера (Архангельская, Вологодская и Олопецкая губ. XIX в.).

Первые два значения при сопоставлении их с понятием «поморы» дают представление о территориальных границах ядра поморского населения с наиболее ярко выраженным самосознанием и территории расселения всей поморской группы в целом; в таком смысле они употреблялись в среде севернорусского и собственно поморского населения в XIX—XX вв. Третье, широкое

¹⁷⁴ ААЭ, т. I, № 323, с. 383—385, 1584 г.

¹⁷⁵ Там же, с. 334—335, 1575 г.

¹⁷⁶ Там же, № 301, с. 367, 1578 г.

¹⁷⁷ Там же, т. II, № 190, с. 340, 1611 г.; ДАИ, т. V, № 40, с. 193, 1667 г.

¹⁷⁸ Татищев В. Н. История Российская, т. 1. М.—Л., 1962, с. 425.

¹⁷⁹ Там же, с. 247.

¹⁸⁰ Там же, с. 283, 358.

¹⁸¹ Географический словарь Российского государства, сочиненный в па-
м. оного виле ч. II. М., 1804, с. 664.

значение термина «Поморье» не имеет никакого соотношения с территориальными границами расселения группы поморов: им пользовались в основном в научной литературе XIX—начала XX в., и в настоящее время он заменился названием Русский Север.

В данном исследовании автор пользуется словом «Поморье» для обозначения только беломорского побережья, представляющего собой область расселения специфической локальной группы севернорусского населения — поморов.¹⁸²

Рассмотренная нами история формирования севернорусского населения, а в его среде — поморов показывает пестроту и сложность этнических элементов, участвовавших в этом процессе. Поэтому говорить об этнической однородности поморов, якобы являющихся в массе потомками «древних новгородских ушкуйников», нельзя, хотя, как мы видели, в целом выходцы из Ладоги, Новгорода и его областной территории в разное время (с XII по XVII в.) и различными способами повсеместно сыграли важную роль в формировании поморской группы и системы хозяйства. Поэтому, несмотря на то что этническая история Поморья имела свои особенности, она все же являлась частью общей истории Русского Севера, и мы не имеем оснований выдвигать этнический признак как основной в вопросе обособления поморов как группы в среде севернорусского населения.

Следует признать, что процесс выделения поморов был вызван условиями их существования, отличными от основного массива севернорусского населения, — жизнью в приморской пеземледельческой зоне и связанным с этим морским промысловым хозяйством. Хозяйственный поморский уклад, начавшийся с мурманского промысла и включивший затем различные беломорские промыслы, явился главным объединяющим признаком поморов всего Поморья, он вызвал к жизни многие общие, сходные явления в производственной, общественной и семейно-бытовой сферах, отразился в материальной и духовной культуре, в языке и фольклоре. Локальные же различия на отдельных поморских берегах зависели как от некоторых особенностей природно-хозяйственных условий, так и от определенных этнических традиций.

Возникновение, существование и распространение термина «поморы» на Русском Севере в качестве самоназвания только беломорского населения (и то не повсеместно), отражающего его историю и самосознание, не дает нам права применять это название к другим группам севернорусского населения — усть-цылёмам и пустозёрам, которым приписывают поморское происхождение на основании в первую очередь того, что их предки вышли из Новгорода. К этому вопросу мы еще вернемся.

¹⁸² Район Беломорья от Онеги до Кеми будет называться мною более распространенным в Поморье наименованием «П...»

стыря и еще в XIX в. жители занимались добычей и вываркой соли для собственного потребления. При этом названием «посад» обозначается именно та часть селения, на территории которой до сих пор видны следы варничных ям, а в Гридине один «конец» так и называется «Варница».

Термин «слобода» применительно к поморским поселениям в документах XVII в. обозначал оброчное поселение, организованное монастырем для производства различных промыслов; ядро постоянного населения в слободах составляли монастырские старцы и бобыли. «Слободку усть реки Золотицы» на Зимнем берегу составили дворы старца Антониево-Сийского монастыря Аркадия и бобылей — выходцев из разных северных районов.¹⁸⁸ В слободке Долгая Ицель на Зимнем же берегу жили бобыли того же монастыря, «поселенные для рыбных ловель и сенных покосов».¹⁸⁹ Соловецкий монастырь основал слободку Кую на Зимнем берегу.¹⁹⁰ Поселением типа слободки также, видимо, первоначально было Сумское на Поморском берегу (впоследствии Сумпосад), где существовало подворье Соловецкого монастыря и один из «концов» до сих пор носит название «слобода».¹⁹¹ На Терском берегу Антониево-Сийский и Воскресенский монастыри образовали слободки Пялицу и Тетрино.

Документы конца XVIII—начала XIX в. употребляют в качестве названий населенных пунктов Поморья чаще всего «волость», «деревня», «село».

Термин «волость» в конце XVIII в. был более распространенным и применялся, так же как и «село», к поселениям, состоявшим как из одной, так и более деревень. Принцип употребления этих двух названий («волость» и «село») был неясен и, по-видимому, достаточно произволен, так как эти термины не отражали ни социально-экономической разновидности данных типов поселений, ни даже численности населения: например, Князгуба на Кандалакшском берегу, насчитывавшая 2 деревни (13 дворов) считалась волостью, а соседняя Ковда, тоже состоявшая из 2 деревень (31 двор), — селом; на Карельском берегу Кереть (7 деревень, 118 дворов) называлась селом, а Варзуга на Терском берегу (7 деревень, 185 дворов) — волостью и т. д. Такая же нечеткость была с названиями и в начале XIX в. Например, по спискам Рейнеке (1827—1833 гг.), на Терском берегу два населенных пункта

¹⁸⁸ СГКЭ, т. 1, № 533, с. 639—640.

¹⁸⁹ Там же, т. 2, № 22, с. 51, 1660 г.

¹⁹⁰ Там же, № 75, с. 155—159, 1684 г.

¹⁹¹ АИЭ, к-1, оп. 2, № 876, л. 33 (Сумпосад).

Карта 4. Беломорское Поморье во второй половине XIX—начале XX в.
Населенные пункты: 1 — Зимнего берега, 2 — Летнего берега, 3 — Онежского берега, 4 — Поморского берега, 5 — Карельского берега, 6 — Кандалакшского берега, 7 — Терского берега. Закрашенные значки — населенные пункты, где автором был собран полевой материал.

все еще считались слободами — Тетрипо и Пялица, хотя разница между ними в количестве населения была в то время уже значительной: при Тетрине (80 дворов) числилось несколько деревенок в 10—30 дворов каждая (Чаванга, Стрельна, Чапома), а Пялица сама состояла всего из 30 дворов. В середине XIX в. Тетрино нашлось, по спискам населенных мест, селом, а Пялица — деревней. Все перечисленные нечеткости и разночтения в большой степени вызывались и административной чехардой на севере России, которая происходила в XVIII в.

В середине XIX в., по данным «Приходских списков» и «Списков населенных мест», в Поморье существовали следующие типы поселений: город, посад, село, деревня, «погост с деревнями», выселок (скит).

Во второй половине — конце XIX в. постепенно исчезли выселки и скиты на Зимнем берегу, возникшие как самостоятельные небольшие поселения старообрядцев в конце XVII—XVIII в.: жители их переселились в близлежащие села и деревни (Инцы, Ручьи, Чубала, Койда). Шесть «погостов с деревнями» на Поморском и Зимнем берегах превратились в села, а к началу XX в. слово «погост» в применении к составной части села в качестве приходского центра стало забываться и местными жителями. Таким образом, уже во второй половине XIX в. официально в Поморье были представлены 3 типа поселения (кроме города) — деревня, село, посад. Нечеткость использования различных терминов, обозначающих тип поселений, в административных документах XVII—XIX вв., постоянное перекраивание карты северных уездов (позднее и губерний), в которые входили различные поморские территории, несовпадение административных, церковно-приходских и судебных границ на поморских берегах — все это привело к произвольному употреблению терминов «село» и «деревня» местным поморским населением в отношении как своего, так и соседнего поселения.

Большинство географических названий поморских сел и деревень представляет собой топонимы древнего происхождения, связанные с этнической историей Русского Севера дославянского периода. Дискуссия о субстратной топонимии севернорусской зоны продолжается до сих пор, и активное участие в ней не входит в нашу задачу. В то же время, видимо, не будет ошибкой предположить среди поморских гидронимов наличие финских и карельских, а также отдельных саамских и пермских наименований, хотя и считается спорным существование прибалтийско-финского и саамского пластов в гидронимике.¹⁹² Не будучи специали-

¹⁹² Матвеев А. К. Из истории изучения субстратной топонимии Русского Севера. — В кн.: Вопросы топонимистики, № 5. Свердловск, 1971 (Учен. зап. Уральского ун-та им. А. М. Горького, вып. 18, № 114), с. 27. О возможном происхождении ряда поморских топонимов (Сорока, Кемь, Нюхча, Опега, Сумское, Шуя) см.: Керт Г. М., Мамонтова Н. Н. Загадки карельской топонимии. Петрозаводск, 1976, с. 39—41, 48—50, 68—69, 71—74, 88—89, 99—102.

стом в этой области, автор только высказывает сомнение относительно того, что народности, издавна обитавшие в приморских зонах, к тому же насыщенных реками и озерами, могли не оставить наименований гидропимического происхождения.

Так или иначе значительная часть поморских поселений получила свои названия от рек, в устьях которых они возникли; в подавляющем числе эти названия нерусского происхождения — простые, типа Варзуга, Поной, Мезень, Кемь, Онега и т. п., и сложные, состоящие из двух частей, причем вторая часть обозначает вид водоема — Капда (лакша), Калга (лакша), Пуш (лахта). Русских названий рек и расположенных на них одноименных поселений в Поморье всего 10: Сальница, Оленпца, Стрельна (Терский берег), Ручьи, Зимняя Золотица (Зимний берег), Летняя Золотица (Летний берег), Черная Река, Летняя Река (Карельский берег), Большая Козла и Малая Козла.

Некоторые наименования представляют собой составные гидронимы с русским корнем, обозначающим характер водоема: например, Куз (река), Куш (река), Порья (губа), Пижм (озеро). И наконец, всего четыре названия поселений русского происхождения: Сухой Наволок (Поморский берег), Красная Гора (Летний берег), Долгая Щель (Зимний берег) и Княжая Губа (Кандалакшский берег), из которых 3 первых — не гидронимического характера. Некоторые из поморских названий поселений являются довольно распространенными и известны в других северных районах в качестве наименований рек или населенных пунктов: Шуя (Шуерецкое), Нюхча, Мегра, Кемь (Кема), Чубала и др.

Разбросанные по морскому побережью отдельные поморские волости исторически входили в разные административно-территориальные единицы. До конца XVI в. Кольский уезд, волости по Кандалакшскому заливу, северной части Карельского берега и Лопские погосты входили в состав Вотской пятины, южная часть Карельского берега, волости по Поморскому берегу (Заонежские погосты) находились в пределах Обонежской пятины: волости Варзуга и Умба Терского берега, посадки Летнего берега и низовья Сев. Двины являлись частью Двинской земли. В начале — середине XVII в. все поморские волости были разделены между двумя уездами — Новгородским (Вотская и Обонежская пятины) и Двинским (Двинская земля). Известно, что в XVI—XVII вв. группа селений (волостей) приписывалась к погосту — административному сельскому округу; в одном из селений — центре погоста, носившем также название погоста, находились местное управление и церковь. Поморские волости Кандалакшского (с Керетью) и Терского берегов (кроме Умбы и Варзуги) были приписаны к Кольскому погосту, волости южной части Карельского и всего Поморского берега — к Шуйскому Спасскому погосту Выгозерского стана; Холмогоры были административным центром Двинского уезда.

Во второй половине XVII в. поморские земли и волости распределены между четырьмя крупными административными единицами, подчинявшимися Новгородскому приказу и приказу Большого дворца.

В составе Кольского уезда находились поморские волости Терского берега (без Варзуги и Умбы), побережье Кандалакшской губы (Кандалакша, Княжая Губа, Ковда), волости Карельского берега — Кереть, Чуа, Черная Река.

Волости южной части Карельского берега (Поньгома, Летняя Река) и Поморского берега находились в ведении Новгородского уезда. Этими двумя административными областями ведал Новгородский приказ.

Поморские волости и посады Летнего берега (Солза, Красная Гора, Яреньга, Лопшеньга, Луда, Уна, Пенюкса) Терского берега (Варзуга, Умба), поселения в устье Сев. Двины входили в Двинской уезд, подчинявшийся Большому дворцу.

Почти непрерывные административные преобразования, проводившиеся в течение всего XVIII в. в России, в том числе и на Севере, оставили определенный след в общественно-экономической и этнокультурной жизни поморского населения: нарушались исторические (переселенческие) связи отдельных поморских территорий. Так, после 1780 г. объединились в Кольскую округу все поморские волости по Кандалакшскому и Терскому берегам с включением Варзужской и Умбской волостей, тяготевших с момента возникновения совсем к другому району — Двинскому; новые административные границы способствовали большей консолидации населения этой части Поморья. Мезень и Долгощелье, наоборот, отошли к непоморской Мезенской округе, в то время как все остальные волости Зимнего берега вместе с поселениями Летнего берега составили единое целое в Архангельской округе. Возникли более тесные контакты между населением Онежского и Поморского берегов, объединенных в Онежскую округу, и т. д.¹⁹³ Помимо локальных «межбереговых» связей, формировалось ощущение некоего единства внутри самого поморского населения, во всяком случае в большей его части, а признание этого единства со стороны официальных властей было формально закреплено фактом включения в начале XIX в. всех поморских волостей в одну губернию — Архангельскую.

Реформы XVIII—начала XIX в. произвели некоторые изменения административного характера и в отношении населенных пунктов. Были учреждены новые города и посады. Городами

¹⁹³ Топографическое описание Вологодского наместничества вообще. Временник Моск. о-ва истории и древностей российских, 1857, кн. 25, с. 24; ГААО, ф. 4, оп. 6, д. 349 (Дело о присоединении г. Кемь к Кемского у. из Олонецкой в Архангельскую губернию. 1802—1803 гг.); оп. 6, д. 376 (Дело о переименовании Сумского селения в посад по просьбе земской округи Сумской волости старосты с крестьянами. 1803—1807 гг.).

стали: Устьянская экономическая волость (г. Онега), Кемский острог, Мезень, составившаяся из Окладниковой и Кузнецовой слободы; Сумской острог превратился в посад. Территория Поморья, распределявшаяся до 1883 г. (до образования Кольского уезда) между 4 уездами Архангельской губ., состояла из 23 волостей.¹⁹⁴

Установление динамики численности поморского населения в XIX—XX вв. — задача довольно сложная. Имеющиеся в нашем распоряжении статистические данные¹⁹⁵ неоднородны по своему происхождению и содержанию, источники одного и того же времени расходятся в цифровых показателях (ср., например, «Список населенных мест» 1858 г. и «Приходские списки» 1859 г.). Очень округленные показания Рейнеке первой трети XIX в. дают представление только о примерной численности мужского населения Поморья. Источники 1858—1859 гг., более точные в цифровом отношении, учитывают все население, но между ними, как мы сказали, существуют расхождения в показателях. Перепись 1872 г. грешит очевидной неточностью, пользоваться ею следует с большой осторожностью. Опубликованные итоги переписи населения 1897 г. приводят сведения о количестве населения по Поморью лишь в тех поселениях, которые насчитывали свыше 500 жителей, так что мы имеем данные только по 22 населенным пунктам на разных берегах, а их было более 70. Наиболее точные и полные данные, т. е. наиболее ценные, дает перепись 1926 г., на основании которой мы можем судить о численности поморского населения к концу XIX—первой четверти XX в.

Несмотря на разное качество источников, мы сочли все же возможным составить таблицу примерной численности поморского населения по двум периодам — середине XIX в. и первой четверти XX в., из которой выявляется картина прироста и соотношения численности населения по поморским берегам за 70 лет (табл. 1).

Из приведенной таблицы можно сделать следующие выводы.

1. Численность населения на Поморском берегу во много раз превышала численность каждого из поморских берегов в отдельности.

2. В среднем население каждого из поморских берегов (за исключением Кандалакшского) увеличилось к началу XX в. довольно равномерно — в 1.5—2.5 раза.

3. За 70 лет (середина XIX в. — первая треть XX в.) произошли существенные изменения в соотношении численности по от-

¹⁹⁴ Статистическое описание сельского населения и его промышленности. — Справочная и памятная книжка Архангельской губ. на 1875 г. Архангельск, 1875, с. 60—69.

¹⁹⁵ Архангельская губерния по статистическому описанию 1785 г. (итоги подворной переписи). Архангельск, 1916; Приходские списки Архангельской губ. — ЛОААН, ф. 30, оп. 2, № 3, л. 10—235, 1858 г.; Списки населенных мест Российской империи, т. I. Архангельская губ. СПб., 1861; Населенные места Российской империи в 500 и более жителей по данным первой всеобщей переписи населения 1897 г. СПб., 1905, и др.

Т а б л и ц а 1

Название берега	Число жителей	
	1858—1859 гг.	1926 г.
Поморский	12.8 (10.8) тыс. В том числе: Кемь — 1447 Онега — 1224	33 тыс. В том числе: Кемь — 6589 Сорока — 6114 Онега — 5254
Зимний	3.7 тыс. В том числе: Мезень — 1353	6.2 тыс. В том числе: Мезень — 2947
Летний	4 тыс.	6.4 тыс.
Терский	3 тыс.	5 тыс.
Онежский	2.6 тыс.	5.4 тыс.
Карельский	2 тыс.	6 тыс.
Кандалакшский	1 тыс.	17.7 тыс. В том числе: Кандалакша — 10.5 тыс.
И т о г о	29.1 тыс. (27.1)	79.7 тыс.

дельным берегам. На Поморском берегу значительно увеличилось количество населения в трех пунктах — Кемь, Онега, Сороке, сосредоточивших половину всего населения этого берега (около 18 тыс.). Второе место после Поморского стал занимать Кандалакшский берег, находившийся в предыдущий период на последнем месте по числу жителей; его численность возросла за 70 лет в 17 раз, причем Кандалакша превратилась в самый крупный центр Поморья, в котором проживало более половины населения Кандалакшского берега и в полтора раза больше жителей, чем на любом другом берегу (кроме Поморского).

Огромный прирост населения на Кандалакшском берегу был вызван, во-первых бурным развитием здесь лесной промышленности в двух его пунктах — Кандалакше и Ковде, выросших за счет увеличения пришлого населения и появления целого ряда лесных и рабочих поселков, административно принадлежавших Кандалакше, и, во-вторых, проведением Мурманской железной дороги, благодаря которой Кандалакша стала крупной железнодорожной станцией. Железная дорога способствовала и значительному приросту населения на Карельском берегу — в три раза по сравнению с серединой XIX в., причем на пути ее следования вдоль Карельского берега возникали разного рода населенные пункты — станции, поселки, разъезды.¹⁹⁶

¹⁹⁶ Список населенных мест Карельской АССР (по материалам переписи 1926 г.), составлен Статист. управ. КАССР. Петрозаводск, 1928, с. 20—21.

В конце XIX в. Поморье целиком находилось в составе Архангельской губ., насчитывавшей примерно 170 тыс. жителей (по переписи 1897 г.). Сравнивая имеющиеся в нашем распоряжении данные этого же года только по 22 населенным пунктам Поморья (примерно 45 тыс. жителей) с общим количеством населения архангельского Севера, можем приблизительно считать, что население Поморья составляло около $\frac{1}{3}$ общего числа населения Архангельской губ.¹⁹⁷

Во время переписи 1926 г. поморские берега распределялись между двумя губерниями и одной республикой. Зимний, Летний, Онежский и часть Поморского (от Онеги до Нюхчи) берега находились в составе Архангельской губ.; Поморский (от Нюхчи до Кемь), Карельский, Кандалакшский берега — в составе Карельской АССР и Терский берег — Мурманской губ., поэтому нет смысла определять процентное соотношение количества поморского населения с общим числом жителей по этим трем большим регионам. Зато интересно привести данные об этническом составе населения Поморья на первую треть XX в., выявленные переписью путем опроса местных жителей. «Чисто русским» считало себя население Зимнего, Летнего и Онежского берегов в целом, от Онеги до Нюхчи на Поморском берегу, от Порьей Губы до Кузомена на Терском берегу. Во всяком случае иноэтничное население в этих районах было немногочисленным, оно появилось либо в результате поздних приселений из разных губерний России (украинцы, поляки, латыши, татары),¹⁹⁸ либо его составляли местные пришлые «инородцы» — ненцы, карелы, коми-ижемцы. Этнический состав населения Поморского (от Нюхчи до Кемь), Карельского и Кандалакшского берегов был более пестрым: в нем насчитывалось довольно значительное количество карел (в Керетской вол., например, при общем числе 4090 жителей было 840 карел, в Поньгомской вол. при общем числе 1908 жителей — около 300 карел и т. п.), финнов, украинцев, белорусов, поляков и др. Большинство из них работало в лесной промышленности.¹⁹⁹ В Понойской вол. Терского берега (815 жителей) проживало 275 саамов, 42 коми-ижемца и единицы других национальностей.²⁰⁰

¹⁹⁷ Население империи по переписи 28 января 1897 г. по уездам. СПб., 1898, с. 5.

¹⁹⁸ Всесоюзная перепись населения 1926 г., т. 1, отдел 1. М., 1928, табл. X, с. 52—53; табл. X, с. 194—195.

¹⁹⁹ Там же, табл. X, с. 178—179.

²⁰⁰ Там же, с. 194—195.



ПРОМЫСЛОВАЯ СИСТЕМА ХОЗЯЙСТВА В ПОМОРЬЕ В XIX—XX ВВ.

§ 1. РЫБОЛОВСТВО И ПРОМЫСЕЛ МОРСКОГО ЗВЕРЯ

Промысловая система хозяйства Поморья в том виде, в каком она предстает перед нами во второй половине XIX—начале XX в., сложилась не сразу.

Первоначальному этапу «стихийного» заселения поморских территорий соответствовало стихийное же освоение водных угодий (речных, озерных, морских), при котором наблюдалось более или менее равномерное развитие рыболовных и зверобойных промыслов на основе природных ресурсов, составлявших главное богатство приморских районов: семги, трески, «белой» рыбы, моржа, тюленя. С ростом численности поморского населения и, далее, в связи с хозяйственной деятельностью монастырей начинают развиваться отдельные виды промыслов, особенно те, которые, во-первых, более надежно обеспечивали пропитание на большую часть года, и, во-вторых, добыча которых имела высокую товарность (ценность), т. е. пользовалась спросом в областях Русского государства, поставлявших в Поморье хлеб. Вполне естественно, что уже в XVI в. в поморском хозяйстве всех заселенных к тому времени берегов определилась ведущая роль морских промыслов, лучше всего отвечавших обоим названным условиям и ставших основой крестьянской и монастырской экономики. Речной (кроме ловли семги, которая всегда шла на продажу) и озерный промыслы отходят на второй план.

С началом становления промысловой системы хозяйства наметилась, а в процессе ее развития и определилась промысловая специфика поморской экономики на отдельных берегах Поморья. Эта специфика обуславливалась не только природно-географическими условиями (близость того или иного берега к ареалам миграций косяков рыб и стад морских животных, т. е. к районам добычи), но и историко-экономическими факторами. Роль последних увеличивалась по мере заселения Поморья и превращения его в морскую рыбо-зверопромысловую область северной России. В этом качестве оно и включилось в XVII в. в систему всероссийского внутреннего рынка.

Этот процесс несколько видоизменил общую картину зарождения морских промыслов в Поморье, о которой можно судить по документам XV—XVII вв. В то время самыми интенсивными были семужий и тресковый промыслы.

Семужий лов, будучи прибрежным промыслом, возникал одновременно с поселением (временным или постоянным) в любом районе Поморья, так как, во-первых, семга появлялась в течение весенне-летне-осеннего периода у каждого поморского берега и, во-вторых, всегда являлась главным объектом внимания как промысловых «ватаг», так и оседлого населения. Высокая ценность семги, в силу ее вкусовых и питательных качеств составлявшей наряду с северной пушниной и жемчугом главное богатство северных и приморских районов («десятая рыба семга», так же как десятое жемчужное зерно, отдавалась государству или церкви), сразу определяла ее высокую товарность: она ловилась почти исключительно на продажу. Поэтому семужий промысел являлся главным занятием поморского населения повсеместно во всех осваиваемых районах, а в монастырских хозяйствах семга приносила большую часть дохода, известную под названием «рыбная сумма», из которой монастыри платили крестьянам за различные работы в течение года, покупали сельскохозяйственные орудия, скот, лошадей, утварь, дорогие вина и заморские продукты.¹ В XV—XVII вв. наибольшее развитие семужьего промысла наблюдалось в районах самого раннего заселения — в поселениях устья Сев. Двины, посадской части Летнего берега, в Варзуге и Умбе на Терском берегу и в некоторых других местностях.

В XVI в. средоточием тресковых промыслов, как мы знаем, было западное побережье Кольского п-ова, в их зарождении и производстве участвовало местное (саамы) и пришлое (русские, карелы) население, заселившее к тому времени Колу, юго-западную часть Терского берега, Кандалакшское побережье и северо-западный район Карельского берега. Возникновение западно-мурманского трескового промысла и развившаяся на его базе северная торговля русского и иноэтнического населения Севера — как внутренняя, так и с иностранцами — сыграли значительную роль в дальнейшем заселении Поморья и формировании его промысловой хозяйственной системы. К XVII в. центр тресковых промыслов русского населения заселенных поморских территорий переносится на восточное побережье Кольского п-ова («Восточный Мурман»), и в нем уже наиболее активное участие принимают жители Поморского берега и нижнедвинских волостей (движане).² Для населения Кандалакшского, северо-западной части Карельского и юго-западной части Терского берегов восточно-мурманский промысел был менее выгодным, главным образом из-за удаленности рынков сбыта во внутренние области Русского госу-

¹ ГААО, ф. 34, д. 146 (Архиперейский архангельский дом, XVII в.).

² Там же, ф. 1, оп. 1, д. 529-II, л. 13, 18, 21, 24, 35, 60, 63, 80.

дарства, поэтому в течение XVII—XVIII вв. тресковый мурманский промысел почти целиком переходит сначала в руки двинян и жителей Поморского берега, а впоследствии — почти исключительно промышленников Поморского берега, где он к XIX в. становится главной отраслью промыслового хозяйства.

В XVIII в. начинает заметно увеличиваться роль сельдяного лова, особенно в тех поморских районах, где эта рыба вылавливалась в огромном количестве для продажи, т. е. в хозяйстве жителей Кандалакшского, Карельского, Онежского и части Поморского (от Сороки до Нюхчи) берегов, а также в устье Сев. Двины. На Кандалакшском берегу сельдяной лов заменил (по значению для экономики) мурманский тресковый промысел и уже к концу XVIII в. занял ведущее место в экономике этого берега.³ В начале XIX в. правительство, как известно, делало попытки «поднятия беломорских промыслов», создавая различные компании, лопаившиеся, как мыльные пузыри. В 1804 г. была учреждена компания для развития сельдяных и китовых промыслов; в д. Поньгома на Карельском берегу основалась компания Дорбекера, который выписал из Голландии рыбаков с судами и снастями. То и другое оказалось непригодным для беломорских условий промысла. Кроме того, голландцы должны были научить поморов солить сельдь, но иностранцы держались чванливо, настоящего контакта и обучения не состоялось. Поморы научились солить рыбу по-своему, за особое усердие получая от компании оригинальные награды — медные знаки в виде сельди для ношения на кафтане.⁴

Рыбным промыслом, вошедшим позднее всех в число ведущих морских промыслов ряда поморских берегов и оказавшим влияние на развитие поморской экономики в целом, явился промысел наваги. Еще во второй половине XIX в. (60—70-е годы) наважий промысел не выделялся в качестве доминирующего морского лова, хотя навага ловилась повсеместно, кроме Кандалакшского залива, и имела достаточно важное торговое значение в некоторых местностях на Поморском (Шуерецкое, Сумской Посад, Колежма), Онежском берегах и деревнях в устье Сев. Двины. Основной спрос навага имела в Вологодской и Олонецкой губерниях, но скупщики из этих мест отправляли ее и дальше — в центральные губернии. В конце XIX—начале XX в. наважий лов становится одним из главных промыслов в хозяйстве северо-восточных сел Зимнего берега, на Онежском берегу, играет важную роль в экономике некоторых селений на Поморском берегу. Рост промыслового и товарного значения наваги на Зимнем берегу вызвал необходимость освоения новых участков лова (на п-ове Канин) и устройства

³ ГААО, ф. 4, оп. 7, д. 58 (Дело о скудости пропитания крестьян Кандалакшской вол. Кольской округи по причине отсутствия сельдяных промыслов, 1785 г.); д. 2676: «На деньги, вырученные от продажи сельдей, население приобретало все жизненно необходимые продукты и товары — от хлеба до рыболовных снастей» (1825—1836 гг.).

⁴ АГО, р. 1, оп. 1, д. 35, л. 6, 9—10.

прямого сообщения Мезени с Архангельском. Мезенцы даже сами предложили собрать на строительство дороги деньги, откладывая по 1 коп. с пуда рыбы.⁵

Бой и лов морского зверя, восходящий к самым ранним этапам заселения Поморья русскими, оформляется в промысел в течение XVII в. Разнообразные источники конца XVII—XVIII в. сообщают о беломорском промысле гренландского тюленя (Терский берег, двиняпе, южные селения Зимнего берега) и белухи (Летний берег). Исключительное развитие в это время получил моржовый промысел, производившийся в водах Северного Ледовитого океана — у Шпицбергена и Новой Земли. Среди крупных судовладельцев — организаторов этих промыслов — выделялись архангельские купцы Амосовы, Плотниковы, Оконнишниковы, Ступачев и др., Холмогорский архиепископский дом, Выгорецкое старообрядческое общежительство («Поморское согласие»)⁶. Зверобойные артели набирались из жителей различных волостей Архангельской губ. — из Архангельской, Холмогорской, Онежской, Вельской, Пинежской, Сольвычегодской округ, в том числе и из поморских волостей — с Поморского и Зимнего берегов, Мезени и др.⁷ Разорительная для рядовых промышленников система монополий и откупов в морских и океанских промыслах, проводившаяся правительством в течение второй половины XVIII—первой четверти XIX в., истощение моржовых запасов и ряд других факторов привели к значительному сокращению «грумантских» (у Шпицбергена) промыслов в середине XIX в. Новоземельским промыслом в дальнейшем занимались лишь отдельные промышленники, главным образом из Мезени. Со второй половины XIX в. поднимается спрос на продукты беломорского зверя — сало и кожи, центром тюленьего промысла становятся селения северо-восточной части Зимнего берега, возникшие на последнем этапе заселения Поморья (первая треть XVIII в.), но расположенные в непосредственной близости к местам массовых лежбищ зверя (горло Белого моря, Мезенский и Конушинский заливы) и рынкам сбыта (Архангельск, Мезень). Значительное развитие получил также тюлений промысел на Терском берегу под названием «торбосовый», в котором участвовали жители от Кандалакши до Поноя. Меньшее значение в масштабах всего Поморья, но весьма существенное — в местной экономике имел лов белухи на Летнем берегу и тюленя в некоторых селениях на Карельском берегу (Гридино, Летняя Река, Калгалакша).

Особое значение повсюду в Поморье сохранял семужий морской и речной заборный лов. Во второй половине XIX—начале XX в. семга, естественно, не могла конкурировать с треской,

⁵ ИАОИРС, № 9, 1912, с. 59—60.

⁶ ГААО, ф. 4, оп. 9, д. 70, 75, 77, 86 (Челобитные об отпуске хлеба и людей на Грумант и Новую Землю, 1797—1800 гг.), л. 10, 19, 27, 37, 39, 48—55 и др.

⁷ Там же, д. 86, л. 53—55, 79, 89—91 и др.

сельдью или навагой по размерам улова, но высокая стоимость семги на внутреннем и внешнем рынках и обитание ее исключительно в водах беломорского бассейна заставляли поморов интенсивно заниматься ее промыслом. Разновидности семги, подходившей в весенне-осенний период к поморским берегам, традиционные способы ее засола в разных местностях обуславливали различную цену семги на рынках сбыта. По самой высокой цене продавалась осенняя семга («залом»), добывавшаяся на всех берегах, но лучшей считалась семга с Терского берега, с устья р. Онеги и с южной части Зимнего берега. В этих местностях семужий промысел и был особенно развит во второй половине XIX—начале XX в., а в селах Терского берега — Умбе, Варзуге, Кузомен, Чаванье и Чапоне он являлся в это время главным промыслом, которым население кормилось.

Из морских рыб, имевших второстепенное значение в хозяйстве населения, т. е. добывавшихся главным образом для пищевого рациона, необходимо отметить несколько видов, улов которых являлся существенным подспорьем в ряде местностей Поморья. Так, жители Зимнего (северо-восточная часть), Летнего и Терского берегов в летне-осенний (до становления льда) сезон, чаще всего одновременно с семужьим ловом, промышляли камбалу, сига и другую рыбу. Сиговый промысел развился довольно значительно в северо-западных селениях Карельского берега (Черная Река, Калгалакша). Здесь он имел даже некоторое товарное значение. На Поморском, Онежском и Летнем берегах население ловило ранней весной корюха, подходившего после половодья к берегам в большом количестве.

Речной (помимо семужьего) и озерный лов во второй половине XIX—начале XX в. имел в целом по Поморью вспомогательное значение. Им занималась главным образом беднейшая часть жителей на всех берегах, так как этот лов давал возможность постоянного пропитания в течение года.

Даже самое общее представление о поморской промысловой системе хозяйства невозможно без характеристики основных орудий промыслов.

Не вызывает сомнений факт, что как у пришлого (русского и иноэтничного) населения, вышедшего на берега Белого моря, так и у местных жителей этого района был немалый опыт в изготовлении различных орудий рыболовства, а также и в морском рыболовно-зверобойном промысле. Сравнительное изучение орудий озерного и речного рыболовства у русского населения различных регионов, а тем более — у народов Западной Европы до сих пор не проводилось, поэтому любая типология, построенная на материалах какого-либо района или группы населения хотя и возможна, но неизбежно будет страдать определенными недостатками. В то же время исследование имеющегося рыболовного инвентаря (орудий лова, судов, разнообразных вспомогательных приспособлений и т. п.) различных этнических общностей позво-

дпо ученым сделать вывод об универсальности основных типов рыболовных снастей, заняться вопросом их происхождения, традиционности, преемственности, взаимовлияния и т. д.

В свете вышеизложенного любая сводка подобного материала в рамках традиционной культуры исторически сложившейся группы населения имеет как частное (для данной группы), так и общее значение. Рыболовные и зверобойные орудия поморов, у которых морские и речные промыслы стали главным и практически единственным занятием, — тема, заслуживающая специального исследования, тем более что северные морские промыслы были для славян новым и поздним видом деятельности. В данном случае они не могли опираться только на свой собственный опыт в речном и озерном лове, но, не имея в настоящей работе возможности выяснять проблему возникновения или заимствования морских орудий, мы ограничимся лишь констатацией тех типов и их разновидностей, которые бытовали в поморской среде в XIX—начале XX в.

Естественно, что ведущая роль морских промыслов в экономике Поморья влекла за собой доминирование морских орудий лова. Разнообразие природных условий отдельных поморских районов, особенности рельефа побережья, морского дна, течений, различные объекты промысла, их биологические циклы и пути миграций, зависевшие от последних сезоны лова, — все эти факторы обуславливали возникновение и способствовали постоянному совершенствованию типов морских снастей, особенно в морском рыболовстве. Орудия зверобойного промысла, судя по археологическим материалам и письменным источникам, претерпели во времени незначительные изменения. Конструкция и названия морских снастей (как всего снаряда в целом, так и отдельных его частей), распространенных в Поморье во второй половине XIX—начале XX в., дают основания считать, что в основе большинства из них лежали речные (и озерные) снасти. В подтверждение этого говорит и тот факт, что некоторые виды орудий в описываемое время употреблялись как в морском, так и в речном лове (*поезд, гарва, перемет*) или создавались, так сказать, переходные виды, например летний морской «ставной татлый невод» и др.

Из рыб беломорского бассейна только треска и сельдь ловились исключительно в море; семга, навага, корюх, сиг и другие виды добывались в море и в реках. Вследствие этого удобнее рассматривать орудия лова в связи с определенным объектом промысла, т. е. употреблявшиеся только в морском лове, морском и речном лове, только в речном, речном и озерном и только озерном лове. В первую очередь остановимся на важнейших поморских промыслах — мурманском тресковом (тресковым промыслом поморы называли также лов пикши, палтуса, морской камбалы и морского окуня в Баренцевом море), беломорском сельдяном и семужем.

Развитие тресковых мурманских промыслов (западных и восточных) было возможно благодаря ежегодным миграциям косяков рыб, которые подходили к мурманским берегам для нереста и откормки. Судя по сообщениям письменных источников и по современным полевым данным, способы добычи трески и орудия лова мало изменялись в течение веков. В начале XX в. существовало два способа добычи, т. е. два вида трескового промысла, известных в XVI в. и получивших названия от орудий лова — *ярусный* и *поддёвный*.⁸ Ярусный лов был основным (и практически единственным) видом промысла любой рыбы, добывавшейся поморами на восточном мурманском берегу.

Ярус представлял собой крючковую снасть с наживкой, в качестве которой на Мурмане в весенне-летний (до середины июля) промысловый сезон специально ловилась мойва, а в осенний — песчанка, мелкая сельдь или даже морской червь. По своей конструкции ярус восходил к «дорожке», но достигал в длину 8—10 км. Он состоял из «стоянок» — связанных между собой и горизонтально натянутых толстых бечевки с привязанными к ним на равномерном расстоянии друг от друга веревок с удами-крючками («форшни»). Единицей ярусной снасти считался «тюк», достигающий в длину 320—380 м; на один тюк приходилось в среднем 150 крючков, а тюков в одной снасти насчитывалось от 20 до 40. К ярусу в нескольких местах (обычно на концах и посередине) прикреплялись якоря («дрекы») и деревянные поплавки больших размеров («кубаса»), являвшиеся одновременно буйками, которые определяли местонахождение снасти в море и место стоянки промысловой лодки для выбирания добычи. Наживление тюков производилось на берегу наживочниками — членами мурманской тресковой артели, выметка яруса в море — кормщиками и весельщиками и занимала 1—2 часа, а вытягивание яруса с добычей — от 3 часов и более.

Второй вид лова — *на поддёв* — был известен в XVI в. на западномурманском промысле (в XIX—XX вв. в этих местах им пользовались в основном финские и норвежские поселенцы). Позднее он был распространен на летнем промысле трески в Кап-далакшской губе. Поддёв — тоже крючковая снасть в виде лески с грузилом, каменной или металлической рыбкой и крючком с наживкой (чаще всего — морской червем) или без нее. Поддёвный лов был рассчитан на густоту трескового стада: ловец непрерывно дергал леску вверх и вниз, поддевая рыбу за что придется. Мурманская треска обрабатывалась сразу по прибытии в становище весьма примитивным способом: рыба «пласталась», т. е. разрезалась вдоль спины, у нее отрезалась голова и вынимались

⁸ Мы не рассматриваем единичные случаи тралового лова, производившегося в качестве опыта до революции. Ставные сети, употреблявшиеся на лове трески в Норвегии, русские промышленники не использовали (Брейтфус Л. Л. Рыбный промысел русских поморов в Северном Ледовитом океане. — МПРР, т. II, вып. 1, с. 33).

внутренности; печень (по-местному, «макса», или «воюкса») складывалась в специальные сосуды. Разделанная таким образом треска сдавалась скупщикам, которые засаливали ее сами — прямо в трюмах судов, отправлявшихся в порты, или в специальных бочках («трещанках»), весом до 25—30 пудов.

Массовый лов сельди производился в Поморье в трех местах, куда эта рыба подходила в разные времена года в большом количестве: в Кандалакшской губе (апрель, июнь), в Сорокской губе (сентябрь—ноябрь), в устье Сев. Двины (ноябрь—декабрь).⁹ Вообще же жители поморских местностей, прилегающих к этим участкам Белого моря, ловили сельдь в течение всего времени, пока она держалась вблизи берегов. Ловили двумя типами снастей — ставными и тяглыми сетями, местные разновидности которых, а также размеры и конструкции зависели от традиции и природных условий. Сельдяные сети по всему Поморью имели всего три названия: *невод*, *мережа*, *рюжа*; каждое из этих орудий могло быть ставным или тяглым. Так, тяглый и ставной невод — единственный вид снасти, употреблявшийся на «егорьевском» и «ивановском» лове в Кандалакшской губе, был только ставным орудием в сельдяном лове двинского устья; мережа — сельдяная снасть промышленников Поморского берега — была ставным орудием подледного и тяглым осеннего лова, а на Онежском берегу — ставной летней снастью, т. е. на открытой воде. Нередко один вид орудия назывался по-разному даже в соседних местностях. Например, на Онежском берегу, в с. Лямцы, знали и употребляли название «мережа», а в селах Пурнема и Тамща — «рюжа»,¹⁰ на Поморском берегу бытовали оба названия.¹¹

Все же следует отметить некоторые важные моменты. 1. В конце XIX—начале XX в. на Терском, Кандалакшском и Карельском берегах основным видом орудия сельдяного лова — тяглого и ставного типа — был невод с матицей, рюж и мереж; местное население уже не знало.¹² 2. На Поморском и Онежском берегах ловили неводом, рюжей и мережей, причем на последнем берегу все эти виды орудий здесь были ставными, но невод чаще употреблялся на зимнем подледном лове, а рюжа (мережа) — на весенне-летнем. 3. В устье Сев. Двины был известен только невод с матицей как ставная снасть.

Тяглый невод, таким образом, употреблялся на весенне-летнем промысле в Кандалакшской и Сорокской губе, у берегов Терского и Карельского; по способу лова — закидыванию в море и вытягиванию — он иногда еще назывался «закидным». В основе этой конструкции тяглый невод был повсюду одинаков: он имел

⁹ Сезонные границы менялись в связи с изменениями в биологическом цикле.

¹⁰ АИЭ, к-1, оп. 2, № 874, л. 12—14.

¹¹ Там же, № 876, л. 15.

¹² Там же, № 941, л. 29. — По сведениям В. В. Никольского, раньше ловили мережами.

матцу и два сетяных крыла, но в разных поморских местностях наблюдались некоторые особенности в устройстве отдельных частей невода. Невода также сильно различались размерами и величиной ячей отдельных сеток, их составляющих. Самым большим тяглым неводом был кандалакшский, длиной 170—200 м, высотой, т. е. глубиной матицы, 11—13 м. В начале XX в. такой невод стоил до 250 руб.¹³ На Терском, Карельском и Поморском

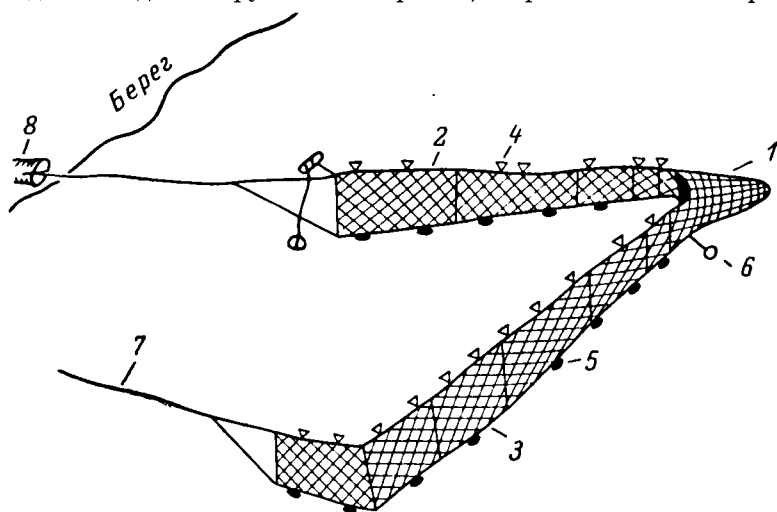


Рис. 1. Летняя установка сельдяного невода (Кандалакшский берег).

1 — матица; 2 — бережная (стеновая) сеть; 3 — голоменная сеть; 4 — поплавки («плутива»); 5 — грузила («кибасья»); 6 — сторожевой знак («ловдус»); 7 — веревка, за которую вытягивают невод («ужиче»); 8 — расщепленное полено, в которое зажимается конец стеновой сети («шипце»).

берегах невода были значительно меньше (от 10 до 40 м длиной) и имели ряд отличий. Матица карельского невода, например, шилась из одной сетки, но ячей вязались тройкого размера; у сорокского невода матица была длиннее, чем у кандалакшского, симметричные крылья, другие размеры ячей и т. д.¹⁴

Тяглые невода закидывались с берега или с карбаса. Для управления большим кандалакшским неводом требовалось 5—6 человек, составлявших артель на карбасе; в начале XX в. на одном промысловом карбасе бывало по две артели, ловившие двумя неводами. В Сорокской губе один невод обслуживали три человека, независимо от того, производился лов с берега или с лодки. Иногда объединялись две артели по три человека и ловили с двух лодок: тогда один невод лежал расправленный на связанных бор-

¹³ Никольский В. В. Быт и промыслы населения западного побережья Белого моря (Сороки—Кандалакша). М., 1927, с. 99.

¹⁴ Там же, с. 103, 104.

тами карбасах так, чтобы его можно было быстро выметать, а другой был запасным.

В ранневесенний и осенне-зимний сезоны тяглый невод растягивали подо льдом и он становился ставным. Его располагали в воде, сообразуясь с направлением течений и движением косяка, обыкновенно матицей навстречу плывущей сельди (рис. 1). Если рыба шла глубоко и густо, сшивали два или три невода один над другим.¹⁵ Подход сельди к берегу сторожил, что было особенно характерно для подледного лова на Поморском, Кандалакшском

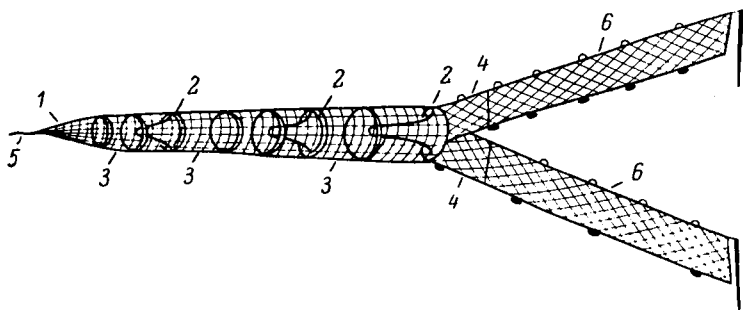


Рис. 2. Зимняя установка сельдяной мережи (Поморский берег).

1 — матица («кут», «чупа»); 2 — горла («языки»); 3 — расстояние между ободами («промежки»); 4 — сетки входного отверстия («завод», «разъезд»); 5 — веревка, с помощью которой матица крепится на якорь; 6 — «крылья» мережи.

и Терском берегах. Иногда для этих целей на льду, над матицей невода, строили шалаш из еловых ветвей, покрытых шкурой оленя («олениной»). За матицей наблюдали при помощи особого устройства: белая дощечка с подвешенным грузом опускалась на бечевке в прорубь на определенную глубину, и как только на дощечке мелькала черная спина сельди, караульный кричал рыбакам.¹⁶

Жители Поморского берега ловили сельдь в Сорокской губе огромными мережами на 10—15 обручах (рис. 2). Расстояния между обручами, называвшиеся «промежками», были неодинаковы и зависели от числа ячеей в каждой сетке: чем больше было ячеей — тем длиннее промежка. Мережа заканчивалась конусообразной сеткой («кутом», или «чупой») наподобие матицы невода. От входного отверстия мережи отходили две сети в 1.4—1.5 м длиной («разъезды», или «заводы»), а от них — крылья, примерно в 26.5 м длиной и 4.5 м высотой. При лове сельди мережей как подо льдом, так и на открытой воде, она ставилась кутом по течению, задний конец кута прикреплялся веревкой («походной») к якорю с кубасом.¹⁷ Артель, промышлявшая мережей,

¹⁵ Розов В. Е. О рыбном промысле в с. Ковда и соседних селениях по берегу Кандалакшской губы. — МПРР, т. II, вып. 1. СПб., 1913, с. 58, 59.

¹⁶ Линеваский А. Беломорье. Петрозаводск, 1962, с. 111.

¹⁷ АИЭ, к-1, оп. 2, № 880, л. 6; Никольский В. В. Указ. соч., с. 104.

называлась «разгрёб» и состояла из двух лодок по три человека в каждой. Мережа, так же как и невод, могла быть и ставной снастью. Рюжей называлась на Онежском берегу снасть в целом того же вида, что и сорокская мережа, только меньших размеров и с некоторыми отличиями в конструкции, установке и названиях отдельных частей. Здесь рюжа наряду с неводом была ставной снастью, и нередко продолжением растянутых в воде сетяных крыльев («открылок») служили хворостяные стенки; такое сооружение называлось «заколом».¹⁸

На Карельском, а частично на Кандалакшском и Терском берегах сельдь ловили также *переметами* (до 8,5 м длиной и 4 м высотой), *сельдяниками* — сетками, образующими в море острый угол.¹⁹ На Онежском берегу в начале XX в. получили распространение невода тяглого и ставного типа под названием «покровские» (длиной до 20 м, с плечами в 48—50 м) и небольшие «волоковые» невода, которые закидывались во время отлива в глубоких местах.²⁰

Орудия семузьего лова в Поморье отличались бóльшим разнообразием типов и видов, нежели в любом другом промысле беломорского бассейна. Это было вызвано рядом причин, в том числе: а) различием водоемов, где ловилась эта рыба (море, реки), и их местными особенностями, б) биологическим циклом семги в Белом море, в) существующими в данном поморском районе традиционными навыками и способами лова. Народные знания, основанные на наблюдении и практическом промысловом опыте, способствовали определенной эволюции промысловых семужьих орудий с момента зарождения этого вида промысла в Белом море.

С точки зрения поморов в промысловом отношении важны три периода в беломорском цикле семги. Весенний период распался на два этапа лова. Первый этап не был массовым, так как он заключался в промысле перезимовавшей семги, появляющейся в водах после ледохода в течение второй половины мая; лов семги, носившей в этот период названия «заледка», «кирьяк», продолжался 1—1,5 недели. Второй этап — лов семги, называвшейся «закройка», — длился 2—4 недели с начала июня и считался уже настоящим промыслом. С середины июня до 20-х чисел июля шел промысел летней семги, называвшейся «межёнъ» (на Карельском берегу — «тінда»). Лов осенней семги («залом») был самым важным в промысловой жизни всего поморского населения; как правило, он длился с августа до первых заморозков, а на Терском берегу — до ноября. Семгу в период икрометания («лох») не ловили.

Поскольку семга повсеместно в Поморье являлась чрезвы-

¹⁸ АИЭ, к-1, оп. 2, № 874, л. 12—14.

¹⁹ Никольский В. В. Указ. соч., с. 103.

²⁰ АИЭ, к-1, оп. 2, № 874, л. 12—13. — Название произошло от д. Покровское, где эти невода впервые появились.

чайню цейным продуктам, то ее часто ловили всеми возможными и имеющимися в наличии снастями, в том числе и употреблявшимися для лова другой морской рыбы. Семужьи снасти и снаряды целесообразно разделить в соответствии с характером водоема, для которого они предназначались, на морские и речные.

1. Морские орудия на семужьем лове, так же как и на сельдяном, представляли собой снасти тяглого и ставного типа.

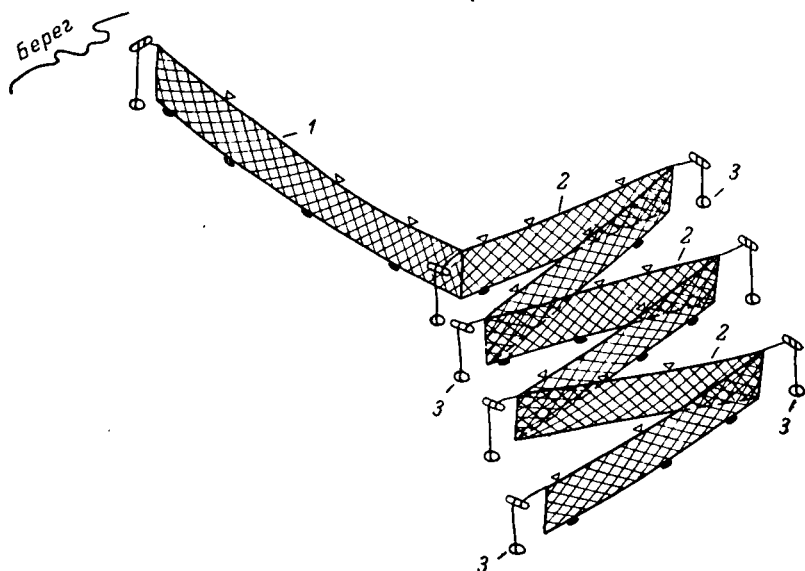


Рис. 3. Семужьи гаровки (Карельский берег).

1 — стеновая сеть; 2 — сети, образующие колена («хоботы»); 3 — грузила («кубасы»).

Довольно разнообразные ставные снасти, бытовавшие в поморских районах в конце XIX—начале XX в., можно тем не менее объединить в два вида по принципу их конструкции: а) сеть, натянутая на кольях под определенным углом (*морская гарва, перемет, крюк, тиндиница*); б) сеть с ловушкой (*тайник, завеска с поддоном, стбэк*). Кроме того, в качестве ставных применялись снасти, которые могли быть и тяглыми (невод, рюжа). Сети первого вида, особенно гарвы, употреблялись в Поморье повсеместно; их варианты имели свои названия, иногда специфичные только для данного района (например, «крюк» — на Поморском берегу, «тиндиница», «тилинот» — на Карельском). Возникали морские орудия, представлявшие комбинации или сочетания снастей этого вида. Так, интересным сооружением являлись *гаровки* на Карельском берегу — соединенные 4—5 гарв под разными углами длиной 21—26 м каждая; вытянутые в море, эти сети образовывали ряд колен («хоботов»): в каком бы направлении ни шла рыба, она запутывалась между хоботами (рис. 3).

Снасти второго вида были гораздо сложнее и больше первых: они бытовали в тех районах, где промысел семги имел перво-степенное значение в промысловом хозяйстве (завеска с поддоном на Терском берегу), в определенный промысловый сезон (стоек на Зимнем берегу) и, поскольку не требовали усилий для вытягивания, как тяглые снасти, были распространены в мест-

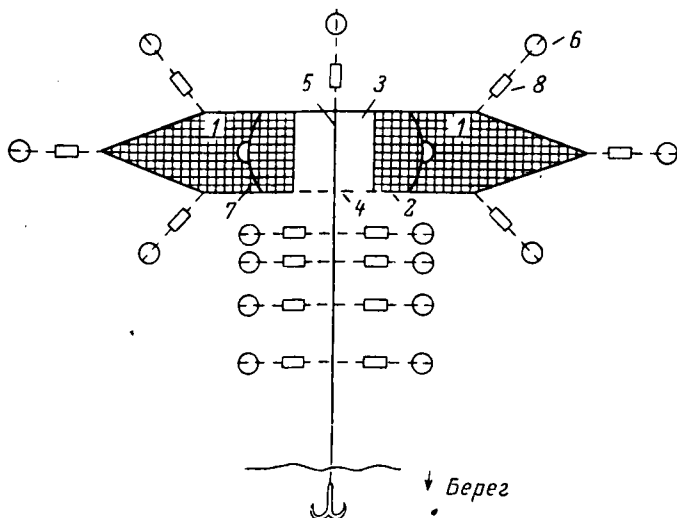


Рис. 4. Летняя семужья завеска с поддоном.

1 — тайник; 2 — сеть («щека»); 3 — завод; 4 — веревка от «щек»; 5 — стеновая сеть; 6 — грузила; 7 — угол тайника, куда загоняют семгу для выемки («паклинок»); 8 — поплавки.

ностях, где мужское население весной и осенью уходило на Мурман и семужий лов вело главным образом женское и пожилое мужское население (тайник на Поморском, Летнем берегах, полная морская гарва на Карельском берегу). По официальным сообщениям, в начале XX в. орудия этого вида стали вытеснять более простые ставные снасти (переметы, гарвы), а также тяглые невода;²¹ в некоторых поморских районах наблюдалась тенденция к усложнению конструкции тайника, приближающего его к завеске (Летний берег).²² Наиболее выразительным орудием этого вида была так называемая «кузоменская завеска», распространенная на Терском и Кандалакшском берегах (рис. 4). Для укрепления завески в море перпендикулярно берегу строился закол из тонких жердей, на которые крепилась сеть («голомянная стена»).

²¹ Алеев В. Р. 1) Поездка на Летний и Онежский берега в 1910 г. и описание морских рыболовных угодий. — МПРР, т. II, вып. 2, СПб., 1913, с. 81; 2) Отчет о поездке на Зимний берег Белого моря в 1911 г. — Там же, с. 57—77.

²² Алеев В. Р. Поездка на Летний и Онежский берега, с. 105 (примеч. к табл.).

Перпендикулярно этой стене шла другая сеть, примыкавшая к первой своей серединой («заводь»). В конце заводи устраивались тайники — обращенные отверстием к стене сетяные ловушки с сетяным же поддоном. Доступ к тайникам был сужен двумя сетями («щеками»), оставляющими между собой узкий проход («воротца»). Семга, идущая вдоль голомянной стены, упиралась в заводь, заворачивала и, наконец, попадала через воротца в тайник. Завески бывали длиной от 80 до 150 м. Близка к завеске так называемая «полная морская гарва», употреблявшаяся на Карельском берегу; в начале XX в. она была зафиксирована только в с. Ноньгома.²³

На Зимнем берегу, к северу от с. Ручьи, вследствие высоких берегов, больших приливов и отсутствия удобных пристанищ для карбасов тайниками и завесками кузоменского вида ловить было нельзя. Поэтому здесь сложился свой вариант ставного орудия с ловушкой — стóек, более примитивного устройства, который ставился в морских ложбинах или промоинах, идущих вдоль берега. «Бережная» стена заканчивалась своего рода тайником («двориком»), который образовывали кольца с натянутой на них сетью в виде шестигульника; установку колец подгоняли, чтобы промоина находилась против ворот дворика (считалось, что так рыба лучше идет в ворота). К дворiku прикреплялась голомянная стена, которая шла от ближайшей по ходу рыбы стороны дальше в море.²⁴ На Летнем и Онежском берегах в качестве ставных снастей употреблялись рюжи или мережи, часто с хвостятыми стенами (заколы, как на сельдь).²⁵

Из орудий тяглого типа повсеместно в Поморье бытовали различные невода, из которых наибольший интерес представлял ставной тяглый невод (с. Поной, Терский берег) длиной до 200 м, высотой отдельных частей до 5,5 м. Понойский невод растягивали в море на бережной и голомянной стенах, и рыбаки сторожили семгу. Обнаружив ее появление по дрожанию сторожевого знака («лбвдуса»), пачипали вытягивать невод на берег. Сначала один из рыбаков отвязывал невод от кубасов, а затем всей артелью тянули невод до тех пор, пока матица не поворачивалась горлом к берегу, после чего уже равномерно вытаскивали невод за оба крыла. Освободив невод от рыбы, снова ставили его в море. В некоторых местностях Терского берега из-за особенностей морского дна невод усложнялся (спивали несколько бережных сеток друг над другом), становился громоздким и вытягивать его на берег было затруднительно. В этом случае его «обметывали», т. е. выбирали семгу другим, меньшим неводом.²⁶

²³ Никольский В. В. Указ. соч., с. 116 (рис. 10).

²⁴ Алеев В. Р. Отчет о поездке на Зимний берег, с. 49, 51.

²⁵ ГААО, ф. 549-3, д. 86, л. 12—13; АИЭ, к-1, оп. 2, № 874, л. 30, 43 и др.

²⁶ Алеев В. Р. Поездка на рр. Поной и Варзугу в 1912 г. — МПРР, Лт., 1914, т. III, вып. 9, с. 43, 44.

2. Орудия речного семуужьего промысла были разнообразнее по типам, чем морские; кроме того, на речном лове промышляли и морскими орудиями, например гарвой, переметом. Все речные поморские орудия можно разделить на следующие типы: а) сооружение (забор, закол), б) ставная снасть, в) тяглая снасть, г) крючковая снасть, д) оружие.

Среди них первое место по распространенности и значению в промысле безусловно принадлежало заборам (рис. 5). Под таким названием в Поморье строились различные сооружения, пе-

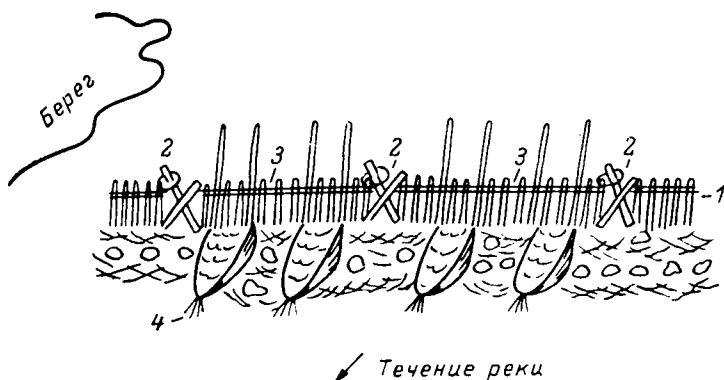


Рис. 5. Речной семуужий закол.

1 — плетень; 2 — козлы; 3 — слегы; 4 — верши.

регораживавшие реки: легкие хворостяные заколы и мощные мосты, особенно в порожистых реках. Все они имели ловушки в отверстиях-тайниках, в качестве ловушек фигурировали как сетяные снасти (рюжи, мережи), так и сплетенные из ветвей (верши, морды). Таких ловушек бывало от одной (на р. Суме) до 11—12 (на р. Онеге, подпорожский забор).²⁷ Судя по письменным источникам, старые заборы имели тайники в виде пятиугольного садка с воротами, целиком сооружавшегося из ветвей, иногда из жердей и кольев. Подобные сооружения, известные под общим названием «тайник», еще бытовали в середине XIX в., в частности на Терском берегу (Варзуга, Поной),²⁸ но к концу XIX в. практически исчезли. Вследствие официальных постановлений в течение второй половины XIX в. сокращалось количество заборов на поморских реках, поскольку такой способ лова

²⁷ Якобсон Р. П. Статистико-экономическое обследование морского побережья и рыболовных угодий на Онежской губе между г. Кемью Онегой и Онежского закола в 1911 г. — МПРР, т. II, вып. 5, с. 27, 55.

²⁸ Максимов С. В. Год на Севере. СПб., 1864, с. 229; Vilkinson Unternehmen Lachsfang. — Studia Fennica, Helsinki, 1975, 19, s. 185, Abb. (изображение тайника на р. Поной 1863 г.).

вел к хищническому истреблению семги, однако запрещения строить заборы постоянно нарушались.²⁹

Самым большим беломорским забором в описываемое время был подпорожский па р. Онеге, примерно в 18 км от устья. Он перегораживал реку и был в длину около 760 м; в заборе даже оставались ворота для прохода судов. Таким же мощным сооружением был забор на р. Поное. Оба эти забора настилались сверху для крепости толстыми жердями, называемыми «слягами» (Поной) или «полатами» (Подпорожье) и образующими настоя-

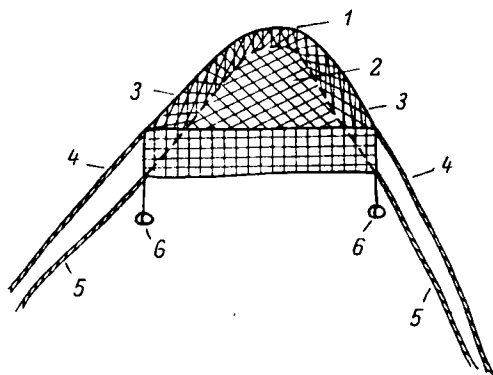


Рис. 6. Речной семужий поезд.

1 — верхняя сеть («верхница»); 2 — нижняя сеть («нижница»); 3 — боковая сеть («сяга»); 4 — веревка верхницы; 5 — веревка нижницы; 6 — грузила нижницы («пунды»).

щий настил моста, по которому могли ездить на лошадях. Более простые заборы не покрывались «мостовиной», но «кóзлы», составлявшие остов забора, вбивались на более близком расстоянии друг от друга. Строительство забора было доступно лишь большому коллективу и исстари являлось делом всей общины села (см. главу IV).

Лов большими заборами сочетался, как правило, с передзаборным ловом, производившимся другими типами орудий — ставными (гарвы) или тяглыми (поезд, закидной невод) снастями. Этими орудиями ловили и самостоятельно. Речная гарва была той же конструкции, что и морская, но отличалась меньшими размерами. В случае необходимости на морском и речном лове могли использоваться одни и те же гарвы.

Поезд являлся специфически речной снастью и был более или менее единообразен (рис. 6). Он представлял собой небольшую мешкообразную сеть с двумя «тетивами» в верхней и нижней части; кроме того, вся сеть собиралась с боков на веревку («сймку»). Поезд не имел ни поплавков, ни грузил, только к нижней тетиве с двух сторон привязывались якоря («пунды»),

²⁹ Розов В. Е. Указ. соч., с. 71; Якобсон Р. П. Статистико-экономическое обследование, с. 6.

соединявшиеся веревкой («пунденицей»). Промысел поездом требовал двух лодок, по два человека в каждой, составлявших одну артель (поезд). С началом промысла лодки с поездами поднимались по реке вверх по течению. Каждая пара выпускала свою снасть, и кормщики, стоя на корме, держали в одной руке симку, а в другой пунденицу. Всякое сотрясение поезда передавалось симкой, причем опытный кормщик различал, зашла ли рыба в сеть или поезд зацепился за камни. Если попадалась рыба, то по знаку кормщика гребцы сводили лодки в одно место, выбирали рыбу и вытряхивали ее в лодку. Поездной лов был особенно распространен на Терском и Поморском берегах.

На Сев. Двине жители устьинских деревень и прилегающих селений Зимнего и Летнего берегов ловили семгу в реке огромными закидными неводами и *поплавнями*.³⁰ Длина неводов достигала 500 м, что равнялось иногда половине ширины реки; матица такого невода имела длину до 4 м, одно крыло — бережное было в два раза длиннее другого — речного. Размеры ячей каждого крыла также были неодинаковыми; середина отверстия матицы обозначалась ловдусом, по дрожанию которого определяли заход рыбы в матицу.

Таким громадным неводом управляли четыре человека, каждый из них имел свои обязанности. Старшой артели назывался «бережником»: во время лова он находился на берегу, через плечо у него было перекинута кожаное кольцо с веревкой, которая привязывалась к неводу, — таким способом бережник удерживал невод в равномерном движении по реке. Обязанности бережника были трудны и даже опасны. Случалось, что невод относилось течением с такой силой, что он увлекал за собой бережника, поэтому последний должен был иметь при себе нож, чтобы вовремя отрезать веревку, прикреплявшую его к неводу. Кроме того, бережник руководил всем процессом лова и сбытом добычи — самый невод и промысловая добыча носили одинаковое с ним название «бережник». Остальные трое участников этого лова отъезжали в лодке с неводом: один греб, двое выметывали невод. Выметав невод, они поспешно подъезжали к берегу и прикрепляли конец невода к вороту для вытаскивания его на берег.

Северодвинские полавни бывали двоякого рода, что зависело от хода семги в реке: в теплой воде семга шла ближе к поверхности, и тогда ее ловили «вёрхницами», а в холодной осенней воде, когда рыба опускалась ниже, ее ловили «дённицами». Оба полавни представляли собой сеть объецаивающего вида. Вёрхница не имела грузил, т. е. нижней тетивы, а ее полавки для легкости обжигались. У дённицы полавками служили еловые болванки, а грузилами — камни в бересте или парусиновые мешочки с песком (чтобы не производить шума). Поплавень-вёрх-

³⁰ Ефименко А. Я. Артели Архангельской губ. — Сборник материалов об артелях в России. Вып. 2. СПб., 1874, с. 71.

ницу обслуживали два человека с лодки, а донницу — три человека, двое из них управляли верхней и нижней тетивой сети. Длина поплавной бывала различной — от 150 до 300 м.³¹ На многих поморских берегах семгу ловили также крючковой снастью — дорожкой (Терский, Летний, Поморский берега), на Сев. Двине был распространен способ «лучения» рыбы с острогой.

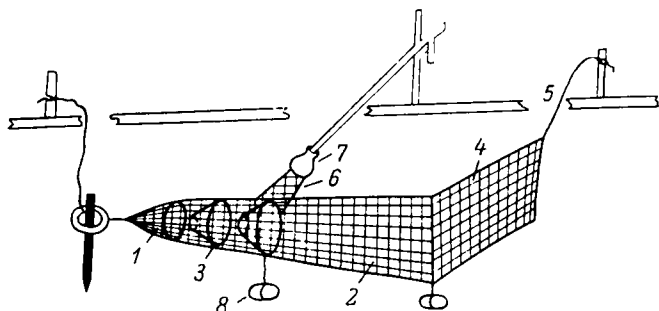


Рис. 7. Подледная установка наважьей рюжи (Летний, Онежский берега).

1 — матица («кут»); 2 — крыло; 3 — горла («воронки»); 4 — кляч; 5 — клячевик; 6—8 — приспособления, удерживающие входное кольцо рюжи в вертикальном положении: 6 — сеть («ухо»), 7 — поплавок («полтасок»), 8 — грузило.

Помимо трески, семги и сельди, поморы ловили в море и реках и другую рыбу — навагу, сига, корюха, камбалу.

Наважий лов производился ставными и тяглыми орудиями: на Летнем берегу чаще всего рюжами (мережами), на Зимнем

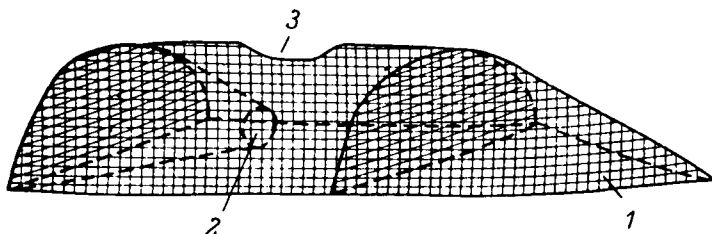


Рис. 8. Часть наважьего «убега» (Поморский берег).

1 — матица («кут»); 2 — горло; 3 — отверстия для выемки рыбы.

берегу — только рюжами, на Поморском — мережами, тяглыми неводами и *убегами* — снастью наподобие мережи, только с обручами одинакового размера, которых бывало от 2 до 8, с крыльями хвойными заколами (рис. 7, 8).³² Существовал и женский промысел наваги подо льдом, который производился крючковой сна-

³¹ Якобсон Р. П. Отчет по обследованию бассейна Сев. Двины в 1913—14 гг. — МПРР, т. IV, вып. 8. Пг., 1915, с. 31. — В Поморье подобные невода и поплавы бытовали только в устье Сев. Двины, а в других северных районах — на рр. Печоре и Ваге.

³² АИЭ, к-1, оп. 2, № 880, л. 6, 7; № 881, л. 4, и др.

стью.³³ Промысел сига, особенно важный в поморском хозяйстве Карельского берега (Калгалакша), заставлял мобилизовать многие орудия: ставные и тяглые невода и мережи («сиговики», «тиндиницы»), даже заборы, которые ставили в реках с половины августа по октябрь. На Онежском берегу сиг, а также корюх и камбала ловились рюжами (мережами) с хворостяными стенами, такими же, как на лове сельди и семги.³⁴ Неводами и мережами ловили корюха на Поморском, Летнем берегах; убаги, переметы и рюжи ставили на камбалу, забрасывали *продольники* (тип крючковой снасти).³⁵

Озерный лов повсюду в Поморье производился ставными ловушками, сделанными из сети, холста («парусины»), древесной щепы или ветвей (морды, верши), а также ставными и тяглыми сетями (рюжами, «жаберными сетками») и крючковой снастью.³⁶

Орудия зверобойного промысла поморов, в частности тюленьего на Зимнем берегу, где он был ведущим в хозяйстве и наиболее развитым по всему Поморью, подробно рассматривались в одной из работ автора.³⁷ Зимний торосовый промысел тюленя на Терском берегу, производившийся, как и зимнебережный, в горле Белого моря, а также весенний промысел на Кандалакшском и Карельском берегах представляли собой стрельни, т. е. по орудиям боя ничем не отличались от зимнебережного: употреблялись винтовки и багры — «кутила» (для доставки убитых зверей к берегу). Осенний белужий лов на Летнем берегу (а в начале XX в. и на Онежском), белужий и тюлений — на Кандалакшском и Карельском берегах производился тяглыми сетями — *юндами* до 400 м длиной и 13 м высотой, сплетенными из веревок в виде мешка, и *промётами* — ставными сетями типа гарвы (длиной до 30 м, высотой до 10 м), способными удерживать 3—4 зверей.

В целом орудия рыболовно-зверобойного промысла в Поморье были достаточно единообразны и мало подвергались изменениям в течение XIX—XX вв. Случаи заимствований снастей, бытовавших в других областях Русского государства и занесенных пришлым населением, бывали чрезвычайно редки, и население всегда отличало «чужие» орудия от своих, традиционных.

§ 2. СУДОСТРОЕНИЕ И ТОРГОВЛЯ

С развитием морских и речных промыслов теснейшим образом связана история поморского судостроения, без которого была бы

³³ Бернштам Т. А. Рыболовство на Русском Севере во второй половине XIX—первой трети XX в. — В кн.: Из культурного наследия народов России. Л., 1972 (Сб. МАЭ, вып. XXVIII).

³⁴ АИЭ, к-1, оп. 2, № 874, л. 14; № 875, л. 73 и др.

³⁵ Там же, № 880, л. 28—30, 39.

³⁶ Там же, № 874, л. 47—48.

³⁷ Бернштам Т. А. Промысловые зверобойные артели поморов Зимнего берега Белого моря во второй половине XIX—первой трети XX в. Автореф. канд. дис. Л., 1968.

немыслима никакая приморская система хозяйства, так как ни один из морских и речных промыслов, даже производившийся недалеко от берега или в осенне-зимний период, когда море сковано льдом, не обходился без судна. На подледном рыбном лове или на весеннем зверобойном промысле во время движения льда («шуги») судно использовалось для самых различных целей: в качестве транспорта для перевозки улова рыбы или сплавления по воде связанных шкур морского зверя на звериных промыслах; для передвижения по льду к лежбищам зверей (лодки с полозьями); в качестве жилища на мурманских тресковых промыслах и на льдах в открытом море, для чего лодку переворачивали кверху дном, и т. д. Накопление народного опыта и знаний в течение веков обогащало поморскую традицию судостроения: население вырабатывало свои типы судов, пригодных для плавания по порожистым северным рекам, Белому и Баренцеву морям.

Все поморские берега из поколения в поколение имели своих мастеров и центры судостроения, хотя почти каждый житель Поморья мог своими руками построить лодку или небольшой карбас для ближних передвижений. Морская и речная терминология, связанная с различными типами судов, была довольно разнообразна; непрерывное развитие и усовершенствование практики народного судостроения приводило к исчезновению одних и появлению других типов судов, к использованию опыта соседнего нерусского (карелы, саамы, ненцы) и иностранного (норвежцы) судостроения для ближних и дальних промыслов, торговли и мореплавания. Во второй половине XIX в. уже не встречались морские суда типа *соймы*, *зукора*, *буяра*, на которых в XVII—XVIII вв. промышляли в Белом море и Ледовитом океане, отвозили муку и продовольствие в мурманские становища и «поморские волости».³⁸ Из старинных морских судов к середине XIX в. сохранились больше всего *кочмары*, *шняки*, *раньшины* и *лоды*, причем кочмары и лоды продолжали строиться и использоваться для различных промысловых и торговых целей на всех берегах, где существовало развитое морское судостроение. Шняки, как и в XVIII в., строились только для плавания на Мурманский берег и трескового лова, а раньшины изредка встречались на Поморском берегу и в Коле.³⁹ Наряду со старыми типами судов у поморов начали входить в употребление с середины XIX в. новые суда: *ёла* — судно, завезенное норвежскими и шведскими колонистами Мурману; *шлюп*, на котором поморы ходили в Норвегию; *лихтер*, употреблявшийся для подвоза грузов к торговым купеческим кораблям в Архангельске, а также для перевозки леса с онежских лесопильных заводов к Архангельску; *шхуна* — самое большое парусное судно для плавания в морских и океанских

³⁸ ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 526-Н, л. 13, 21, 28, 68, 73, 80, 103, 113, 188 и др. (Челобитные о разрешении на выезд в море русским судам для рыбных промыслов, 1728 г.); ф. 4, оп. 9, д. 87, л. 4.

³⁹ Там же, ф. 4, оп. 9, д. 120, л. 131; д. 7, л. 29 (1786—1787 гг.) и др.

водах, *клипер* и др.⁴⁰ Повсюду в Поморье бытовали древние типы долбленых, с нашивными бортами небольших морских и речных судов, немного различающихся по конструкции, но известных под широко распространенным названием *карбас*. Карбасы строились исключительно для промысловых целей. Различия в постройке и оснастке зависели от данной местной традиции, вида промысла, промыслового сезона, что отразилось в их названиях: «извозный» карбас — для перевозки продуктов промысла, «поморский» карбас — для мурманских промыслов, «весновальный» карбас — для весенних зверобойных промыслов и др. Вообще в Поморье небольшое парусное судно местного производства часто называлось карбасом. Особняком стояла шестивесельная парусная лодка, не называвшаяся карбасом (*тройник*), известная жителям Терского, Кандалакшского, Карельского, Поморского, Летнего берегов, употреблявшаяся для переездов вдоль морского побережья, а также на мурманском тресковом промысле. На зверобойном промысле промышленники Терского и Зимнего берегов использовали *ледянки* — маленькие двухвесельные лодочки с узкими полозьями, *райны*, *двойки* и т. п.

По статистическим данным второй половины XIX в. (1875 г.), большие и малые морские суда строились на всех поморских берегах, за исключением Летнего и Онежского. Количество различных типов морских и речных судов распределялось в Поморье примерно следующим образом (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Название берега	Морские суда						Речные суда
	шхуны	лодки	шлюпы	кочмары	шняки	ёлы	
Поморский	60	69	28	46	332	3	880
Зимний	39	42	9	9	2	14	450
Карельский	6	1	8	8	66	1	334
Терский	3	6	8	16	15	1	793
Кандалакшский	5	3	2	2	15	—	244
Летний	—	—	—	—	—	—	149
Онежский	—	—	—	—	—	—	56
И т о г о	113	121	55	81	430	19	3096

У судовладельцев Зимнего и Карельского берегов насчитывалось еще 14 клиперов.⁴¹

⁴⁰ Материалы для географии и статистики России. Сост. Н. Козлов. СПб., 1865, с. 154.

⁴¹ Статистическое описание сельского населения и его промышленности в Архангельской губ. Архангельск, 1874, с. 147.

Среди морских судов явное преимущество шняк было связано с мурманским тресковым промыслом, для которого эти суда специально строились, причем промышленники Поморского берега, державшие в своих руках мурманский промысел, владели $\frac{4}{5}$ общего количества судов этого типа в Поморье.

По данным того же времени, количество судостроителей, видимо главным образом морских судов, на всех поморских берегах достигало 300 человек, из них 137 находилось на Зимнем берегу, в Патракеевской вол. (с. Мудьюга). На Поморском берегу судостроением занимались на всех крупных реках, но главными были Вачевская (села Кушпрека, Унейма, Малошуйка, Пименга, Ворзгоры) и Сорокская (в основном села Выгостров, Шуя, Колежма) волости. Славилась своим искусством мастера-карелы из с. Подужемье около Кемь. На Карельском и Кандалакшском берегах большое количество судов строилось в Поньгомской, Керетской и Ковдской волостях; на Терском берегу — в д. Оленица, селах Умбе и Варзуге.⁴² Речные суда строились повсеместно, почти в каждом селении; мастера обычно не имели чертежей, мастерство и навыки судостроения передавались по наследству. Стоимость морских судов (с оснасткой) была очень высокой, особенно на Поморском берегу, где, по данным 1875 г., шхуна стоила до 10 тыс., лодья — до 4, а клипер — до 2 тыс. руб.⁴³

В самом конце XIX—начале XX в. мурманский промысел переживал кризис, вызванный бурным развитием лесопильной промышленности, отвлекающей население, а также образованием постоянных поселений — колоний на восточном Мурманском берегу, жители которых конкурировали с поморами, и конкуренцией со стороны столичных фирм, ставшей возможной в связи с развитием парового флота. В начале XX в. шло неуклонное сокращение строительства парусных судов в Кемском уезде (Поморский, Карельский, Кандалакшский берега). Центром судостроения в Поморье становится Патракеевская волость на Зимнем берегу, причем строительство грузовых судов преобладает над промысловыми.⁴⁴

С морскими промыслами и судостроением была тесно связана поморская торговля.

Внутренние и внешние торговые связи в Поморье были обусловлены особенностями историко-экономического развития этого промыслового района и той ролью, которую он играл в экономике Русского государства. Прежде всего, поморское население не могло существовать без хлеба, поэтому самыми важными торговыми артериями были те, по которым из Поморья шли соль, рыба и другие продукты в обмен на хлеб. С начала

⁴² Там же, с. 187—189.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Николаевский Б. Судовладение Архангельского уезда. — ИАОИРС, 1916, № 1, с. 16—17; № 2, с. 43—47.

XVII до начала XIX в. почти единственным пунктом, снабжавшим хлебом поморские волости и промысловые становища на Мурмане, Шпицбергене и Новой Земле, был Архангельск. Можно даже сказать, что отсюда в Поморье ежемесячно отправлялась бо́льшая часть муки и зерновых продуктов, привозившихся купцами северных земледельческих и центральных областей: в среднем свыше 20 тыс. пудов ржаной муки и около 800 пудов круп.⁴⁵ В год на одну промысловую артель в 10—12 человек, отправляющуюся на Грумант, требовалось, например, 390—580 пудов ржаной муки.⁴⁶ Отпуск такого огромного количества хлебных продуктов требовал упорядочения в его распределении, тем более что поморы, занимавшиеся перевозкой хлеба на места, нередко злоупотребляли его продажей: вместо доставки в мурманские становища или поморские волости они продавали или обменивали хлеб в других местах и за границей.⁴⁷

Во второй половине XIX—начале XX в. хлеб в Архангельскую губ., в том числе и в Поморье, привозился из Вологодской и Вятской губерний. Кроме Архангельска, по-прежнему остававшегося в летнее время основным торговым центром Архангельского Севера, поморы разных берегов удовлетворяли свою потребность в хлебе непосредственными торговыми связями с хлебными районами. Крупную роль в этих связях играли Весъегонская и особенно Шунгская ярмарка, благодаря которым в зимнее время почти все Поморье, кроме Летнего и Зимнего берегов, снабжалось хлебом. К Шунге сходились исторически сложившиеся тракты, один из которых шел из Колы через Кандалакшу — Кемь, осуществляя связь Мурмана, Терского, Кандалакшского, Карельского и Поморского берегов, а другой — через Онегу, Нюхчу, Повенец, обеспечивая снабжение Онежского и юго-восточной части Поморского берега. Поморский берег, находившийся на пересечении обоих направлений, оказался в самом выгодном положении, которым воспользовались поморские промышленники; они имели к тому же в своих руках основные поморские продукты, которые шли во внутренние районы в обмен на хлеб — сначала соль и рыбу (до XVIII в.), позднее — рыбу (треску) и морского зверя. На Шунгской крещенской ярмарке торговцы с Поморского берега закупали хлеб, крупы, коноплю, лен, привозившиеся из Вологодской и Вятской губерний, самые разнообразные продукты и предметы обихода и снабжали ими жителей пяти берегов. Во второй половине XIX в. владельцы

⁴⁵ ГААО, ф. 1, т. 4, д. 6492а; ф. 4, оп. 9, д. 87, л. 4—10, 25—27 и др. (Документы об отпуске хлеба, семян, круп в поморские волости).

⁴⁶ Там же, ф. 4, оп. 9, д. 86, л. 10, 19, 27, 37, 59 и др.

⁴⁷ Там же, оп. 6, д. 632 (Об оштрафовании крестьянина Кемской округы А. Пахомова за недоставку хлеба в Сороцкую вол.); д. 585 (По обвинению крестьян, подозреваемых в тайном провозе хлеба за границу); д. 586 (О недоставлении хлеба мурманским промышленникам крестьянами Архангельской округы) и т. д.

хлебных магазинов в Шус и Кемп закупали также хлеб для карельского населения Кемского уезда, а в Керети и Ковде — для продажи его карелам и финнам.⁴⁸

Летом, во время навигации, с разных поморских берегов направлялись суда в Архангельск с треской, палтусиной, солью, салом и кожами морских зверей, которые закупали жители Архангельской, Вологодской, Вятской, Московской и Петербургской губерний.

Обмен рыбы на хлеб составлял основное и главное содержание поморской торговли с внутренними районами России. Он же вызвал к жизни и определил назначение местных поморских торгов и ярмарок на разных берегах: на них сосредоточивались все продукты промыслов населения данного поморского района, скупались и отвозились в Архангельск, Шунгу, Петербург. Местное население покупало в свою очередь хлеб и все необходимые предметы, доставляемые этими же скупщиками, главным образом с Поморского берега. По сведениям второй половины XIX в., скупкой и продажей занималось свыше 70 человек.⁴⁹ Постоянно действующих ярмарок в Поморье было немного. На Покровской ярмарке в Кузомени (Терский берег), происходившей с 1 X по 1 XI, основным местным товаром была семга.⁵⁰ На Никольскую ярмарку в Кандалакше (6 XII) саамы привозили главным образом продукты оленеводства — шкуры, панты, задки, отчего ярмарка носила название «оленьей».⁵¹ Введенская ярмарка в Соробе (Поморский берег), продолжавшаяся с 21 XI по 5 XII, называлась «рыбной», так как здесь возами продавались сельдь, навага, корюха, камбала; старинными скупщиками рыбы были купцы Олонецкой (Каргополь) и Вологодской губ.⁵² Тот же товар продавался и на Никольской ярмарке в Сумпосаде (6 XII — II).⁵³

На Онежском и-ове (Онежский и Летний берега) значительных ярмарок по оптовой продаже рыбы не было, существовал только «мелочный торг по крестьянскому быту».⁵⁴ На Зимнем берегу скупка рыбы, сала и кож происходила на Успенской ярмарке в с. Куя (16—25 VIII), после чего все товары отвозились на Маргаритинскую ярмарку в Архангельске, следовавшую непосредственно за Успенской.⁵⁵

Довольно тесные торговые связи наблюдались между жителями Терского, Кандалакшского, Карельского и Поморского берегов, связанных к тому же в этническом, хозяйственном и куль-

⁴⁸ АГО, р. 1, оп. 1, д. 91, л. 20, 27, 32.

⁴⁹ Статистическое описание, с. 140; ГААО, ф. 4, оп. 9, д. 120, 1812 г.; д. 177, 1825 г.

⁵⁰ ГААО, ф. 4, оп. 10, т. 3, д. 33, л. 62, 1856—1857 гг.

⁵¹ Архив ВГО, р. 1, оп. 1, д. 91, л. 38.

⁵² Статистическое описание, с. 125.

⁵³ ГААО, ф. 4, оп. 10, т. 3, д. 33, л. 58, 59.

⁵⁴ Там же, л. 37.

⁵⁵ Материалы для географии и статистики России, с. 190.

турном отношении. Торговые же интересы поморов Зимнего, Летнего и Онежского берегов притягивались к Архангельску, так что Поморье делилось как бы на два района, торговые связи между которыми были значительно слабее внутренних.

Данные второй половины XIX в. о ценах на важнейшие продукты обмена — хлеб и рыбу, обусловившие развитие и смысл торговли Поморья с внутренними областями России, подчеркивают специфическую особенность Поморья как промыслового района и его важную роль в экономике Русского Севера: средняя стоимость пуда хлеба (муки) и трески по всем поморским берегам была одинакова и равнялась 1 руб. серебром. Неурожай в земледельческих районах, откуда хлеб шел в Поморье, и непромысловые годы на мурманском промысле одинаково тяжело сказывались на жизненном уровне местного населения, так как цены на треску и хлеб поднимались в таком случае до 1 руб. 50 коп.—2 руб., а в страшные неурожайные 1867—1868 гг. в Архангельской и соседних северных губерниях цены в Поморье на черный хлеб поднялись до 2 руб. 30 коп.⁵⁶

Во второй половине XIX в. снабжение поморского населения продуктами и «красным» (мануфактурным и др.) товаром происходило через частные лавки и магазины, в которых жители могли покупать хлеб в любое время, а не только на ярмарках. Таких лавок в то время насчитывалось по Поморью свыше 80, из них примерно 50 находилось на Поморском берегу, 13 — на Терском, по 10 — на Кандалакшском и Карельском. На Онежском, Летнем и Зимнем берегах частные магазины стали появляться только в конце XIX—начале XX в. Около 150 человек в Поморье занималось мелкой продажей съестных продуктов, соли, предметов быта либо в своем селе, либо отъезжая в другие местности; примерно 70 из них составляли торговцы с Поморского берега и около 30 — с Терского.⁵⁷

Хлеб и рыба составляли также основу торговли поморов с иностранцами, главным образом с норвежцами.

Меновая торговля поморов с Норвегией в середине XIX—начале XX в. — результат государственного узаконения многовековой стихийной торговли поморских жителей, начавшейся еще в период заселения Поморья и организации морских промыслов на мурманском побережье. Как известно, в 50—60-х годах XVI в. в становище Кегор (Вайда-губа) на западном Мурмане в Петров день (29 июня по ст. ст.) съезжались промышленники, русские, карелы и саамы, с одной стороны, и иностранные купцы (норвежцы, датчане, немцы, англичане) — с другой. Поскольку в XVI—XVII вв. морские промыслы были в основном вольными, т. е. доступными для всех, то и сбыт продукции был тоже вольный. Каждый промышленник мог свободно распоряжаться своей

⁵⁶ ЛОААН, ф. 270, оп. 1 (М. К. Сидоров), д. 135, л. 5.

⁵⁷ Статистическое описание, с. 196—198.

добычей: продавать ее скупщикам в районе промысла (русским и иностранным) или отвозить в другие районы государства. Мурманская торговля в Кегоре, а затем в Коле была выгодна поморским промышленникам еще и потому, что здесь иностранцы платили в 1,5—2 раза дороже, чем, например, англичане на Двине. На торги в Коле иностранные купцы привозили дорожные ткани, оружие, металлы, бумагу, сахар и т. п., а русские промышленники, помимо продуктов морских промыслов, торговали и «большим товаром», доставляемым из внутренних областей России по тракту Новгород—Каргополь—Кандалакша. В 1585 г. последовал царский указ о переводе торгова с иноземцами в Архангельск. Торговля в Коле ограничивалась с этих пор только продуктами местных промыслов.

Правительственные мероприятия XVIII в., отдававшие северные морские промыслы и сбыт добычи в руки отдельных монополистов, сильно подорвали и сами промыслы, и местную торговлю. Несмотря на официальные запрещения, поморы продолжали контрабандным путем вести торговлю с Норвегией, закупая там треску; особенно преуспели в этом промышленники Поморского берега, занимавшиеся мурманским тресковым промыслом, так как спрос на рыбу (треску) на внутреннем рынке все время возрастал, и мурманская добыча не удовлетворяла потребности севернорусского населения в этом продукте.

Заметное оживление в поморско-норвежской торговле наблюдается с конца XVIII в., когда были отменены монополии на рыбные и зверобойные морские промыслы, в первую очередь тресковые, и они поступили «в вольную и свободную куплю и продажу». Правда, право торговли за морем было предоставлено архангельскому купечеству, и еще более 50 лет боролись поморы за беспрепятственный и беспощинный обмен товарами с Норвегией.⁵⁸ В 10-е годы XIX в. жители Колы, Кемь и Сумского Посада первыми получили привилегию обмена русского хлеба на норвежскую рыбу; в 1837—1838 гг. меновую торговлю было разрешено вести всем поморам.

Уже в 50-е годы XIX в. поморы вывозили хлеба и других товаров в Норвегию на 160—170 тыс. руб. ежегодно; к середине 70-х годов сумма поднялась до 500 тыс. руб. с лишним. Важное место торговля с Норвегией занимала в экономике жителей Поморского, Терского и южной части Зимнего берега. В 1874 г., например, из 360 судов, ушедших для меновой торговли в Норвегию, 250 судов принадлежали жителям Поморского и Терского берегов, остальные — судовладельцам Зимнего берега, преимущественно Патракеевской и Золотницкой волостей.⁵⁹ Торговля с Норвегией шла через Архангельский и Онежский порты, а также

⁵⁸ ГААО, ф. 4, оп. 6, д. 601, 735, 541, 631 и др.
⁵⁹ Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1901, т. V, с. 216; Статистическое описание, с. 115.

через Кольский, Кемский и Сумской таможенные посты. Поморы везли за границу ржаную муку, рожь, овес, крупу, лесной товар, невыделанные кожи и меха, пеньку, смолу, сало и ворвань; привозили из Норвегии сушеную и соленую рыбу, соль, точильные камни, ружья и пользовавшиеся большим спросом у судостроителей норвежские канаты, веревки и парусное полотно.

Город Вардё на западном побережье Мурмана, насчитывавший в конце XIX в. 2500 жителей, с шоссе, водопроводом, телеграфом, был своеобразным центром рыбных промыслов и торговли: сюда с марта по май стекались русские, норвежские, финские, карельские и саамские промышленники. Благодаря давним и оживленным сношениям в Вардё и других норвежских пунктах был в большом ходу русский язык, а многие поморы и норвежцы в общении между собой употребляли особый русско-норвежский жаргон. Норвежские города и становища имели вторые, русские, названия: Vadsö — Васин, Vardö — Варгаев, Kiberg — Под Биркой, Laksfiord — Угольная Губа, Tanafiord — Танькина Губа и т. п.⁶⁰

Привозимая в Норвегию поморами мука, помимо местного потребления, находила сбыт на зимних ярмарках в Финляндии, где уже норвежские купцы меняли ее у финнов и саамов на дичь, масло и продукты оленеводства. Норвежцы, покупая одновременно хлеб лучшего качества, привозимый из балтийских и черноморских портов, тем не менее были заинтересованы в торговле с поморами, так как преимущество этой торговли состояло в том, что мука приобреталась за рыбу, которую в летнее, «червивое», время было нельзя сушить и сбыть, кроме поморов, никому.⁶¹

В самом конце XIX—начале XX в. меновая торговля поморов с Норвегией стала сокращаться в связи с тем, что норвежские промышленники переключились на торговлю с Западом и Америкой.

§ 3. ПОДСОБНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

Особая роль Поморья в развитии северной лесопильной промышленности со второй половины XIX в. не случайна и определялась тремя основными факторами: 1) расположением большей части поморских берегов в таежной лесной зоне; 2) хорошими транспортными средствами — северными сплавными реками, по которым лес сплавался к беломорскому побережью из более отдаленных от него районов; 3) и наконец, морем, обеспечивавшим вывоз леса и лесных материалов на внутренние и внешние рынки.

⁶⁰ Островский Д. Н. Путеводитель по северу России. СПб., 1899, с. 109.

⁶¹ Островский Д. Н. Очерк торговой и промышленной деятельности русских на побережье Северного океана. СПб., 1910, с. 4, 8.

Уже в XVIII в. существовала казенная продажа леса за границу в г. Онеге; а с конца XVIII в. русское правительство стало сдавать лесные участки («дачи») на откуп шведским и английским фирмам (в том числе по рр. Онеге, Мезени, Кемп и др.), которые привлекали к лесорубочным работам местное население.

Во второй половине XIX в. Архангельская губерния занимала первое место в европейской части России по степени лесистости. Все леса здесь принадлежали казне.

В середине—второй половине XIX в. в Поморье, так же как и в других лесных районах Русского Севера, начались интенсивные лесозаготовки и стало бурно развиваться лесопиление — основа лесобрабатывающей промышленности того времени.

Основную рабочую силу на лесозаводах Поморья составляло пришлое население, но поморские жители разных берегов, особенно сел, расположенных вблизи заводов, так или иначе участвовали в различных видах работ, связанных с этой отраслью промышленности. Известный процент населения Онежского берега, как будет показано далее, был занят летом на лесопильных заводах в Онеге (в том числе женщины и девушки); в хозяйстве жителей Карельского берега значительную роль в зимнее время играл «пзвоз», выражавшийся в подвозе бревен и дров на заводы в Кемь или Ковду. В хозяйстве поморов Кандалакшского берега к концу XIX в. наблюдалось сезонное сочетание прибрежного рыбного (летом) и лесного (зимой) промыслов: население занималось вырубкой леса, рубкой и пилением бревен, вывозом их на заводы и, наконец, работой на лесопильных заводах Ковды и Умбы.⁶²

В конце XIX—начале XX в. лесопильные заводы в Поморье уже были снабжены довольно высококачественным по тем временам техническим оборудованием, нередко выписанным из-за границы, но все заготовительные работы производились дедовскими кустарными способами, вручную, главным образом с помощью топора и позднее — пилы. Эти же орудия служили крестьянину для строительства дома, судна и производства различных предметов утвари и быта.

К 1900 г. в Поморье действовало 8 крупных акционерных обществ, составлявших половину всех лесопромышленных компаний Архангельской и Вологодской губ.: 1) Компания Онежского лесного торга (с 1855 г.), 2) Беломорская компания (Брандт, с 1858 г.), 3) Товарищество Петра Беляева наследники (Сорока, Умба, с 1892 г.), 4) Товарищество Беломорских лесных заводов под фирмой Н. Русанов и сын (с 1893 г.), 5) Товарищество Кемских лесопильных заводов (с 1891 г.), 6) Акционерное общество «Ковда» (с 1899 г.), 7) Мезенское лесопромышленное об-

⁶² АГО, р. 1, оп. 1, д. 91, разные листы.

щество А. Ружникова (с 1900 г.), 8) Товарищество Архангельского лесопильного завода.⁶³

Лесная и лесобрабатывающая промышленность стала той отраслью, которая в первые десятилетия XX в., успешно конкурируя с мурманским тресковым промыслом, отвлекая массу населения на лесопильные заводы, постепенно захватила первое место в хозяйстве поморского населения (по количеству занятых в промысле людей и доходу), отодвинув морские промыслы на второй план.⁶⁴

К лесному промыслу примыкала и лесная охота. Несмотря на изобилие пушного зверя (куница, медведь, ондатра, бобр, песец и др.) и птицы (гагара), составлявших одну из важнейших статей вывоза во внутреннюю Россию и за границу, к XIX в. в поморских районах, как и повсюду на Русском Севере, главным и практически единственным промысловым зверем повсеместно была белка, а из птиц — рябчик. По официальным данным второй половины XIX в., ни на одном поморском берегу лесная охота не составляла главного занятия ни одного жителя; можно сказать, что охота, даже приносящая доход, носила везде любительский характер. Наибольшее количество охотников насчитывалось на Терском берегу, в Тетринской и Кузоменской волостях (173 человека). Однако в сравнении с общим количеством населения по всему берегу лесной охотой больше всего занимались поморы Онежского берега (142 человека). На Поморском и Зимнем берегах охотников было чрезвычайно мало, да и то среди жителей одной-двух волостей. Может быть, поэтому здесь наблюдались самые высокие цены: пара рябчиков стоила 25 коп. (самая низкая цена на Терском берегу — 7 коп.), белка — до 10—12 коп. (самая низкая цена — 6 коп.). Число скупщиков на этих берегах было одинаковым — по 8 человек.⁶⁵

Характерной особенностью Поморья во второй половине — конце XIX в. по сравнению с другими севернорусскими районами была незначительная роль отходничества, которое ограничивалось к тому же главным образом Поморьем, так как было связано с работой в лесопильной промышленности. По сведениям того времени, дальнего отхожего промысла как массового явления не существовало на Летнем, Поморском, Карельском, Кандакшском и Терском берегах. На четырех из них (кроме Летнего) находились лесопильные заводы, что давало возможность местному населению работать только в определенный сезон, сочетая этот промысел с основными занятиями. Более высокий процент отходников был на Онежском берегу, в Кяндской и Пурнемской волостях, — до 8,1% от общего количества населения

⁶³ Трофимов П. Очерки экономического развития Европейского Севера России. М., 1961, с. 131—132.

⁶⁴ Ерофейчев И. Промыслы Архангельской губ. — В кн.: Северное хозяйство. Архангельск, 1925, с. 5—7, 33.

⁶⁵ Статистическое описание, с. 141, 142—144.

(они уходили на лесопильные заводы в Онегу)⁶⁶ и на Зимнем берегу, где жители работали на мезенских заводах Ружниковых. В то же время Поморье являлось одним из немногих северных районов, которое притягивало отходников, в первую очередь из Архангельской губ. На заработки на поморские лесопильные заводы шло население из Шенкурского, Вайжского, Холмогорского уездов.⁶⁷ В начале XX в. сюда приезжали жители центральных и даже южных областей России. В центрах поморской лесопильной промышленности скапливалось пестрое по этническому составу рабочее население.

К числу древних и своеобразных промыслов на побережье Белого моря относятся солеварение и добыча жемчуга. К середине XIX в. оба они практически сошли на нет, сыграв свою роль в историко-экономическом развитии отдельных поморских районов.

По письменным источникам XV—XVI вв. известно, что во многих реках, впадающих в Белое море на Поморском, Карельском, Терском берегах, добывались жемчужные раковины различных видов. Пришельцы и местные жители занимались их вылавливанием, отдавая «десятое зерно» монастырю или государству. В начале XVIII в. был установлен надзор за ловом жемчуга, через 30 лет он был отменен, но добыча жемчуга не получила в Поморье значения промысла — им занимались одиночки.

В XIX—начале XX в. кустарная добыча жемчуга в Онежском и Кемском уездах находилась в руках карел и пришлых финнов. Только отдельные жители из поморов нерегулярно занимались этим промыслом «наудачу». На более высоком уровне находился промысел жемчуга в Кемском уезде, где им занимались исключительно карелы (Келеваевы, Кондратьевы и др.). Самым удачным временем добычи жемчужных раковин считались летние месяцы (июль—первая половина августа), когда обсыхало дно реки. Способы лова были примитивны: ловец бродил по реке, ощупывая ногой дно; наткнувшись на раковину, он нырял и либо выкидывал ее на берег, либо клал в мешок, подвешенный у пояса. Этот простейший способ лова позволял заниматься им подросткам, чаще всего девочкам. Более усовершенствованный способ добычи производился орудиями — деревянными щипцами (палка с раструбом на конце) для захвата раковин и берестяной трубкой для осмотра дна. Самое сложное орудие жемчужного лова, известное в Поморье, являлось изобретением карела П. Келеваева и получило название «келеваевский сак». Устройство этого орудия явно заимствовано из рыболовных тягловых сетей типа бредня или невода. Им управляло три человека: один шел по берегу и тянул сак за веревку, другой брел по воде и прижи-

⁶⁶ Там же, с. 70, 71.

⁶⁷ Якобсон Р. П. Отчет по обследованию бассейна Сев. Двины, с. 15—17, 19.

мал его шестом ко дну, чтобы он захватывал раковины, третий ехал в лодке и держал сак за шест в равновесии.⁶⁸

Просверливанием жемчужин и производством мелких кустарных украшений занимались мастера из местных крестьян; обработка жемчужин на месте стоила очень дешево. Во второй половине XIX в. ловцы сбывали необработанный жемчуг русским скупщикам, которые отвозили его на Шунгскую ярмарку либо скупщикам-коробейникам из Финляндии. В конце XIX в. хорошие жемчужины на рынках продавались от 6 до 15 руб. серебром за штуку; жемчужные серьги стоили от 30 до 100 руб. серебром, но население, не зная этих цен, продавало их скупщикам по дешевке. Жемчуг был непременным материалом для отделки поморской народной одежды, головных уборов, из него изготавлились серьги, ожерелья, пуговицы и другие украшения. Особенно богато украшалась жемчугом одежда женского населения Поморского берега, это отразилось даже в названии одной из частей Сумского Посада — Жемчужный ряд.⁶⁹ К концу XIX в. жемчуг стал повсеместно заменяться бисером или стеклом.

В XIV—XV вв. поморские волости были в числе тех немногих районов Руси, где добывалась соль. С XVI в. соль из поморских посадов Летнего берега (Неноксы, Уны, Луды) под названием «поморянка» неизменно фигурирует во многих таможенных грамотах. Потребность Русского государства в соли была столь велика, что с приезжих в Двинскую землю торговых людей брали пошлину солью и белками.

В XVI—XVIII вв. соль вываркой ее из морской воды добывали почти повсеместно — на Зимнем, Онежском, Поморском, Карельском, Терском берегах. Только на Карельском берегу в середине XVI в. было 44 «живых» варницы и 23 «впусте».⁷⁰ Центром солеварения была посадская часть Летнего берега: здесь действовало до 100 варниц, принадлежавших крестьянам и монастырям. Чаще всего соляные варницы в Поморье устраивались силами «сябров» — складников, селившихся вместе неподалеку от варницы.⁷¹ В XVI—XVII вв. необходимые постройки и инвентарь для варницы составляли: 1) колодец («сугреб»), из которого добывался естественный соляной рассол для выварки; 2) «црень» — сковороды четырехугольной или круглой формы с подставками-треножниками («жаравцам»), в которых вываривалась соль; 3) соляная избушка с ямой, где производился сам процесс солеварения, и «выливная» избушка с ямой, куда выливались отходы от выварки. Поскольку выварка производилась с помощью огня, то

⁶⁸ Хребтов А. К. Положение жемчужной промышленности в России. СПб., 1897.

⁶⁹ Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губ. Вып. I. М., 1877, с. 11—12.

⁷⁰ СГКЭ, т. 2, № 137, с. 442—451 (1563 г.).

⁷¹ Там же, № 23, с. 55—56 (1660 г.); № 62, с. 120—123 (1680 г.); т. 1. № 155, 158 и др.

варщики нуждались в большом количестве дров — «кострищ», заготовку которых складники тоже распределяли между собой.⁷²

В XIX в. выварка соли в Поморье производилась в большой мере традиционным способом и устройство варниц почти не совершенствовалось; в результате соль получалась крупная, низкого качества, как в старину, но теперь она не пользовалась спросом ни на внешнем, ни на внутреннем рынке. Даже местные поморы-промышленники предпочитали покупать в Архангельске или в Норвегии соль высшего сорта, а «поморянку» использовали для посола мурманской трески (так как слишком дорого при массовом улове обходилась покупная соль) или для посола скоропортящейся сельди. Соляной промысел сыграл большую роль и в заселении Поморья, и в развитии его экономики, но к концу XIX в. значение поморского солеварения ограничивалось сугубо местными нуждами. Наибольшую роль солеварение все же играло на Летнем берегу, где значительная часть населения составляла «Общество солепромышленников Ненокского посада Архангельской губернии», владевшее варницами по душевым и наследственным паям. Солепромышленники были освобождены от уплаты пошлины за вырубаемый на дрова лес и вываривали ежегодно до 60—90 пудов соли.⁷³ На Поморском и Карельском берегах действовало не более 15 варниц, владельцы вываривали соль для себя или вывозили на Шунгскую ярмарку, где продавали скушникам из Олонецкой и Вологодской губ.⁷⁴

§ 4. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ, ЖИВОТНОВОДСТВО, РЕМЕСЛА

Существование земледелия в Поморье — факт, говорящий не только о первостепенной роли хлеба в жизни любого народа, но также о необычайном трудолюбии и упорстве поморского крестьянина, сумевшего снимать урожаи в приполярной зоне. Несмотря на исключительно неблагоприятные почвенные и климатические условия большинства поморских районов (песчаные и глинистые почвы, требующие чуть ли не ежегодного удобрения, обилие болот, преобладание северных и северо-восточных ветров, короткое лето, ранние и сильные заморозки), нормы урожая в местах, где занимались земледелием (Поморский берег), бывали необычайно высоки: для ржи — сам-десять, т. е. 80 пудов с десятины при высеве 7.5 пуда (средний), сам-двадцать, т. е. 150 пудов (хороший); для ячменя — сам-шесть, т. е. 85 пудов при высеве в 14 пудов (средний), сам-девять, т. е. 125 пудов (хороший).⁷⁵

⁷² Там же, т. 1, № 390, с. 384 (1603 г.) и др.

⁷³ Островский Д. Н. Путеводитель по северу России, с. 49.

⁷⁴ Материалы для географии и статистики России, с. 185.

⁷⁵ Никольский В. В. Указ. соч., с. 53—54; АИЭ, к-1, оп. 2, № 876 66, 70 (Поморский берег). — Ср. средний размер урожая ржи в северных районах: 45 пудов с десятины; в центральных и южных — до 135 пудов. Русские. Атлас, с. 24.

Наиболее земледельческим поморским районом была территория Поморского берега от с. Нюхча до Онеги и Выгостров. В ряде местностей земледелие носило «приусадебный» характер: на Онежском, Летнем берегах,⁷⁶ в некоторых селениях Поморского и Карельского берегов (Сорока, Кемь, Шуя, Гридино), в Умбе на Терском берегу.⁷⁷ По существу серьезного хозяйственного значения оно не имело, так как, несмотря на колоссальные затраты труда и сравнительно высокие урожаи на небольших площадях, каждой поморской семье в земледельческих поморских районах едва хватало своего хлеба до рождества. Земледелие на Поморском берегу, естественно, не могло конкурировать с основной отраслью хозяйства этого района — мурманским тресковым промыслом, и те семьи, которые не имели «мурманщика», еле сводили концы с концами: «Поля не прокармливали, ели болтушку, кто ходил на Мурман — жили хорошо»; «Летом рыбу недосуг ловить было — бьешься, бьешься с хлебом да с сеном».⁷⁸ Сокращение посевных площадей в земледельческих районах Поморья и перевод их в сенокосные угодья особенно усилились во второй половине XIX в. в связи с увеличением добычи мурманского промысла и высокими ценами на рыбу (в 80—90-е годы), так что населению было выгоднее купить хлеб, чем заниматься его выращиванием.

Из зерновых культур в Поморье в основном сеяли ячмень («жито»). Рожь сеяли только яровую и главным образом на небольших приусадебных участках — «полях», которые отделялись друг от друга изгородями с воротами — «заворнями». Семена высевали в начале—середине мая: «О Николе (9 мая по ст. ст.) — самый красный сев», хотя были случаи еще более ранних сроков посева;⁷⁹ в редких случаях посева озимой ржи ее высевали около ильина дня (20 июля по ст. ст.). Ячмень, а иногда и рожь обычно убирали раньше срока, т. е. около успенья (15 августа по ст. ст.), боясь ранних заморозков, и искусственно доводили до годности к посеву: развешивали в связках, колосьями вниз, на особо устроенных козлах или прямо на изгороди; через 2—3 недели хлеб созревал.⁸⁰ Непогодородные поморские поля каждые 2 года требовали удобрения; осенью, до и даже во время заморозков жители вывозили на поля навоз, количество которого иногда доходило до 20 возов на $\frac{1}{4}$ десятины.⁸¹ На Поморском берегу считалось необходимым вывезти на 100 сажень земли 7—8 сажень навоза, причем кучи клались на расстоянии, измеряе-

⁷⁶ АИЭ, к-1, оп. 2, № 874, л. 4 (Онежский берег).

⁷⁷ Ушаков Н. Ф. Кольская земля, с. 203.

⁷⁸ АИЭ, к-1, оп. 2, № 876, л. 64, 65 (Нименга).

⁷⁹ Там же, л. 66 (Поморский берег).

⁸⁰ Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношениях. Т. 1, кн. II. СПб., 1845, с. 53.

⁸¹ Там же, с. 50.

мом длиной лошади «от хвоста до головы».⁸² Помимо навоза, в качестве удобрения использовались торф и мелкая хвоя.

На огородах население Поморского и Онежского берегов иногда выращивало коноплю для сетевой пряжи; «конопляники» требовали хорошо удобренной земли и хлопот. Коноплю снимали в разные сроки, мужские стебли («пóсохли») собирали в сентябре до созревания вместе с женскими; из носохлей получалось необработанное волокно, шедшее на грубые части сетей (например, крылья невода), а женские стебли шли на производство обработанного волокна («тески»), из которого шили тонкие сети и важные части невода (матицу).⁸³

Обработка земли в Поморье для посева зерновых культур в конце XIX—XX в. производилась в основном сохами и бороной. Распространенное мнение, что Русский Север, в том числе и Поморье, до XIX в. не знал плуга, видимо, ошибочно. В одном документе XVI в. среди сельскохозяйственных орудий на Летнем берегу (Ненокса) встречается и описание плуга: «...да плуг с черцом и с лемехом, да соха с ральники, да плуг другой».⁸⁴ Плуг наряду с сохой был известен и в поселениях низовья Сев. Двины: «Куды ходило плуго, и соха, и коса, и топор, и серп, и борона».⁸⁵ Тем не менее в XIX в. наиболее распространенным видом пахотных орудий была деревянная соха, одноральная или двуральная. Одноральной сохой с широким резцом и неподвижным отвалом работали в низовых запашках (например, на Летнем берегу), двуральная соха употреблялась на холмистых и каменистых землях (Поморский, Карельский берега).⁸⁶ В начале XX в. некоторые хозяйства имели деревянные плуги, которыми пахали вглубь на 18—19 см; повсеместно распространенным орудием была борона-суковатка. Крестьяне, которые высевали на маленьких полосках не больше 10—15 фунтов зерновых, возделывали землю мотыгой, киркой или лопатой.⁸⁷

На полях хлеб собирали в небольшие «зароды», или суслоны, но, поскольку снимали раньше срока, когда привозили к дому, разбирали его для предварительной просушки (вызревания) на «ригоснях» — вертикальных решетках из 10—15 жердин, укрепленных между столбами. После этого его помещали в овины, обычно по 300—320 снопов в одну садку, и после окончательной просушки молотили цепами или кичигой.⁸⁸

⁸² АИЭ, к-1, оп. 2, № 876, л. 70.

⁸³ Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967, с. 30; АИЭ, к-1, оп. 2, № 871, л. 51 (Зимний берег).

⁸⁴ СГКЭ, т. 1, № 181, с. 185 (1570 г.).

⁸⁵ Там же, № 248, с. 239, 240 (1581 г.).

⁸⁶ АИЭ, к-1, оп. 2, № 876, л. 70 (Поморский берег).

⁸⁷ АГО, р. 1, оп. 1, № 91, л. 47 (Карельский, Поморский, Кандалакшский берега).

⁸⁸ Никольский В. В. Указ. соч., с. 54.

В незначительных размерах существовало в Поморье и огородничество. Основной культурой в XVI—XVII вв. была репа, а с конца XVIII в. — картофель.⁸⁹ Судя по письменным источникам, до XIX в. разведение в той или иной степени огородных растений было более распространенным явлением: в описаниях дворовых комплексов постоянно встречаются упоминания об огородах — «капустниках», «репниках», а также об овощехранилищах — «репных ямах», погребах и т. п. Свертывание огородничества во второй половине XIX в. произошло скорее всего тоже в связи с развитием морских промыслов и товарно-денежных отношений. В конце XIX—начале XX в. огороды фактически сошли на нет на Поморском и Зимнем берегах. По словам местных жителей, население «залепилось», т. е. перестало заводить огороды, получив возможность обеспечить себя всем необходимым, в том числе и овощами, покупкой в магазинах и на рынках. Своеобразными центрами овощеводства в Поморье в это время оставались Онежский берег и юго-восточная часть Поморского берега (главным образом с. Ворзогоры): они снабжали картофелем почти все Поморье, а д. Пурнема до сих пор славится своими урожаями картофеля.⁹⁰

Приусадебные огороды занимали небольшие участки, которые в конце мая разделялись лопатой или мотыгой на грядки. Репу, морковь, редьку и свеклу сеяли везде «ложками»: одну ложку на три-четыре квадратных сажени; средний урожай репы обычно составлял 3—4 пуда с ложки. Картофель тоже высаживали на грядки, время от времени пололи, но до 20-х годов нашего века на Поморском, Карельском берегах не окучивали. Урожай картофеля, если он не «сгорал» на корню от дождей и заморозков, собирался в первой половине сентября; средняя его цифра по Поморью колебалась от сам-5—6 до сам-15.⁹¹

Статистические данные второй половины XIX в. и начала XX в. о палиции скота па разных поморских берегах примерно одни и те же и позволяют говорить об общей тенденции в развитии этой отрасли крестьянского хозяйства и о частных различиях.

	На Онежском берегу и в Вачевской вол.	На остальных берегах вместе
Крупный рогатый скот	4697	2950
Лошади	1871	840
Овцы	8976	5563

Наиболее развитыми районами в разведении крупного рогатого скота, лошадей и овец являлись Онежский берег и Вачев-

⁸⁹ Поморы Терского берега считают, что «репное семя» культивировал в Поморье Соловецкий монастырь (АИЭ, к-1, оп. 2, № 942, л. 9, 10, «Соловецкая репа»).

⁹⁰ АИЭ, к-1, оп. 2, № 942, л. 9, 10; АИЭ, к-1, оп. 2, № 874, л. 5.

⁹¹ Никольский В. В. Указ. соч., с. 51.

ская волость Поморского берега (Кушрека, Ворзогоры, Унежма, Нименга); их поголовье здесь превышало в 1.5—2 раза поголовье каждого из этих видов животных, разводимых в Поморье. Менее всего скота насчитывалось на Карельском (940 голов) и на Кандалакшском (700 голов) берегах.⁹²

Рогатый скот в Поморье был мелкий, в основном низкорослой карельской породы, коровы-холмогорки встречались в местностях, расположенных ближе к Двине (на Летнем, в южной части Зимнего, на Онежском берегах). Содержание скота повсеместно требовало больших усилий, особенно при заготовке кормов на зиму, так как одного сена не хватало, да и было оно низкого качества. Поэтому коров повсюду подкармливали водорослями, береговым листом, ягелем и пойлом, приготавливаемым из сушеного ягеля и отвара рыбных (тресковых) голов, а лошадей из-за нехватки овса кормили печеным ржаным хлебом.⁹³ Стойловый период длился в Поморье 8 месяцев, а свободный выпас приходился на период с середины мая до середины сентября. Специальные выгоны, отведенные для выпаса скота, в Поморье были редкостью, обычно рогатый скот пасся в лесах, а после уборки сена — на полях, чтобы как можно дольше сохранить заготовленный корм. На Терском берегу, где население осенью уходило на морские и речные тони для семужьего промысла, скот забирали с собой на свободный выпас до заморозков; на Онежском берегу и в Вачевской вол. Поморского берега, где сенокосных угодий было больше, скот начинали подкармливать с середины августа.

Содержание пастуха стоило довольно дорого, поэтому население часто само устраивало очередь на пастьбу из односельчан или определяло в пастухи подростков; во многих местностях скот ходил без пастуха, с колокольчиками. На Кандалакшском берегу, в юго-западной части Терского берега, а также в некоторых селах на Поморском берегу (Сорока, Шуя) в пастухи назначали карел.

Терский и Зимний берега (в основном Понойская и Койденская волости, расположенные в тундровой зоне) отличались от других большим количеством оленей — соответственно 6550 и 2900 голов, что вместе составляло $\frac{9}{10}$ общего поголовья оленей в Поморье (11 270).⁹⁴ На Летнем и Онежском берегах оленей не держали совсем.

Олени на Терском, Кандалакшском и Зимнем берегах использовались в качестве упряжных животных (зимний вид транспорта), на промысле и для различных хозяйственных работ — перевозки дров, сена, рыболовных снастей и небольших судов, продуктов питания. Для этих нужд поморы разводили «своерод-

⁹² Статистическое описание, с. 55—58; АГО, р. 1, оп. 1, д. 91, л. 2—19, —36.

⁹³ АГО, р. 1, оп. 1, № 91, л. 47; АИЭ, к-1, оп. 2, № 876, л. 65.

⁹⁴ Статистическое описание, с. 55—58.

ных» оленей, привычных к жизни около жилья.⁹⁵ Для жителей Понойской и Койденской волостей понятие безлошадности заменилось понятием «безолениности». Сокращение числа оленей заметно отражалось на состоянии поморского хозяйства — крестьянину приходилось чуть ли не самому впрягаться в сани. Поморы Зимнего берега нанимали в пастухи ненцев, которые часто присоединяли поморских оленей к ненецким стадам на круглогодичный выпас. На Терском берегу существовала «вольная» система выпаса поморских и саамских оленьих стад; территориальные и имущественные отношения русских и саамов тесно переплетались, но почти не возникало конфликтных ситуаций, даже в случаях совместной пастбы тех и других оленей. Поморы заимствовали у саамов формы оленеводческого хозяйства и его терминологию (названия оленей, частей упряжи, мест выпаса и т. д.).

С весны поморские олени выпускались на острова, в «огороды» (территория недалеко от селения, обнесенная забором) для свободной пастбы или хозяева нанимали в пастухи «фильманов» — саамов Финмаркена, слывших отличными пастухами.⁹⁶ Поморы Поморского (от Сороки до Кемь) и Карельского берегов покупали оленей у саамов, подвозя их осенью на судах; больших стад здесь не держали, а единичных оленей использовали исключительно для езды, запрягая в дровни, как лошадей.⁹⁷ Переселившиеся во второй половине XIX в. на Кольский п-ов ижемцы оказали заметное влияние на отдельные черты оленеводческого хозяйства поморов и саамов: они переняли принятую у ижемцев ненецкую оленнюю упряжь, способы изготовления саней, хозяйственного оленеводческого инвентаря, выделки оленьих шкур, стали носить ненецкую одежду, хотя общая система вольного выпаса, без территориального разграничения пастбищных угодий, осталась саамской до конца 20-х годов нашего века.⁹⁸

Культивирование сенокосных угодий играло в Поморье большую роль, чем земледелие, так как заготовка кормов для скота имела огромное значение во всех поморских хозяйствах.

Во второй половине XIX в. количество сенокосных угодий и их надел на одну (мужскую) душу населения, по официальным данным, распределялись в Поморье следующим образом по берегам. На Онежском берегу сенокосные угодья составляли 3450 десятин, а надел на одну душу — в среднем 3—4 десятины (в д. Тамица надел достигал даже 7.8 десятины — самой высокой цифры во всем Поморье). Поморский берег имел 1411 десятин, причем

⁹⁵ См.: Из области оленеводства. — ИАОИРС, № 7, 1909, с. 39, 40.

⁹⁶ Росснев П. Северная Русь (очерки и картинки). М., 1903, с. 127.

⁹⁷ Капица Л. Материалы к изучению оседлого оленеводства Карелии и западного побережья Белого моря. — Изв. О-ва изучения Карелии, Петрозаводск, 1922, № 2, с. 10.

⁹⁸ Чарнолуский В. В. Материалы по быту лопарей. Опыт определения кочевого состояния лопарей восточной части Кольского полуострова. Л., 1930, с. 14, 27, 31, 36.

в селах от Нюхчи до Кеми на душу приходилось 2.5—4 десятины, а от Нюхчи до Онеги — 1.2—1.8 десятин. Столько же составлял надел сенокосной земли на каждого жителя Карельского берега; исключением была д. Черная Река, где надел равнялся в среднем 4 десятинам. Жители Кандалакшского, Летнего и Зимнего берегов находились примерно в равном положении: на каждого из них приходилось 0.1—0.6 десятины, но в северо-восточной (тундровой) части Зимнего берега (села Ручьи, Койда) цифра надела резко понижалась до 0.01 десятины. В особых условиях находилось население Терского берега, где количество сенокосной земли в целом было ничтожно мало (3 десятины) и душевой надел исчислялся саженями от 1 (Куззрека) до 8 (Пялица) сажен.⁹⁹

Основу общественных сенокосов в Поморье составляли повсюду «морские пожни», тянувшиеся вдоль берега; в некоторых районах они являлись и единственным видом общественного сенокоса — например, в Кандалакше (Кандалакшский берег), Гридине, Поньгоме, Калгалакше, Летней реке (Карельский берег). В остальных районах к морским пожням добавлялись озерные и болотные пожни (Терский, Зимний берега). В лучших условиях находились жители селений, у которых в общественном владении были еще и «полевые сенокосы» в лугах (Поморский, Опежский, Летний берега).

Качество всех видов сенокосных угодий, их свойства и размер укуса на них определялись опытом и традицией, а потому были известны каждому жителю данного поморского селения. Каждая пожня — сенокосная единица — оценивалась «возом» или «заколем» (гораздо реже — пудом). Население имело свои представления о необходимом количестве возов на хозяйство при заготовке сена на зиму. На Поморском берегу, например, на каждую душу в семье, состоявшей не менее чем из 6 человек, полагалось накосить 7—8 возов, воз равнялся 4 заколям — санным скирдам примерно в 100—150 пудов, так как одна лошадь (на зиму и весну) требовала 12 возов сена, корова — 8 возов, овца — 1 воз.¹⁰⁰ Усадьбы сенокосы всегда удобрялись: осенью и зимой каждая семья вывозила на свое поле навоз и отходы, получавшиеся при вытопке сала морских зверей («шелега», «барда»). Общественные сенокосы и расчистки удобрялись редко; для морских пожней естественным удобрением служили морские водоросли, остальные же виды угодий часто находились очень далеко, да и в глазах населения не имели ценности личной собственности: не знали, какая пожня будет захвачена или достанется при жеребьевке.

⁹⁹ Статистическое описание, с. 55—58.

¹⁰⁰ АИЭ, к-1, п. 2, № 876, л. 65 и др. (Нименга, Малошуйка). — При этом надо учесть, что на том же Поморском берегу, по свидетельству местных жителей, маломощная семья (в 7—8 чел.) имела 1 лошадь, 1 корову и 5 овец (там же, № 880, л. 31, 38).

Сенокос начинался с иванова или петрова дня и затягивался в некоторых поморских районах до успенья или даже до конца августа. Это объяснялось в первую очередь дальностью расстояний до пожен, разбросанностью участков, сложностью работы на них и медленностью косьбы косой-горбушей внаклонку. В то же время особенности рельефа многих поморских сенокосных угодий и их небольшие размеры позволяли употреблять именно горбушу, которой можно было на каждом шагу окашивать камни, кустики, лощипки, бугорки, а не косу-стойку, которая так и не привилась в Поморье до XX в.¹⁰¹

На месте покоса сено складывалось в «заколья» прямоугольной формы, подпертые кольями; около дома заколья укладывались в «зароды» — такой же формы сооружения, только больших размеров. С морских пожен или с дальних озерных и полевых пожен сено вывозили по воде (морю, реке), используя карбасы, покрытые бревнами или досками в виде плотов. В с. Койда, например, те, у кого не было лошади, на сенокос и обратно ходили «бечевой»; шли по берегу реки, перекинув лямки через плечи и таща за собой карбасы.¹⁰² Плыть с сеном по морю было еще тяжелее и опаснее: небольшие суда с огромными стогами нередко переворачивались, особенно при малейшем волнении на море.

Косьба на всех видах угодий производилась главным образом силами семьи, но зажиточные семьи во второй половине XIX в. использовали наемный труд женщин и девушек из своих или соседних селений. В северо-западной части Поморского берега, а также на Карельском и Кандалакшском берегах нанимали проходящих карел.¹⁰³ Существовали два вида найма — на все лето и поденно. По официальным данным 1875 г., самая высокая заработная плата косцов была на Онежском, в земледельческой части Поморского и на Кандалакшском берегу — от 25 до 50 руб. мужчинам, от 10 до 30 руб. женщинам (за все лето), или 45—80 коп. мужчинам и 20—40 коп. женщинам (поденно). Самая низкая оплата сенокосного труда была на Терском и Зимнем берегах (15 руб. мужчинам и 2 руб. женщинам).¹⁰⁴ Эти данные отражают действительное положение: высокая оплата существовала либо в районах с высоким душевым наделом и большим количеством скота у населения (Онежский, Поморский берега), либо там, где скота было хоть и немного, но косьба требовала большой затраты энергии и сенокосы находились далеко от селения (Кандалакшский берег). На Терском и Зимнем берегах, где скота (кроме оленей) и сенокосных угодий было мало, труд косцов оплачивался по самым низким расценкам.

Кустарные ремесла в Поморье в целом были развиты слабо по сравнению с земледельческими районами Севера: на-

¹⁰¹ АИЭ, к-1, оп. 2, № 876, л. 68 (Поморский берег) и др.

¹⁰² Там же, № 871, л. 7 (Зимний берег).

¹⁰³ Ипкольский В. В. Указ. соч., с. 63.

¹⁰⁴ Статистическое описание, с. 196—198.

сыщенный промысловый год исключал какое-либо постоянное ремесленное производство. В Поморье, например, почти совершенно отсутствовали такие категории ремесленников, как столяры, портные, печники, маляры, ювелиры и т. д. Кроме того, большинство поморских жителей имело возможность и предпочитало все необходимое покупать на поморских ярмарках, у приезжих торговцев, в Архангельске и за границей — в Норвегии. Естественно, что почти каждый мужчина в Поморье мог сам построить дом (часто и судно), связать сети, изготовить необходимые в хозяйстве и быту орудия и предметы утвари, а женщина — прясть, ткать, вязать и т. п., так что народное художественное творчество имело в Поморье свою историю, локальные центры и традиции.¹⁰⁵ Отдельные морские местности имели своих специалистов-ремесленников, обслуживавших специфические отрасли промыслового хозяйства: в Сороцкой вол. на Поморском берегу насчитывалось 95 коптилен (во всем Поморье их было немногим более 100), сосредоточивших наибольшее число коптильщиков сельди;¹⁰⁶ в Керетской вол. на Карельском берегу и в Ковдской вол. на Кандалакшском берегу соответственно 95 и 182 человека занимались изготовлением деревянной посуды, главным образом «сельдянок» — небольших бочонков для засолки местной сельди.¹⁰⁷ Но более всего было в Поморье вязальщиков сетей (свыше 2000), которые в 1875 г. составляли около трети вязальщиков Архангельской губ. в целом, где насчитывалось их 7609. По Поморью их количество распределялось следующим образом: 750 на Поморском берегу, около 500 на Терском, около 400 на Карельском, столько же на Онежском, около 300 на Летнем, около 100 на Зимнем и на Кандалакшском берегах в отдельности.¹⁰⁸

Промысловая система хозяйства в Поморье во второй половине XIX — начале XX в. представлена в таблице (см. ниже).

Как видно из таблицы, морские рыбные и зверобойные промыслы стали ко второй половине XIX в. на всех поморских берегах ведущими отраслями промыслового хозяйства. В них была занята большая часть поморского населения — от 75 до 80%, так как они обеспечивали население хлеб и основной продукт питания после хлеба — рыбу. Значительная часть средств, вырученная от продажи добычи, шла на уплату государственных податей, налогов, различного рода пошлин и на удовлетворение хозяйственных нужд.

Но промысловое хозяйство на всех этапах его формирования не ограничивалось только морскими промыслами: повсюду в По-

¹⁰⁵ В данной работе мы не касаемся проблемы народного искусства, которая во всех своих аспектах является специальной областью исследования.

¹⁰⁶ Статистическое описание, с. 71.

¹⁰⁷ Там же, с. 44—46.

¹⁰⁸ Там же.

морье они сочетались с речным и озерным рыболовством, а также и с другими видами хозяйственной деятельности.

Общая специфика хозяйства как промыслового сохраняется в Поморье и в первой четверти XX в., хотя с конца XIX в. на Поморском, Карельском и Кандалакшском берегах с морскими промыслами весьма успешно конкурирует лесная промышленность, даже оттесняя в некоторых районах их на второй план. Так, например, по данным 1924—1925 гг., из 7714 дворов архангельского Поморья, т. е. Зимнего, Летнего, Онежского и части Поморского (от Онеги до Нюхчи) берегов, 4972 двора занимались исключительно рыбным и зверобойным промыслами. «Чистый» доход, получаемый от этих промыслов, составлял 22% общего дохода от всех неземледельческих промыслов Архангельской губ., уступая только лесорубочному, составлявшему 51% дохода.¹⁰⁹

Морские промыслы, а также речное и озерное рыболовство, явившись изначально основой хозяйственной деятельности жителей, заселивших беломорское побережье, сыграли большую роль в формировании общих черт социально-экономической структуры, культуры и быта поморов, выделяющих их в общей массе севернорусского населения. В то же время особенности этнической истории, разная степень интенсивности тех или иных промыслов, их своеобразное сочетание друг с другом, а также с речным, озерным ловом и другими видами хозяйственной деятельности обусловили некоторую специфику общественно-хозяйственного и культурно-бытового уклада поморов разных берегов.

Терский берег	Морской и речной семужий лов — повсеместно Морской тюлений промысел («торосовый») от Кузреки до Поноя Речной и озерный лов белой рыбы (от Порей Губы до Умбы) Судостроение (Оленица, Умба, Варзуга) Оленеводство Ремесла — вязание сетей (повсеместно), санное и тележное производство Меновая торговля с Норвегией (Понойская вол.)
Кандалакшский берег	Морской сельдявой лов — повсеместно Морской и речной семужий лов — повсеместно Морской тресковый лов в заливе — повсеместно Торосовый лов (Кандалакша) Лесной промысел (Ковда, Умба) Ремесла — производство «сельдянок», вязание сетей — повсеместно Судостроение (Ковда)
Карельский берег	Мурманский лов (от Гридина до Поньгомы) Морской и речной семужий лов — повсеместно

¹⁰⁹ Ерофейчев И. Промыслы Архангельской губернии, с. 6—7, 334.

Морской тюлений и белуший промыслы
(Гридино, Летняя Река, Калгалакша)
Речной сиговый лов (Калгалакша, Черная Река)
Лесной промысел (Кереть)
Судостроение (Поньгома, Кереть)

Поморский берег	Мурманский лов — повсеместно Морской и речной семужий лов — повсеместно Морской сельдяной лов (от Кеми до Колежмы) Морской и речной наважий лов — повсеместно Лесной промысел (Кемь, Сорока) Судостроение — повсеместно Вязание сетей, копчение рыбы Меновая торговля с Норвегией
Онежский берег	Морской и речной сельдяной лов — повсеместно Морской и речной семужий лов — повсеместно Морской и речной наважий лов — повсеместно Морской белуший лов (Лямцы, Пушлахта) Лесной промысел (Онега) Вязание сетей, ткачество, суконное ремесло — повсеместно
Летний берег	Морской и речной семужий лов — повсеместно Морской белуший промысел (от Красной Горы до Летней Золотицы) Морской и речной наважий лов (от Солзы до Уны) Морской сельдяной лов в устье Сев. Двины (Сюзьма, Непокса) Морской лов корюха, камбалы (от Солзы до Уны) Солеварение (посады Непокса, Уна, Луда) Вязание сетей
Зимний берег	Морской тюлений промысел Морской и речной семужий лов Морской и речной наважий лов Морской сельдяной лов в устье Сев. Двины (Мудьюга) Лесной промысел (Мезень) Вязание сетей Меновая торговля с Норвегией (Патракеевская, Золотицкая вол.)



ПРОИЗВОДСТВЕННО-ОБЩИННЫЕ ОТНОШЕНИЯ У ПОМОРОВ В XIX—XX ВВ.

§ 1. ФОРМЫ ВЛАДЕНИЯ И ПОЛЬЗОВАНИЯ ВОДНЫМИ И ЗЕМЕЛЬНЫМИ УГОДЬЯМИ

Для изучения русской общины не были использованы должным образом огромные возможности, таившиеся в исследовании одной из важнейших (и древнейших) отраслей хозяйства — морском рыболовно-зверобойном. Даже А. Я. Ефименко, одна из первых «открывшая» севернорусскую общину и занимавшаяся к тому же изучением северного рыболовства, не включила собранные ею материалы по рыбным промыслам в круг своих исследовательских интересов по общине в целом. Проблема происхождения и эволюции севернорусской общины, поразившей еще во второй половине XIX в. сохранностью архаических черт и их сложным переплетением с формами и отношениями, возникшими в процессе ее развития, нашла отражение и в работах советских ученых (М. О. Косвен, М. В. Витов, Б. А. Романов и др.). Тем не менее можно сказать, что община севернорусского населения до сих пор представляет собой слабо изученную область и вызывает немало спорных и противоречивых мнений о своей сущности. Нам кажется, что недостатком в изучении севернорусской общины является то, что ученые интересовались ею в первую очередь как земледельческим образованием, привлекая материал по другим формам хозяйства в качестве дополнительного и второстепенного. В большей степени подобная ситуация зависела от исходной точки зрения исследователей, что русское (славянское) население, заселившее Европейский Север и пришедшее в основном из Новгорода и его земель, было издавна и сплошь земледельческим, и местное население — охотники и рыболовы — заимствовало у него земледельческую культуру. Такой взгляд на истоки севернорусской общины (во всяком случае у преобладающей части ученых) затруднял видение многих сложностей и не укладывающихся в универсальную схему особенностей общины в разных районах Севера. Последовательное и всестороннее изучение такого сложнейшего явления, как севернорусская община, — одна из актуальных задач советской этнографии, так как именно она

может дать ключ к пониманию и решению проблем, связанных с русской (и не только русской) крестьянской общиной в целом.

В результате этнографического обследования поморов — неземледельческой группы севернорусского населения — перед нами предстала одна из разновидностей русской общины — промысловая рыболовно-зверобойная община, изучение которой, на наш взгляд, могло бы способствовать более правильному подходу к решению ряда спорных вопросов в отношении русской общины. Поставя перед собой столь обширную задачу, постараемся показать общие черты, присущие поморской общине на всей обследованной автором территории и выделяющие ее в качестве уникального явления даже на Русском Севере. Учитывая основную особенность поморской общины как неземледельческого коллектива, мы уделяем первое и главное внимание изучению ее специфических сторон, связанных с производственной, хозяйственной сферой.

Севернорусская община в Поморье, «мир», представляла собой достаточно автономную организацию, с ярко выраженным самоуправлением, выступавшую как юридическое целое в отношениях с другими общинами и государством. Во второй половине XIX — начале XX в. поморская община была представлена двумя основными разновидностями — простой и сложной. Простой общине территориально соответствовало одно поселение (деревня); простую общину представлял и поморский посад, стоявший на пути превращения сельского поселения в поселение городского типа; сложной общине (структурно сложной) соответствовала община-село, в прошлом — волость или «гнездо» деревень. Общинное устройство поморских селений имело много общего с традиционным устройством общины и характером общинных функций в других районах России. Это относилось к структуре общины, многообразию хозяйственных, административных, морально-воспитательных функций, нормам трудовой, общественной и правовой жизни крестьянства.

Среди важнейших архаических черт севернорусской поморской общины следует в первую очередь отметить широкое распространение здесь еще на рубеже XIX—XX вв. древних форм владения и пользования угодьями, основанных на свободном или регулируемом общиной (или временными межобщинными объединениями) вольном захвате промысловых участков побережья и моря, что соответствовало таким же архаическим формам землепользования, зафиксированным во второй половине XIX — начале XX в. в том же Поморье и в некоторых земледельческих областях Сибири, Урала.¹ В более раннее время вольный захват угодий играл еще большую роль в организации поморского хозяйства и был обусловлен как изобилием незанятых промысловых участков, так

¹ Александров В. А. Сельская община в России (XVII—начало XIX в.). М., 1976, с. 181.

и тем, что первыми на Белое море проникали ватаги, промышленные сезонно для разных князей и бояр, находившихся в отношениях соперничества между собой.

Второй важной архаической чертой поморской общины являлось то, что она до начала XX в. состояла почти исключительно из больших семей. Широкое распространение большой семьи в Поморье было обусловлено как сохранением пережиточных патриархально-родовых форм общежития русского сельского населения, так и спецификой северного промыслового хозяйства, которое несравнимо удобнее было вести большим, спаянным сознанием своего единства коллективом. Последнее должно было привести к новому расцвету большой семьи в Поморье и почти полному изживанию малой семьи в период формирования поморской группы и промысловой системы хозяйства.

Сочетание этих двух архаических особенностей поморской общины приводило к тому, что древние, захватные формы владения и система пользования промысловыми угодьями, имевшие широкое распространение в межобщинных производственных отношениях, встречались и во внутриобщинной практике, когда отдельные промысловые участки, находившиеся во владении общины, каждый год, в определенный промысловый сезон, заново захватывались (с соблюдением общинных правил) соперничающими большими семьями. Наряду с этими формами владения в XIX—начале XX в. существовали, а в главных морских и речных промыслах доминировали уравниательные или уравнительно-передельные формы.

В целом способы владения местами лова в морском, речном и озерном рыболовстве отражали сложную картину возникновения, развития, сосуществования и взаимовлияния этих видов промысла. Поскольку морские промыслы издавна стали выделяться в качестве главных, а потому играющих решающую роль в жизни населения, община в первую очередь старалась отрегулировать систему водопользования в этих промыслах таким образом, чтобы, с одной стороны, извлечь из них максимум средств (добычи), а с другой — справедливо распределить их между своими членами. Как мы знаем, в тот или иной период на отдельных поморских берегах (или селениях) ведущую роль играли разные морские промыслы, поэтому к середине — второй половине XIX в. в Поморье наблюдалась чрезвычайно пестрая картина способов, форм владения, пользования и распределения морскими угодьями и орудиями лова на них, что отмечалось всеми исследователями; то же самое наблюдалось и в речном рыболовстве, особенно семужьем.

1. Захватный способ пользования. Во второй половине XIX—начале XX в. захватные формы существовали в Поморье повсеместно, в разных морских и речных промыслах. Это означало, что на любом поморском берегу одни и те же морские угодья и речные участки в разное время года, т. е. в тот или

иной промысловый сезон, поступали в пользование разных членов общины. Морские участки, как правило, захватывались в двух случаях: либо для промысла, игравшего в данный момент подсобную или второстепенную роль, либо это были самые плохие, «неуловистые» угодья, которые община исключала из уравнительного распределения. На Терском берегу захватным способом распределялись места для лова любой морской рыбы (сельди, камбалы и т. п.), кроме семги, т. е. в захватное пользование поступали те же семужьи тони в зимне-весенний сезон, когда не было семужьего лова.² На Кандалакшском берегу захватывались места для промысла трески и другой рыбы, так как основным был сельдяной лов, или свободные (не находившиеся на учете общины) участки для сельдяного лова.³ На Карельском берегу в захватное пользование поступали места для проведения сельдяного и других промыслов, помимо семужьего, а на Поморском берегу захватывались морские угодья для лова сельди (особенно в Сорокской губе), наваги, корюха и плохие семужьи тони в семужий сезон.⁴ На Онежском берегу захватывались места для лова любой морской рыбы в зимнее время, поскольку главные для населения промыслы производились в весенне-летний период, а в д. Тамица — и в летнее время, так как здесь море «было нерыбно».⁵ Захватные способы пользования морскими участками существовали на Летнем и Зимнем берегах во всех промыслах, в том числе и в семужьем.⁶ Несколько сложнее обстояло дело с владениями местами лова морского зверя на Терском, Летнем и Зимнем берегах. По официальным сведениям XIX в., никакого общинного распределения морских угодий для проведения зверобойного промысла, чрезвычайно важного для этих берегов, особенно для Зимнего, где он стал в середине XIX в. главным, не было.⁷ Если и можно было говорить о каком-то распределении угодий, то лишь на Зимнем берегу и в том смысле, что жители того или иного селения промыслили зимой обыкновенно в определенном месте, выбранном ими в зависимости от удобства промысла, т. е. в недалеком расстоянии от их села. Весенний, так называемый «устынский» промысел (на участке моря между устьями рр. Мезени и Кулоя), производился огромной артелью, объединявшей промышленников ряда селений Зимнего берега и р. Мезени; эта промысловая община пыталась регулировать за-

² АИЭ, к-1, оп. 2, № 941, л. 38.

³ Там же, л. 31—32.

⁴ Там же, № 880, л. 10; № 876, л. 13, 14, 64; № 881, л. 4—5.

⁵ Там же, № 875, л. 72, 73; № 874, л. 8, 13, 29, 41—42.

⁶ Ефименко А. Я. Артели для лова разной рыбы. — Сб. матер. об артелях России. Вып. 2. СПб., 1874, с. 76.

⁷ Ефименко П. С. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. — Тр. Арханг. статист. комитета за 1867 и 1868 гг., вып. III, кн. I. Архангельск, 1869, с. 80.

хватные действия отдельных промысловых объединений.⁸ Рыболовные участки в Белом море, поступавшие в захватное пользование, были известны общине досконально, границы их были издавна определены: все они находились в пределах морских владений данной сельской общины. Границы же морских зверобойных мест лова были подвижны, т. е. расширялись за счет освоения новых участков, поскольку зверя ловили не только у берега, но и выходили в открытое море и океан.⁹

Весьма сходным со зверобойным был способ пользования местами лова на мурманском тресковом промысле, производившемся далеко от берега. Коренное отличие мурманских промысловых угодий от ближних тоней (около сел) заключалось в том, что они не находились на учете общины и их временное сезонное пользование осуществлялось на основе обычного права производственного коллектива. Жители сел Поморского и Карельского берегов издавна имели свои определенные места лова на мурманском берегу — становища, куда съезжалось несколько десятков, а то и сотен промышленников из разных сел, т. е. разных общин. Например, рыбаки из Малошуйки, Колежмы, Пименги, Кушреки имели своей базой Териберку, из Сороки, Сумского Посада, Сухоноволецкого, Нюхчи — Гаврилово, из Кемпи — Харловку, из Гридина и Калгалакши — Восточную Лицу и т. д.¹⁰ Рыбу ловили отдельными артелями даже члены одной и той же общины, и в открытом море участки «захватывались».

Захватные способы пользования, на наш взгляд, явно видны и в одном из важнейших для поморов промысле — речном семужьем. Так, на Терском берегу, в с. Поной например, захватным способом распределялись речные угодья при лове семги неподвижной снастью — гарвами.¹¹ В Поное же захватным ловом было «поездование» перед семужьим забором, когда пары лодок с поездом, мешкообразной снастью, по знаку руководителя неслись, обгоняя друг друга, на лучшие места.¹² В захватное пользование поступали места для проведения наважьего подледного лова в реках, как на старых угодьях, принадлежавших общине, так и на новых местах, например в реках по-ова Канин, где промышленники жители Зимнего берега. Новые места не поступали во владение общины.

Таким образом, захватное пользование либо представляло собой совершенно самостоятельный способ распределения мест лова в некоторых морских и речных видах промысла, либо сосущест-

⁸ Бернштам Т. А. Промысловые зверобойные артели поморов Зимнего берега Белого моря во второй половине XIX—первой трети XX в. Автореф. канд. дис. Л., 1968.

⁹ ГААО, ф. 211, д. 109, л. 4 и далее.

¹⁰ АИЭ, к-1, оп. 2, № 876, л. 12; № 880, л. 29, 34, 36.

¹¹ Алеев В. Р. Поездка на рр. Поной и Варзугу в 1912 г. — МИРР, т. III, вып. 9. Пг., 1914, с. 38.

¹² Там же, с. 40—41.

вовало наряду с другими формами пользования — обычно в морском и речном семуужьем лове.

Захват промысловых участков происходил иногда мирным путем,¹³ но, как правило, в необычайно напряженной и агрессивной обстановке, так как количество угодий было ограниченным. Тогда община регулировала захват участков, обязуя своих членов соблюдать определенные правила. Так, обычное право предусматривало обязательный сбор всех желающих участвовать в захватном лове в одно место. Руководитель промысла подавал сигнал, по которому все разом бросались захватывать участки — бегом по льду (зимой) или гребя в лодках (летом). Захватный подледный лов сельди в Сорокской губе сами поморы называли «войной»: лошадей поили вином, чтобы быстрее неслись; люди бежали по льду в одних рубахах, отнимали друг у друга места, дрались до крови, вырывали сети и т. д. В этих схватках принимали также участие женщины и дети.¹⁴ В начале XX в. при захвате мест пускались на хитрость: чтобы обогнать лошадей, неслись по льду на коньках.¹⁵ Захват мест на подледном лове сельди в устье Сев. Двины тоже носил характер схватки: «Лед волной изгибался под их (рыбаков, — *Т. Б.*) тяжестью, но на это никто не обращал внимания: все были поглощены одним желанием — запасть местом ближе к середине фарватера».¹⁶

Захваченные места отмечались особым способом, что означало переход данного участка во временное личное пользование, но это право часто нарушалось разбушевавшимися соперниками. На подледном лове знаки собственности обычно бывали двоякого рода: захваченный участок или «выпешивали», т. е. вырубали пешней прорубь (Поморский, Карельский, Кандалакшский, Зимний берега),¹⁷ или ставили «веха» — втыкали палки, молодые деревца (Онежский берег).¹⁸ Иногда для «застолбления» места достаточно было кинуть на лед лопату, пешню, одежду, невод (Летний берег). Каждый старался захватить несколько мест, поэтому все действия надо было производить мгновенно, и обычно ставили около проруби или другого знака собственности кого-либо из родственников. При захвате мест лова в открытом море знак собственности установить было трудно, поэтому действия, означавшие захват владения, были здесь разнообразнее и часто зависели от вида снасти, которой производился лов: на Поморском

¹³ АИЭ, к-1, оп. 2, № 874, л. 29, 44 (Онежский берег).

¹⁴ Там же, № 880, л. 10 (Поморский берег); Яковсон Р. П. Отчет по обследованию рыболовных угодий Александровского и Кемского уу. Архангельской губ. — МПРР, т. III, вып. 2, СПб., 1914, с. 21.

¹⁵ Дуров И. М. Быт рыбаков дореволюционного Беломорья (годовой цикл промыслов). — Археол.-этногр. сб. Сост. А. М. Линевский. Петрозаводск, 1936—1937, с. 321—322.

¹⁶ Яковсон Р. П. Отчет по обследованию бассейна Сев. Двины в 1913—1914 гг. — МПРР, т. IV, вып. 8. Пг., 1915, с. 58—60.

¹⁷ АИЭ, к-1, оп. 2, № 880, л. 28—30; № 881, л. 4—5; № 941, л. 31—32 и др.

¹⁸ Там же, № 874, л. 8, 13.

берегу семужья тоня обводилась неводом с лодки, это так и называлось — «очертить тоню»,¹⁹ на речном лове семги на Терском берегу участок закреплялся вбиванием 2—3 кольев, на которые потом крепились гарвы, что называлось «бить гарвы»;²⁰ на Летнем берегу различную морскую рыбу ловили рюжами и захват участков выражался в забивании кольев для рюжи.²¹ Места на сельдяном, наважьем и семужьем лове, производившемся на лодках с подвижной снастью (неводом, рюжей, поездом), а также на морском зверобойном промысле обозначались выбором направления, по которому намеревалась плыть лодочная артель. В последнем случае границы владения бывали чрезвычайно неопределенными и с ними обычно мало считались, особенно те, кому не везло с уловом. То же самое наблюдалось и в мурманском тресковом лове.

Захватный лов производился орудиями и судами, находившимися или в частном, семейном владении, или в коллективном (нескольких семей), артельном владении, но никогда — общинными. Изготовление снастей для захватного лова происходило в семье либо силами ее членов, либо с помощью соседей («помочи»), либо за плату; иногда сети помогали вязать одинокие старики «за хлеб». ²² Пряжу для сетей повсюду в Поморье готовили женщины, но распределение работ по вязанию сетей определенных родов (морских, речных и т. п.) имело свои особенности в разных местностях: в одних морские сети вязали только мужчины, а речные — и женщины,²³ в других все виды сетей вязали мужчины и женщины,²⁴ в третьих к этой работе подключали и подростков.

2. Общинный способ распределения угодий. Если захватное пользование предстает перед нами на протяжении описываемого времени в довольно единообразной и, если можно сказать, «простой», форме, то распределение общиной мест лова между своими членами приобретало в Поморье множество своеобразных форм, быстро сменявших друг друга, что отражало развитие товарно-денежных отношений, разлагавших общину, и ее попытки приспособиться, удержать свои функции социально-производственного организма. Необходимо также учесть, что формы распределения и пользования водными угодьями зависели еще и от естественных причин — изменений биологических циклов рыб и морских животных, состояния питательной среды для них, климатических факторов и т. п. Поэтому община должна была учитывать любые изменения подобного рода, чтобы использовать все возможности для успешного лова.

¹⁹ Там же, № 876, л. 64.

²⁰ А лее в В. Р. Поездка на рр. Поной и Варзугу, с. 38.

²¹ Е ф и м е н к о А. Я. Артели для лова разной рыбы, с. 76.

²² АИЭ, к-1, оп. 2, № 875, л. 74 (Онежский берег).

²³ Там же, № 941, л. 38 (Терский берег).

²⁴ Там же, № 880, л. 10, 30 (Поморский берег, Зимний берег и др.).

Во всяком случае до начала XX в. юридически община распределяла все морские угодья, на которых производились составлявшие главные для данного сельского общества промыслы: все морские тони в сезон основного лова, в подавляющем случае — все морские и речные семужьи тони даже там, где лов семги не являлся ведущим, и всегда — лов семги забором в устье реки.

Общинная система пользования морскими и речными угодьями, еще прослеживающаяся во второй половине XIX—начале XX в., основывалась на следующих принципах.

а. Все промысловые угодья пахотились на учете общины и имели качественную характеристику («хорошие», «средние», «коренные», «уловистые»).

б. Право на временное владение, т. е. получение от общины промыслового надела, доли, имели души мужского пола либо с рождения, либо с определенного возраста. Число разверсточных единиц, таким образом, зависело от количества мужчин в общине (на Онежском берегу, например, в начале XX в. на душу полагалось 25 м тонн).²⁵

в. Все промысловые угодья, особенно морские, делились на несколько групп, каждая из которых включала тони разного качества. Остановимся на этом подробнее.

Количество тоней, входивших в такую группу, зависело от числа душ, прикрепленных к ней; в каждом поморском селении был свой принцип распределения душ по тоням, а следовательно, и по группам тоней, что обуславливалось размером промыслового надела на душу и качеством тоней. Все это создавало впечатлительные разнообразия форм владения и пользования, что поддерживалось и традиционными терминами, существовавшими в разных поморских местностях для определения групп тоней и деления внутри них. В конце XIX—начале XX в. наиболее распространенным в Поморье наименованием для групп тоней было название «четверть», употреблявшееся независимо от того, на сколько частей (групп) делились все угодья — 3, 4, 5 или более.²⁶ Менее часто группы тоней назывались по долевному делению: «осьмина», если всех групп было 8 (Кандалакша), «треть» (Княжая Губа), «пятки» (Карельский, Поморский берега). Обычно подобные группы тоней внутри уже не делились. Деление группы тоней («четверти») на отдельные подгруппы (по 2—3 и более тоней) также имело свои особенности в разных местностях: иногда «четверть» состояла из ряда подгрупп, тоже носивших название «четвертей» (Зимний берег), но чаще всего они назывались «тре-

²⁵ Там же, № 874, л. 8.

²⁶ Там же, № 871 (Зимний берег); № 874, л. 8, 13, 29 (Онежский берег); Обзор Архангельской губ. за 1911 г., с. 58 (Зимний берег); Ефименко А. Я. Артели для лова сельдей. — Сб. матер. об артелях в России, вып. 2, с. 45 (Терский берег); Никольский В. В. Указ. соч., с. 76 (Кандалакшский берег — Ковда, Карельский — Кереть).

тями» или «десятками» (Терский, Летний берег). В некоторых местностях наряду с перечисленными названиями групп тоней, а иногда и самостоятельно бытовал архангелский общеславянский термин «жеребья» — на Кандалакшском (езде), Карельском (Кереть и др.), Онежском (Пижмозеро), Летнем (Сюзьма, Солза) берегах.²⁷ Соответственно делению и наименованию групп и подгрупп угодий души также делились на «четверти», «трети», «пятки», «десятки», причем в каждую такую группу и подгруппу входило примерно равное количество душ: к подгруппе, например, прикреплялось обыкновенно от 9 до 11 душ. Интересно древнее название группы ловцов, составлявших «десяток» на сельдяном лове в Умбе (Терский берег), — «дружина».²⁸

г. Система уравнивания, следы которой мы еще застаем в описываемое время, заключалась в способах обмена промысловыми угодьями как внутри группы («четверть»), так и между группами. Смысл обмена состоял в том, чтобы все рыбаки в течение определенного времени равномерно пользовались тонями разного качества. Обмен участками внутри группы чаще всего назывался «переход» и производился, как правило, ежегодно, передвижением «по солицу», «околицей» (друг за другом), «из-под плохой воды на хорошую», «по соглашению» и т. п.²⁹ Обмен «четвертями» («передел») происходил в разных местностях Поморья в разные сроки, что зависело от ряда причин, в том числе от количества тоней внутри «четверти» и времени, в течение которого совершались «переходы». Средний срок для «передела» морских угодий колебался от 3 до 10 лет. Повсюду в Поморье передел осуществлялся по жребию (в конце XIX в. даже торги тоней происходили жеребьевкой) и проходил в разные сроки в зависимости от промыслового сезона той или иной рыбы — под Новый год, на Николу вешнего, Егорья, в великий пост и т. д.³⁰ Жеребьевки происходили в волостном правлении; участники тянули либо таблички с названиями или номерами тоней, либо домохозяева — представители родственного или соседского коллектива — бросали свои клейма (знаки) в мешок или рукавицу; под каждым клеймом значилась определенная тоня. При торгах на знаках стояла стоимость тони.

д. Еще в середине—второй половине XIX в. (Н. Я. Данилевский, А. Я. Ефименко) в разных поморских местностях община сама назначала количество необходимых для лова работников

²⁷ Никольский В. В. Указ. соч., с. 76; Ефименко А. Я. Артели для лова разной рыбы, с. 76 и др.

²⁸ Ефименко А. Я. Артели для лова сельдей, с. 46; Словарь русских народных говоров, т. VIII, М., 1973, с. 213—214.

²⁹ АИЭ, к-1, оп. 2, № 941, л. 31—32; Никольский В. В. Указ. соч., с. 77 и др.

³⁰ Ефименко А. Я. Артели для лова сельдей, с. 45 (Терский берег, Умба); АИЭ, к-1, оп. 2, № 874, л. 8, 13 (Онежский берег, сельдь, семга); № 876, л. 13 (Поморский берег, семга и другая рыба); Ефименко А. Я. Артели для лова разной рыбы, с. 77 (Летний берег, навага) и т. д.

(т. е. сколько душ должны выставить одного ловца), промысловых судов и орудий (сетей) на каждую подгруппу тоней. Обязательная для лова снасть в таком случае развешивалась по душам, так как в дальнейшем по душам же и по количеству снасти распределялась добыча или вырученные от ее продажи деньги. В конце XIX—начале XX в. такой способ уже почти не встречался: каждая группа ловцов, получив определенный участок, решала самостоятельно, кто и сколько человек будет промысливать в течение сезона, поэтому суда и снасть выставлялись тоже по внутренней договоренности.

Интереснейшее и, видимо, в каких-то чертах архаическое явление представляло собой межобщинное владение морскими угодьями в Кузоменской волости на Терском берегу, объединявшее четыре общины — Кузоменскую, Варзужскую, Кашкаранскую и Оленицкую. По свидетельствам начала XX в., до 1907 г. жители этой волости пользовались морскими рыболовными тонями сообща: распределение угодий, определение числа душ на каждую тону и группу тоней, количество необходимых судов и орудий, распределение вырученных от продажи добычи денег — все эти действия производились на Кузоменском объединенном сельском сходе домохозяев всех четырех общин³¹ Это была сложная, выработавшаяся веками межобщинная организация промысловой жизни, при которой деревни, не имевшие по морскому берегу хороших промысловых угодий (Кашкаранцы, Оленица), могли получить их по жребию или с торгов, складываясь деньгами, всей общиной. Более того, община Оленицкой деревни обменивала приобретенные семушки тони на сенокосные угодья с Кашкаранской общиной, так что объединенное владение морскими угодьями регулировало и другие стороны хозяйственной жизни населения.³² В 1907—1910 гг. кузоменские домохозяева потребовали раздела морских семушких тонь между отдельными сельскими общинами, считая, что старая система не отвечает их интересам. Произошел раздел, при котором, по местным свидетельствам, соблюдались интересы наиболее зажиточной части кузоменского и варзужского населения.

Общинно-передельная система владения и пользования промысловыми угодьями, без торгов и аренды, была к началу XX в. в Поморье анахронизмом. В качестве примера такого исключительного явления можно привести способ пользования тонями на речном семушьем лове в с. Поньгома на Карельском берегу. Все семушки тони делились здесь на 3 группы — по рр. Воньге, Куземе и Поньгоме. Души мужского пола распределялись по группам таким образом, что на р. Воньгу приходилась половина всех душ, а вторая половина — на две других реки. Души объеди-

³¹ Яковсон Р. П. Отчет по обследованию рыболовных угодий Александровского и Кемского уу., с. 15—16.

³² АИЭ, к-1, оп. 2, № 941 (Терский берег).

нялись в 10 «пятков», 5 из которых ловили на р. Воньге. Между всеми «пятками» на Егорьев день (весной) происходила жеребьевка, и в каждый жребий входило по 2 тонны хорошего и плохого качества, на которых выставлялось 2 гарвы. С души полагалось дать 2 гарвяных сетки по 8 сажен и отработать определенную часть общей нагрузки: выезды в море и осмотры гарв, дежурство, просушку сетей и т. п.; при соблюдении всеми ловцами этих условий улов делился подушно. Уравниение достигалось ежегодным «переходом» с одной реки на другую.³³ Эта уравнительно-передельная система возникла на том уровне социально-экономического развития, когда община уже регулировала сложившееся неравенство (внутриобщинную дифференциацию, необеспеченность промысловым инвентарем и т. д.) и тесноту. Существование в Поморье различных переходных форм общинного владения и водопользования вызывалось неравномерным процессом развития социально-экономических отношений в отдельных поморских районах и видах промыслов.

Общинный лов на морских и речных тонях естественно обусловливал и общинное владение орудиями лова. В описываемое время следы общинного владения сетями существовали там и в той мере, где и в какой мере община еще сохраняла свои права и функции. Во всяком случае мы можем считать исходно «общинной» ту снасть, которая развешивалась по душам (хотя в конце XIX—начале XX в. члены общины вносили неравные доли в силу имущественной дифференциации). Развешивание снасти по душам производилось, например, на сельдяном лове в Кандалакше, на семужьем — на Зимнем берегу, в некоторых селениях на Терском, Карельском, Летнем берегах. Наиболее четкие сведения второй половины XIX в. относятся, в частности, к Летнему берегу (юго-восточные селения): вся необходимая семужья снасть развешивалась по душам, объединявшимся в несколько артелей — «десятков», по 10—11 человек в каждой подгруппе тоней. Член артели вносил по 10 сажен сети («десяточная снасть»), эти части сшивались вместе в одну большую сеть. В лове могли принимать участие не только души, имевшие право на надел, т. е. артель могла насчитывать более 11 человек, лишь бы количество сети соответствовало числу душ. Кроме того, член артели обязан был иметь свою лодку; если он не имел ее, то должен был взамен прибавить еще сети сверх вложенной.³⁴ На Зимнем берегу части семужьих неводов («завесок») также вносились по душам. Интересно, что «здорового», т. е. неуживчивого, сварливого товарища, не желавшего «вшиваться» в общую снасть, община выделяла на отдельные тони, т. е. исключала из артели и в конечном счете — из общины.³⁵ На поморских

³³ Никольский В. В. Указ. соч., с. 78—81.

³⁴ Ефименко А. Я. Артели для лова семги. — Сб. матер. об артелях в России, вып. 2, с. 53, 58.

³⁵ АИЭ, к-1, оп. 2, № 871 (Зимний берег).

берегах нами не зафиксированы случаи владения снастью одной или несколькими общинами сообща, как это отмечалось для второй половины XIX в. в Заонежье, на Печоре, в деревнях устья Сев. Двины и ряде других севернорусских районов.³⁶ По существу в Поморье в описываемое время все снасти являлись в первую очередь семейной или складнической (многосемейной) собственностью, пользование которой наряду с использованием морскими и речными угодьями отражало сложную картину переплетения общинных и частных форм владения. Вследствие того что морские тони в конце XIX—начале XX в. в основном сдавались общиной с торгов или в аренду, процесс разложения общинного владения и отчуждения отдельных участков в частное пользование шел разными путями (скупка угодий, наем беднейших жителей в счет внесенных за них орудий лова и т. п.). Практиковалась и отдача отдельными членами общины, имеющими право на душевой надел, прав на внесение своей доли снасти или установку рыболовного снаряда на поступившем в его пользование участке. На Терском берегу существовала практика сдачи орудий лова в аренду за плату; установка невода, например, стоила довольно дорого; за каждую из трех родов сеток, его составляющих, платили за 4 недели лова от 3 до 4 руб. (матица).³⁷ Крестьяне Летнего берега сдавали свои места на общинных морских тонях для постановки ряж — по 1 руб. за ряжу.³⁸ Бывало, что поморы сдавали свои лодки и снасти членам другой общины и соседнему нерусскому населению, саамам и карелам, для проведения основных промыслов: сельдяного (Кандалакшский берег), семужьего (Поной, Терский берег) — за плату, выражающуюся в определенной доле улова.³⁹

Как было сказано выше, община всегда старалась сама регулировать лов семги забором — неподвижным сооружением, перегородивавшим реку недалеко от устья. Заборный лов во многих поморских районах представлял собой сложный комплекс собственно «заборного» и «передзаборного» лова, в которых сочетались разные формы пользования — общинные (забор) и захватные (передзаборный лов), осложненные в описываемое время отношениями капиталистического характера — торги, аренда, скупка добычи и т. п.

Нормы прав и обязанностей членов общины в строительстве и пользовании заборным и передзаборным ловом были различны не только по отдельным берегам, но и по селам, так как всюду

³⁶ Майнов В. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1877, с. 76—77 (автор говорит об общинном неводе в Выгозере); Якобсон Р. П. Отчет по обследованию бассейна Сев. Двины, с. 29 и др.

³⁷ Якобсон Р. П. Отчет по обследованию Александровского и Кемского уу., с. 59.

³⁸ Алеев В. Р. Промысел паваги и сельди по Онежскому и Кемскому берегам Белого моря зимой 1912 г. — МПРР, т. III, вып. 9. Пг., 1914, с. 12.

³⁹ Алеев В. Р. Поездка на рр. Поной и Вараугу, с. 49.

была своя традиционная организация пользования, сложившаяся на основе природных и социально-экономических факторов. К началу XX в. в Поморье оставалось всего несколько крупных заборов и все они находились в руках арендаторов — скупщиков добычи. Наиболее существенные сохранившиеся черты общинного пользования семужьим заборным и передзаборным ловом в начале XX в. наблюдались в Умбе на Терском берегу, Ковде на Кандалакшском берегу и Солзе на Летнем берегу и заключались в следующем.⁴⁰

а. Община сообща или на свои средства заготавливала весь необходимый строительный материал, который равномерно распределялся на все души, например «кому сколько тары (решетки из прутьев, — *Т. Б.*) заготовить», «кому сколько сажел лопняка запасти» и т. д.⁴¹

б. Строительство забора производилось либо членами общины, либо наемными работниками на общинные средства, но ловить забором могли только члены данной общины. Устройством забора и самим ловом руководил опытный мастер — «коловщик» (Умба),⁴² «заборщик» (Поной),⁴³ который выбирался на общем сходе домохозяев. В с. Умба забор возводили все члены общины, причем работа распределялась на три смены, или очереди, под названиями Степановская, Ермолинская, Соловецкая.⁴⁴ На обязанности первой смены лежала установка козел, перебоев и настила из бревен. Вторая смена вбивала между козлами колья и небольшие копылы; она же делала решетку из прутьев. Третья смена сооружала места для 5 ловушек — вершей. Самой тяжелой и ответственной была первая смена, но три смены ежегодно чередовались, чтобы все члены общины участвовали во всех видах работ.⁴⁵ В возведении Солзовского забора тоже должны были участвовать все души; у кого в семье была одна ревизская душа, тот работал один день, у кого три души — три дня, у кого было больше трех душ — работал три дня, но приводил еще одного работника.⁴⁶

⁴⁰ Некоторые итоги изучения семужьего лова на Зимнем берегу отражены в нашей статье «Семужий промысел поморов Зимнего берега Белого моря во второй половине XIX—начале XX в.» (в кн.: Вопросы аграрной истории. Матер. науч. конфер. по истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера СССР. Вологда, 1968, с. 337—344).

⁴¹ АИЭ, к-1, оп. 2, № 941, л. 39, 49—51; Ефименко А. Я. Артели для лова семги, с. 65.

⁴² АИЭ, к-1, оп. 2, № 941, л. 39. — Название известно с древности (ААЭ, т. 1, № 351, с. 425).

⁴³ Алеев В. Р. Поездка на рр. Поной и Варзугу, с. 28—29.

⁴⁴ Эти очереди отражали древнее деление с. Умбы на 3 части, 2 из которых населяли «вольные» крестьяне, владевшие $\frac{2}{3}$ с промысла в тонях и заборе; $\frac{1}{3}$ Умбы владел Соловецкий монастырь, которому полагалось и $\frac{1}{3}$ с промыслов. Первые два названия, возможно, произошли от фамилий первопоселенцев.

⁴⁵ АИЭ, к-1, оп. 2, № 941, л. 39 и др.

⁴⁶ Ефименко А. Я. Артели для лова семги, с. 65.

в. Каждый член общины имел свою порму лова, обязанности по наблюдению за ходом рыбы и состоянием забора. В с. Умбе, например, взрослый член артели ловцов, состоящей из 4—5 семей, должен был один раз в день (утром) осматривать ловушки, а вся артель в конце недели — срок ее пользования забором — сдавать добычу. Участники заборного лова в Солзе, тоже делившиеся на артели из групп семей, обязаны были по очереди, по 2 человека, осматривать ловушки и «кротить» (бить, — *Т. Б.*) рыбу; кто не ходил — платил штраф (25 коп. за пропущенный день).⁴⁷

г. Наконец, община должна была обрабатывать всю добычу, которую она сдавала скупщику. Деньги, полученные от продажи заборной семги (оставшиеся после уплаты арендатору), делились, как правило, подушно. Арендатор же обычно вносил за общину все государственные подати, которые прежде она выплачивала именно из доходов от заборного семузьего лова.

Передзаборный лов производился разными сетями: тяглыми (поезд, закидной невод) и ставными (гарва, ставной невод). Владение этими орудиями лова носило как частный (поезд, небольшая гарва), так и общинный характер (большой закидной или ставной невод). В Солзе, например, на ставной невод каждый член общины вносил по сажени сети, карбас для поездки к неводу тоже был общественным. Все участники должны были ежедневно по 6 человек проводить «дпеважье», т. е. целый день дежурить у невода; за каждую душу полагалось отдежурить определенное количество дней. Улов из невода продавался, и деньги делились подушно.⁴⁸ В Поное передзаборный лов производился поездами и гарвами и был обязательным для всех, участвующих в заборном лове; места для лова перед забором захватывались (см. выше). Добыча складывалась вместе, продавалась и распределялась по паям — за снасть, лодку, по числу артельщиков, помимо заборного лова.⁴⁹

Судя по документам XVII—XVIII вв., морские и речные тони во многих поморских районах начали продаваться с торгов, а большие и прибыльные заборы повсеместно в Поморье сдаваться в аренду, видимо, с давних пор. Ко второй половине XIX в. процесс развития капиталистических отношений в Поморье, как и повсюду в России, значительно ускорился, так что к концу XIX в. по существу многие тони и заборы находились в руках частных владельцев, являвшихся одновременно фактическими владельцами угодий, судов, орудий лова, работодателями и скупщиками. К этому времени торги морскими и речными тонями стали ведущей формой владения в промысловом хозяйстве поморов всех берегов; попытки общины удержать промысловые угодья в своих руках выражались в том, что она долгое время

⁴⁷ Там же, с. 66.

⁴⁸ Там же, с. 67.

⁴⁹ Алеев В. Р. Поездка на рр. Поной и Варзугу, с. 28—29, 40—41.

сохраняла право покупки тоней за своими членами. Но это, так же как и распределение добычи по душам, создавало лишь иллюзию самостоятельности общины в качестве единственного владельца промысловых угодий и равноправия в пользовании ими всех ее членов.

Владение и пользование местами лова в озерном рыболовстве всегда (за редким исключением) находилось в личной, семейной собственности и передавалось по наследству, т. е. пользование в этом виде промысла не носило ни захватного, ни общинного характера.

Землепользование. Система землепользования в Поморье касалась способов владения и пользования земледельческими (в тех немногих районах, где существовало земледелие) и сенокосными угодьями.

Точного государственного учета посевной площади в Поморье не было из-за крайне незначительного количества пригодной для земледелия земли и малой роли земледелия в хозяйстве жителей. Община каждого селения владела посевной землей разного качества, поэтому на каждую душу полагалось, как и в группах тоней на промысле, определенное количество плохой, средней и хорошей земли. В начале XX в. в с. Малошуйка, например, общее количество надела на душу составляло 1200 сажен,⁵⁰ а в Нименге — 900 сажен (по 300 сажен каждого сорта земли). Переделы общинной земли были очень редки, и здесь к концу XIX в. хорошая земля сосредоточивалась в руках более активной части населения («у горланов и земля была хорошая»), покупавшей ее с торгов.⁵¹ Бывали случаи захватного владения и пользования земельными участками, не находившимися на учете общины (в лесах, на островах), которые жители расчищали и обрабатывали «вольно» («раньше землю брали грудью, за каждую полосу боролись»)⁵².

Более важную часть владений общины составляли сенокосные угодья, так как животноводство в отличие от земледелия существовало в Поморье повсеместно. Судя по имеющимся материалам и нашим полевым данным, владение и пользование сенокосными угодьями, так же как и промысловыми участками, выражалось в разных формах.

Захватная форма возникла (как в рыболовстве) в период заселения поморских территорий. Развитие социально-экономических отношений способствовало довольно быстрому переходу основного массива земельных и сенокосных угодий в общинное владение.

В XIX—начале XX в. в захватном владении и пользовании находились участки (расчистки) в лесах, на болотах, на остро-

⁵⁰ АИЭ, к-1. оп. 2, № 876, л. 38 (Малошуйка, Поморский берег).

⁵¹ Там же, л. 64, 65 (Нименга, Поморский берег).

⁵² Там же, л. 70 (Нименга).

вах; чаще всего они назывались «теребá». Захватные участки, поступившие во владение той или иной семьи, бывали разбросаны в разных местах, поэтому семья старалась захватить как можно больше угодий до начала сенокосных работ. В XIX в. казна пыталась учесть расчистки и продавать их по билетам, но это оказалось невозможным, и захватный способ владения и пользования не изживался до начала XX в.⁵³

В общинном владении находились так называемые «общественные сенокосы», которые община разверстывала по душам до очередного передела. Основу общественных сенокосов составляли морские пожни, тянувшиеся вдоль берега. Морские пожни — специфическая особенность Поморья, сложившаяся в процессе формирования промысловой рыболовно-зверобойной системы хозяйства. Границы морских пожней каждой общины были строго и издавна определены: они везде совпадали с границами морских тоней и носили с ними одни и те же названия.⁵⁴ Их ширина и протяженность зависели от природных условий данного поморского района; иногда они носили собирательное название — «кортóмленное место» (Гридино, Карельский берег), «бёрма» (Поньгома)⁵⁵ и т. п. Кроме них, община владела и другими сенокосными угодьями — в полях, лугах, на озерах. Все общественные сенокосы подлежали переделу через определенные сроки, зависевшие от количества и качества сенокосных угодий, а также от сложившейся традиции или уровня развития товарно-денежных отношений. В первую очередь и особенно строго переделались морские пожни. Наиболее обычным был срок передела от 3 до 5 лет (Зимний, Летний, часть Поморского берега), в тех районах, где сенокосных угодий было мало и плохого качества, иногда бывали ежегодные «переходы» — с хороших угодий на плохие, как в рыбном промысле (Кандалакшский берег, с. Кереть — Карельский берег).⁵⁶ В других местностях, наоборот, сенокосы не переделались по 15—20 лет (Поморский берег от Нюхчи до Кемп, Онежский берег).⁵⁷

Поля, или усадебные пожни (термин «пожни» распространен в течение XIX в. и на личные участки), будучи частным владением отдельных семей, находились, как правило, вблизи поселения или вокруг него. Во второй половине XIX в. усадебные пожни тоже подлежали казенному учету и поступали наряду с общественными сенокосами в душевое владение, хотя никаких переделов этих участков не происходило. Усадебная пожня числилась пожизненно за душой мужского пола, получавшей ее либо с рождения, либо с 7—14 лет, переходила по наследству по мужской линии и только при отсутствии потомства переходила в об-

⁵³ Там же, № 880, л. 31 (Поморский берег).

⁵⁴ См., например, там же, № 874, л. 6 и др. (Онежский берег).

⁵⁵ Никольский В. З. Указ. соч., с. 48, 51.

⁵⁶ АГО, р. 1, он. 1, № 91, л. 31.

⁵⁷ АИЭ, к-1, оп. 2, № 880, л. 38 (Поморский берег).

щественный фонд. Усадьбную пожню нельзя было ни продать, ни передать по дарственной.

В. В. Никольский, собравший материал по хозяйству населения Поморского, Карельского и Кандалакшского берегов в первой четверти XX в., считал, что способы владения и пользования промысловыми рыболовными (морскими и речными) угодьями обусловили издавна, со времени заселения поморских берегов, формы землепользования. Свои выводы он обосновывал на следующих фактах: во-первых, техника «переделов», а в некоторых местностях и «переходов» (число разверсточных единиц по душам населения, способы разверстки и уравнивания, приемы и сроки «переходов» и «переделов») сенокосных участков целиком повторяла те же приемы в водопользовании; во-вторых, названия групп сенокосных угодий или отдельных участков совпадали соответственно с наименованиями групп тоней или отдельных тоней.

Подобную точку зрения следует считать односторонней, так как приведенные факты говорят скорее об одновременности формирования системы водо- и землепользования в общем процессе складывания промысловой системы хозяйства поморского населения («косили там же, где ловили»). Об этом же говорит наличие древних захватных способов владения и пользования угодьями как в водных промыслах, так и в сельском хозяйстве.

На разных берегах и в отдельных поморских местностях процесс формирования промысловой системы хозяйства, степень развития в ней земледелия и полевых занятий были неоднородны и неодновременны. Степень взаимовлияния социальных форм в хозяйственной жизни пришлого (русского и нерусского) и местного неславянского населения тоже могла быть различной, поэтому мы наблюдаем такое своеобразие способов и форм в водо- и землепользовании в Поморье и их сосуществование на протяжении веков.

§ 2. АРТЕЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НА РЫБНЫХ И МОРСКИХ ЗВЕРОБОЙНЫХ ПРОМЫСЛАХ

Важнейшей особенностью промысловой поморской общины было то, что в основе ее социально-производственных отношений лежала необычайно развитая артельная организация. Артельное начало пронизывало всю общественную и промысловую деятельность поморского жителя — в море, реке, на озере, на любых видах рыбного и зверобойного промысла и даже в сельском хозяйстве.

Исследование артельной организации поморов может идти по разным направлениям; изучению, например, промысловых зверобойных артелей Зимнего берега была посвящена диссертация ав-

тора настоящей работы.⁵⁸ В ней уделено большое внимание определению сущности таких понятий, как тип и форма артели, в первую очередь в зверобойном промысле, хотя привлекался материал и по другим видам морских и речных промыслов. В данном исследовании автор дает представление о типах и формах артелей (и артельных объединений) в промысловом хозяйстве Поморья, имевших как общие закономерности в своем развитии, так и некоторые особенности в отдельных видах промыслов и по берегам.

В свое время крупный специалист по изучению севернорусских артелей А. Я. Ефименко выделила на основе двух критериев — имущественные отношения в производственном коллективе и способ распределения добычи — три типа северных промысловых артелей: складников, уженщиков и покрутчиков. Возникновение этих типов относилось к разным этапам освоения Севера, и эволюция их была тесно связана с особенностями социально-экономического развития северных районов.

Складничество — одно из самых ярких и характерных явлений на Русском Севере — издавна было обусловлено необходимостью ведения хозяйства в специфических природных условиях: коллективного труда требовали не только промыслы (рыболовство, охота, солеварение и т. п.), но и подсечное земледелие. Поэтому складничество возникало как из родственных отношений, так и из договора товарищества, когда соглашались вместе жить и хозяйствовать люди, не находившиеся в родстве: переселенцы, соседи и т. п.

Если согласиться с мнением ученых XIX в. (М. М. Богословский, А. Я. Ефименко и др.), что нигде в России не было так сильно распространено складничество, как на Русском Севере, то можно смело сказать, что благодаря складничеству сформировалась промысловая система хозяйства в Поморье, так как прежде всего складнические отношения возникали для промысловых целей.

Социально-экономическое развитие вызывало к жизни иные имущественные отношения, разрушавшие основу складничества, т. е. равноправие; так возникли типы полузависимых и зависимых хозяйственных объединений уженщиков и покрутчиков. В обоих случаях в производственном коллективе выделялся хозяин, владеющий либо какой-то важной частью промыслового имущества — судном, орудиями лова (артель уженщиков), либо всеми орудиями промысла и снаряжением, включая одежду и пищу (артель покрутчиков). Название «уженщик» произошло от слова «ужна», что, по документам XVII в., означало пропитание, корм. Пользуясь промысловым имуществом хозяина и отдавая ему за это определенную часть добычи, уженщик обеспечивал

⁵⁸ Бернштам Т. А. Промысловые зверобойные артели поморов Зимнего берега Белого моря...

себя едой (и одеждой) на время промысла, поэтому его доля в добыче была значительной.

Покрут на Русском Севере и в Поморье в XIX—XX вв. означал различные виды найма для рыбных и зверобойных морских промыслов, при котором хозяин не только предоставлял свое судно и орудия промысла, но и снабжал работников всем необходимым — продовольствием, одеждой, промысловым инвентарем и т. п. Покрутчик отдавал хозяину часть своей доли в промысле как плату за полное хозяйское снаряжение; определение размера этой доли целиком зависело от хозяина.

Разновременные по происхождению типы промысловых артелей — складников, уженщиков и покрутчиков — сосуществовали в XIX—начале XX в. при явном преобладании последнего во всех видах промыслов.

Обобщая и анализируя характер имущественных и социальных отношений в промысловом хозяйстве Поморья, мы сочли необходимым добавить к выделенным трем типам артели еще один — семейную артель, учитывая фактор социального состава артели.

Семейная артель являлась в Поморье первичной, элементарной производящей и потребительской единицей во всех речных и во многих морских рыбных промыслах, а в некоторых случаях — в морском зверобойном промысле, солеварении и в сельском хозяйстве. Широкое распространение семейных артелей в Поморье было следствием повсеместного существования здесь «большой семьи», представлявшей естественную форму производственного коллектива наряду с промысловыми ватагами, усилиями которых и создавалась в Поморье промысловая рыболовно-зверобойная морская система хозяйства.

На ранних этапах освоения и заселения поморских территорий семейные и складнические (видимо, промысловые дружины, ватаги) артели явно преобладали, причем владение и пользование промысловыми угодьями осуществлялось захватным способом. Но уже к XVII в. из разных видов складнической артели, видимо, начали выделяться типы артелей уженщиков и покрутчиков. Все же, судя по документам, артель складников еще преобладала во всех видах водных промыслов и в солеварении; более того, часто артель уженщиков превращалась снова в артель складников. Подавляющая часть документов, дающих нам представление об артелях того времени, имеет церковно-монастырское происхождение, так что в первую очередь мы можем представить тип артели уженщиков и покрутчиков, т. е. зависимых коллективов, нежели типы свободных артелей — семейных и складнических. Ценность имеющихся документов все же несомненна: из них нам становятся ясны многие принципы артельной организации, внутриартельные имущественные отношения, способы распределения добычи, самоуправление и т. п. Во-первых, важен факт существования уже в конце XVI—XVII в., помимо семей-

ных и складнических артелей, артелей уженщиков и покрутчиков, которые начинают преобладать на главных морских и речных рыбных и зверобойных промыслах — семужьем, моржовом, тюленьем. В конце XVII—начале XVIII в. эти типы артелей становятся ведущими вместо складнических на мурманском тресковом промысле. В XVIII в. на Новую Землю отправлял артели Архангельский архиерейский дом, поставляя для промышленников сюда, необходимые промысловые орудия, съестные припасы и одежду. Обычно артели для промысла на Шпицберген и Новую Землю насчитывали от 11 до 20 человек, в среднем 15—17 человек на судно (Например: «А на том коче (судне, — Т. Б.) отпущены домовые промышленные люди, кормщик Никитка Тушин с сыном, да рядовых промышленников тринадцать человек»)⁵⁹. Промысловые артели отправляли также архангельские купцы. Кормщиками в этих артелях обычно ходили «кемляне», «ворзогорцы» (Онежская округа), т. е. жители Поморского берега.

Способов распределения добычи в таких артелях было несколько. Так, например, если артель состояла из 15 человек, то вся добыча делилась на 17 «участков»: 2 «участка» шли архиерейскому дому или какому-либо другому хозяину за судно и назывались «кочевыми», остальные 15 распределялись между всеми промышленниками. Последние большую часть своих «участков» должны были отдавать владельцу судна еще и за продовольствие и одежду. Сами «участки» и отдаваемые доли были неравными и зависели от функции каждого члена артели. Кормщик получал больше всех. От самого начала XVIII в. до нас дошли сведения о других способах распределения добычи, принятых как на моржовом, так и на семужьем промыслах: наиболее распространен был способ дележки всей добычи на три части, из которых $\frac{2}{3}$ получал наниматель и владелец судна, а $\frac{1}{3}$ распределялась между остальными.⁶⁰

Разные способы распределения добычи (что входит в понятие «типа» артели) говорят о существовании в то время смешанных, переходных типов артелей в морских промыслах.

Во второй половине XIX в. продолжали сохраняться все 4 типа промысловых артелей с преобладанием в отдельных морских и речных промыслах того или иного типа, хотя наблюдалась общая тенденция к превращению семейной, складнической и уженщической артелей в артель покрутчиков. Семейная артель продолжала оставаться основной на разных берегах Поморья в захватном лове описанных выше промыслов и в общинном семужьем лове. В тех случаях, когда этот тип артели выступал в более или менее чистом виде, т. е. мало затронутом развитием

⁵⁹ В е р ю ж с к и й В. Афанасий, архиепископ Холмогорский. СПб., 1908, 423.

⁶⁰ ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 529-Н; ф. 4, оп. 9, д. 75.

капиталистических отношений (продажей или сдачей в аренду душевого надела, личной материальной зависимостью от скупщика, владельца орудий лова или арендатора), семейная артель получала добытый своим трудом улов полностью. Складническая артель представляла собой крепкую организацию, когда она была объединением родственных семей. В силу растущего социального неравенства неродственные складнические объединения изживались довольно быстро во всех видах промысла — морском и речном рыболовном и морском зверобойном. Во второй половине XIX—начале XX в. в двух ведущих промыслах Поморья — мурманском тресковом и беломорском зверобойном — уже господствовала артель покрутчиков.

При самом распространенном способе найма все члены артели находились в одинаковых имущественных отношениях с хозяином — владельцем промысловой избы, судна, орудий лова, промысловой одежды и пищи. Все покрутчики в этом случае получали по равному паю без различия их роли в промысле, ловкости, силы и возраста. Такой же пай выделялся и лодке, т. е. ее владельцу, как арендная плата. Приглашая на должность кормщика (на Поморском, Карельском, Кандалакшском берегу — «коршик») известного своим искусством и опытом зверобоя или рыбака, хозяин, нанимавший артель, добавлял ему сверх причитающегося пая вознаграждение. Поскольку хозяин содержал покрутчика на промысле, то по окончании промысла покрутчик отдавал ему часть своего пая в качестве платы за питание.

Иногда хозяин выговаривал себе половину или треть добычи; часть, получаемая артелью, делилась между ее членами поровну. В этих двух способах распределения мы встречаемся со старой системой долевого распределения; разница состояла в том, что в XVII—XVIII вв. раздел чаще всего происходил между артелью и «коллективным» предпринимателем в лице церкви, монастыря, а в XIX в. большая часть артельной добычи поступала частному лицу. В 70-е годы XIX в. распространяется новый порядок распределения добычи на крупных поморских промыслах: хозяин не определяет точную стоимость содержания покрутчика, а договаривается с каждым из них в отдельности о его доле в промысле. Это по существу означало ликвидацию артели как целостного организма: раньше артель покрутчиков как бы платила хозяину за предоставление ей орудий лова, поэтому долги покрутчиков были более или менее равны, т. е. хозяину противостояла своеобразная единая производственная община, хотя и несвободная. При новом порядке распределения усиливался элемент индивидуальной заинтересованности, разрушались внутриартельные отношения и выделялись отношения хозяина с каждым покрутчиком отдельно. Эти последние, кстати, не ограничивались только производственной сферой, а постепенно опутывали всю жизнь покрутчика. Распад артели (хотя само название и формы артельных объединений продолжали в Поморье активно быто-

вать) явился неизбежным следствием развития капиталистических отношений в поморском хозяйстве.

Если характер социально-имущественных отношений в артельных объединениях на Русском Севере и в Поморье получил некоторое освещение в научной литературе XIX—XX вв., то формами артелей до сих пор никто не занимался, хотя, как нам кажется, исследование поморских производственных объединений невозможно без этого аспекта.

Говоря о форме артели в Поморье, мы разумеем три следующих момента: а) функции артели — на промысле (совместные действия, доставка добычи, обслуживание промысловых орудий, например просушка неводов, дежурство и т. п.), совместная дорога на промысел и обратно (на мурманский тресковый лов, на зверобойные промыслы в открытом море), быт и промысловые обычаи и обряды на берегу (в общине села) и на промысле; б) внутренняя структура артели; в) самоуправление артели и артельных объединений.

Нам трудно сказать что-либо о формах артелей в ранние периоды заселения Севера и поморских территорий в процессе формирования промысловой системы хозяйства. Видимо, семейная артель в это время представляла собой не только тип артели, но и ее первичную форму, так как могла поставить на разные виды промысла необходимое для него количество людей — в лодке или без нее. Эта «семейная форма» артели сохранилась и во второй половине XIX—начале XX в., в первую очередь на морском и речном сему́жьем лове. По свидетельствам этого времени и по нашим полевым материалам, семейная артель на сему́жьем лове преобладала над всеми другими формами; члены такой артели назывались «седоками», так как лов на сему́жьем тоне повсеместно в Поморье назывался «сиденьем». Несколько семейных артелей часто объединялись в многосемейную артель (состоящую из ряда родственных или неродственных семей), образуя, таким образом, специфическое артельное объединение.⁶¹ В конце XIX в., когда распределение сему́жых участков производилось путем торгов, несколько семей договаривались и о покупке тони, так что в среднем на одну тону приходилось по 2—3 семьи.⁶² Если покупку тони осуществляла артель, состоящая из неродственных семей, они именovali себя «складчиной» или «товарищами». Члены семейной или многосемейной артели должны были вносить равное количество снасти, отчего и распределение добычи шло соответственно размеру сети, внесенной каждым взрослым членом семейной артели. Функции, структура и самоуправление такой

⁶¹ Якобсон Р. П. Отчет по обследованию рыболовных угодий Александровского и Кемского уу., с. 24; АИЭ, к-1, оп. 2, № 941, л. 39 (Терский берег) и др.

⁶² АИЭ, к-1, оп. 2, № 941, л. 33 (Кандалакшский берег); Алеев В. Р. Поездка на рр. Поной и Варзугу, с. 38 и др.

артели соответствовали внутрисемейным отношениям большой семьи. Поскольку обычно семужий лов происходил недалеко от селения, судоки могли меняться: во время сенокоса на тоне сидели старики и подростки, а женщины уходили на пожни; взрослое мужское население только тогда принимало участие в семужем лове, когда не было в этот период занято на главных промыслах, например на тресковом. Промысловый быт в семужем промысле был, если можно сказать, сведен до минимума, особенно в весенне-летний сезон, когда семга только на несколько дней, самое большее на две недели, появлялась у берегов. Поэтому «судоки» могли уходить в село в воскресные или праздничные дни, а если тоня находилась вблизи селения, то рыбаки и не жили постоянно на тоне. Особо следует отметить семейный лов семги на Терском берегу, в районе Кузомен, Варзуги, Тетрица. Там осенний лов семги продолжался с августа по ноябрь, и поскольку он являлся главным занятием жителей, они уходили на него всей общиной (селением), забирая с собой скот и домашнее имущество. Каждая семейная артель имела там промысловую избу, в которой протекала одновременно ее семейная и активная производственная жизнь. Эта хозяйственная особенность наложила отпечаток на общественную жизнь населения данных местностей: исчезли некоторые обряды и обычаи осеннего цикла (беседы, вечеринки т. п.).

Семейная артель превалировала в Поморье в XIX—начале XX в. и в некоторых других видах морского промысла, например в захватном лове сельди — подледном и в открытом море — на Поморском берегу и на Онежском, где этот промысел, кстати, был главным.⁶³ Правда, на Онежском берегу, по крайней мере в начале XX в., слова «артель» не знали, а употребляли слово «компания».

Семейная артель на прибрежном лове не пуждалась в лодке, но в открытом море, в соответствии с требованиями промысла, образовывалась по типу «лодочной». Такая же картина наблюдалась и в речном лове поездами, где каждая лодочная артель называлась «поездом» (особенно ярко это проявлялось на семужем лове в р. Варзуге или в Поносе на Терском берегу). На сельдяном лове в Сорокской и Сумской губах (весной) основной единицей семейной артели была «лодка»; пара лодок составляла необходимую для этого лова артель — «разгреб». Правда, разгребы образовывались и на основе найма, но нам важно отметить, что исходной формой, видимо, был «семейный разгреб». По существу разгреб являлся уже артельным объединением, так как его составляли две «лодки», в каждой из которых находилось определенное количество людей, необходимых для лова: «носов-

⁶³ АИЭ, к-1, оп. 2, № 880, л. 28—30 (Поморский берег); № 874, л. 41—42 (Онежский берег).

пцк», «кормовой», «весельщик».⁶⁴ Функции членов такой артели обуславливали и ее самоуправление. Носовщик должен был знать направление косяка рыбы и давать указания к вымету невода; кормовые выметывали невод, весельщики гребли. Две лодки в разгребе были необходимы для лова большим неводом, который лежал в развернутом виде на обеих лодках, пока носовщик искал косяк рыбы. Естественно, он и был «главным» в лодке. Поскольку в разгребе их было двое, то главным носовщиком считался более опытный, а второй поддерживал все его действия. Кормовыми и весельщиками в разгребках обычно бывали женщины. В наемных разгребках распределение добычи шло по паям; по одному паю обязательно приходилось на невод и карбас, т. е. хозяину, остальное распределялось между членами; носовщик получал вознаграждение от хозяина.⁶⁵ Разгребы функционировали и на наважьем лове в тех же местностях. Артельный лов разгребками имел свои традиции и обряды, которые особенно разрослись в наемной артели на Поморском берегу. В день начала промысла артельщики вставали в 3 часа. В каждом доме хозяйка пекла шаньги для промысла. После чая рыбаки собирались у хозяина, которого по традиции называли «складышником». Все сажались, закрыв двери, и некоторое время молчали. Первым вставал хозяин, потом остальные, все молились и со словами хозяина «господи, благослови!» шли к двери в таком порядке: носовщик, кормовой, весельщик. Из неделенной сельди первого улова хозяин отчерпывал всем на уху. В ближайший календарный праздник устраивались семейно-артельные сборища на первую уху. Аналогичным обрядом сопровождался отъезд на наважий и сельдяной подледный лов. Дележ добычи у хозяина назывался «дуваном».⁶⁶

Сложным семейным объединением являлась «лодка» на сельдяном лове в Кандалакшской губе. Здесь одна лодочная артель насчитывала от 15 до 20 человек, т. е. объединяла несколько семейных артелей, пользовавшихся одним неводом. В середине XIX в. в один такой невод «сшивалось» несколько семей, как на сумужьем промысле; в конце XIX—начале XX в. семейные артели нанимались хозяином невода, получавшим пай за невод, карбас и за себя, если участвовал в лове в качестве кормщика. Все участники «лодки», кроме коршика, назывались гребцами и получали по одному паю (бочонок весом до 8 кг, ведро или корзину сельди). Наемный коршик получал 3.5—4 пая.⁶⁷

На заре развития мурманских промыслов, по всей видимости, семейная артель могла существовать и в мурманском тресковом лове, так как мурманская артель («лодка») состояла всего из 4 человек и в большой семье нетрудно было набрать четырех

⁶⁴ Островский Е. Из картипок сельдяного промысла в Сороке. — ИАОИРС, 1910, № 8, с. 27—29.

⁶⁵ АИЭ, к-1, оп. 2, № 880, л. 10.

⁶⁶ Дуров И. М. Указ. соч., с. 301—308, 309, 310.

⁶⁷ АИЭ, к-1, оп. 2, № 941, л. 3, 31—32, 27—28, 38.

взрослых мужчин. Распределение обязанностей в мурманской «лодке» строилось следующим образом. Коршик выбирал место лова, выкидывал тресковую снасть («ярус») в море, подцеплял рыбу «ляпом» (крюком на деревянной ручке), «пластал» рыбу и вынимал из нее внутренности; «тяглец» поднимал якорь и вытягивал ярус из воды, сматывал снасть в тюки, отрубал рыбье голову; «гребец» греб, ставил и убирал парус, рассекал тресковые головы и относил разделанную рыбу в становища; «наживочник» чистил шняку (судно) перед выходом в море, надевал на крючки наживку, после снятия рыбы с крючков надевал их снова на ярус, отделял печень от внутренностей.⁶⁸ Коршик, естественно, считался главным в мурманской артели во время промысла и на берегу.

Мурманские артели одного селения образовывали во время промысла своеобразную «производственную общину», состоящую исключительно из мужчин, оторванную от обыденной, семейной и сельской жизни на долгое время — с весны до осени. Жизнь и промысловый быт такой общины характеризовались специфическими чертами внутреннего самоуправления, регулирующего права и обязанности ее членов и каждой «лодочной» артели в частности. Здесь складывались веками свои традиции, обычаи и обряды, переплетавшиеся с обычными, сельскими традиционными обычаями и обрядами, принятыми в данной общине и являющимися общерусскими: календарные праздники и артельные обычаи, соблюдение определенных норм общинного права, отношения с членами другой общины, также промысловыми в этом или в соседнем становище, и т. п. Известно, что на Поморском берегу, откуда на мурманский промысел уходило почти поголовно все мужское население, и на Зимнем берегу во время зверобойного лова женщины, оставшиеся в общине на берегу, нередко выполняли функции административного порядка — сельских старост, десятских и т. д., надевая «служебные знаки».⁶⁹

Совершенно особо следует остановиться на артельной организации в морском зверобойном промысле, довольно существенно отличавшейся от рыбного.

Наиболее развитая система артельных форм и различного рода артельных объединений сложилась на зверобойном промысле в открытом море — беломорском тюленем и океанском моржом. Беломорским тюленьим промыслом, видимо, издавна занимались жители Терского, Карельского, Летнего берегов и, по некоторым, весьма отрывочным свидетельствам, даже жители нижнедвинских волостей (имеются данные о лове морского зверя в нижнем течении Сев. Двины). Уже в XVII в. сложились основные формы лодочных артелей для лова или боя зверя в открытом море; во всяком случае до нас дошли названия членов артели

⁶⁸ Там же, № 880, л. 3, 36, 37 (Поморский берег).

⁶⁹ Энгельгардт А. Русский Север. СПб., 1897, с. 210.

для тюленьего промысла: «юровщик», «загребщик», рядовые «лямовщики» и т. п.⁷⁰ Число необходимых участников для зверобойного промысла в разных районах Белого моря, у разных берегов и на различного зверя (тюленя, белуху) должно было быть неодинаковым; совершенно очевидно, что для лова у берега, вблизи селения, не требовалось много людей. Материалы начала XX в. говорят о том, что на Зимнем берегу весной существовал даже семейный лов зверя, хотя он и не имел значения настоящего промысла, промысловой путины. «Торосовый» промысел на Терском берегу осуществлялся силами одиночных артелей («лодок»), состоявших иногда из 2—3 человек; никаких крупных артельных объединений на торосовом промысле не зафиксировано ни в XIX, ни в начале XX в. Видимо, более или менее значительные объединения отдельных лодочных артелей практиковались на белушьем промысле жителей Летнего берега. «Лодка» на белушьем промысле насчитывала от 6 до 8 человек и носила название «ромши»; объединения нескольких лодочных ромш носили название «большой ромши».

Более высокая степень развития форм артелей и артельных объединений наблюдалась уже в XVII—XVIII вв. на моржовом промысле у Шпицбергена и Новой Земли, в котором участвовали жители многих северных районов и заселенных к тому времени поморских берегов. Во второй половине XIX—начале XX в. расцветает артельная организация в тюленьем промысле, производившемся населением Зимнего берега и жителями мезенских сел в горле Белого моря и в Баренцевом море. Зимнебережцы явно использовали вековой опыт артельной организации, выработанный на моржовых, в основном новоземельских промыслах, главные принципы которой дошли до нас в виде «Морского устава новоземельских промышленников».⁷¹

Самая большая новоземельская моржовая артель могла состоять из 20 человек. Во главе артели стоял хозяин судна, если он сам участвовал в промысле, занимая должность кормщика. Если хозяин не шел на промысел, он назначал кормщика своим заместителем (в беломорской артели второй половины XIX в., промыслившей тюленя, заместитель хозяина — владельца судна, исполнявший обязанности кормщика, тоже назывался «хозяином»). Кормщик либо получал бесплатное продовольствие (как в XVII в.), так называемую «ужпу», либо покупал ее за свой счет и тогда назывался «уженщиком». Ни хозяин, ни кормщик непосредственного участия в бое зверя не принимали, они только

⁷⁰ Ефименко А. Я. Артели Архангельской губ. — Сб. матер. об артелях в России, вып. 2, с. 23.

⁷¹ Полный текст «Морского устава» был напечатан в «Архангельских губернских ведомостях» (1846, № 41—42), а также в виде приложений к работам «Артели Архангельской губ.» А. Я. Ефименко и «Сборник народных обычаев» П. С. Ефименко.

управляли судном, как во время плавания в открытом море, так и во время промысла.

Кормщику принадлежала главная распорядительная власть на судне. Непослушных он мог подвергать телесным наказаниям, если остальные члены артели были с ним согласны. Если большинство артельщиков отказывало в повиновении кормщику, то он заявлял об этом открыто в присутствии артелей с других судов или на становищах, а по возвращении домой мог предъявить иск хозяину против ослушников. Второй по старшинству в артели — «полукормщик», третий — «полууженщик». «Полукормщик» сам покупал себе либо полную ужну, и тогда он был уженщик, либо половину ужны, и тогда он — полууженщик. Полукормщик и полууженщик исполняли обязанности «носошников» — били зверя «носками» (гарпунами) или кололи «спицей» (род пики). Следующая группа промышленников — «забобчешники»; они подавали «носки» носошникам, управляли ремнями, к которым привязывались гарпуны; притягивали их, когда зверь поднимался кверху, и отпускали, когда зверь погружался. Забобчешники, видимо, были покрутчиками, в лучшем случае полууженщиками. И последняя группа промышленников — гребцы — были покрутчиками. Помимо гребли, они вытаскивали зверя на льдины и обрабатывали его.

Много места уделяет «Морской устав» правилам организации промысла «котляной» — объединением, составленным из нескольких участвующих в моржовом промысле лодочных артелей. Изучение этого примечательного явления в промысловой жизни поморов XVIII в. требует привлечения дополнительных источников. Поскольку подробное исследование этой проблемы не входит в нашу задачу, мы остановимся лишь на основных моментах.

Судя по «Уставу», существовало несколько видов котляны: «обычная», «плотная» и «смашная» котляна. Общим между обычной и плотной котлянами было то, что их образованию предшествовал предварительный договор на берегу, перед отправлением на Новую Землю: ехать в одно становище, выезжать на промысел в море всем вместе или в разные стороны, уравнивать число людей на судах («с людных карбасов удалить на нелюдные»). Разница между обычной и плотной котлянами состояла в длительности их совместного промысла. Обычная котляна образовывалась не на все время промысла; некоторые суда могли по прошествии какого-то времени промыслить здесь же, но отдельно. Добычу в обычной котляне делили после каждого выхода на берег. Плотная котляна образовывалась на все время промысла, добычу делили по возвращении домой. Поэтому плотная котляна могла образоваться только с согласия хозяина и кормщика каждого судна (кормщик не мог решать без хозяина, а хозяин не мог принуждать кормщика вступить в котляну). «Смашная» котляна возникала, когда «многие карбасы съедутся к одному лежбищу («наледнице») без договору». Суда подавали друг другу знаки,

но если одно из них не отвечало на условный знак, выражающий предложение «сделать котляну», то другие суда не могли принудить его к этому. Повоземельский устав явился результатом длительного промыслового опыта поморов на островах Ледовитого океана в предшествующие века. Одновременно складывались и нормы обычного права в производственном коллективе, традиции которого, распространявшиеся и на другие сферы промысловой деятельности, становились общими для поморов всего побережья.

В XIX—начале XX в. на тюленьем прибрежном промысле, производившемся жителями юго-западных селений Зимнего берега, элементарной промысловой единицей являлась «лодка», в которой находилось четыре человека (хотя бывали исключения: 2—3, а иногда и 5 человек); на промысле в открытом море и островах (Моржовце) в зимнем лове промышляла «лодка», в которой находилось 7 человек (иногда до 9 человек). На весеннем промысле во всех местах, где он производился (на Кедах, о. Моржовце, на «устьинской» путине и Копушине), промысловой единицей считалась «лодка», состоявшая из 7 человек (очень редко из 8—9 человек).

Особенности зверобойного промысла требовали очень четкой и слаженной работы маленького лодочного коллектива, для чего, по выражению койденских жителей, искали себе товарищей «друг по дружке» или «свой по-своему» (необязательно родственников). Объединялись по наличию промысловых орудий. Узнавали друг друга во время промыслов, присматривались, на следующий лов приглашали объединиться. При удачной охоте сохраняли свое объединение до следующей путины (до весеннего лова на Кедах или Моржовце). По воспоминаниям стариков, такие объединения часто состояли из соседей, но могли объединяться и люди из разных сел. Если ранее и существовали какие-то родственные или соседские мотивы для организации артели на промысел, то к середине XIX в. налицо картина полнейшего пренебрежения к ним. Имущественное положение в сочетании с личными достоинствами опытного и умелого человека являлись основными стимулами для организации артели. Мы говорим, разумеется, о форме кооперации, связанной с системой покрута. Нам не удалось зафиксировать ни одного чисто родственного объединения жителей Зимнего берега ни на одной зверобойной промысловой путине в открытом море — ни на зимней, ни на весенней.

По распределению обязанностей в артели из четырех-пяти человек можно получить представление о сложившемся производственном распределении ролей на зимнем, прибрежном лове. На основании имеющихся материалов можно утверждать, что на «стрельни» тюленя ходили «в складчину». Правда, иногда участники вносили не совсем равную долю в снаряжение лодки для промысла; имевшееся у зверобоя орудие промысла часто опреде-

ляло и его роль в промысле. Обычно тот, кто имел лодку для стрельбы, имел и орудия лова, но давал только лодку, а объединившиеся с ним приходили со своими ружьями, кутилами, баграми и т. п. «Хозяином» считался тот, кто дал лодку; стрелками были владельцы ружей; бой и обработка пойманного зверя производились одними и теми же лицами. Выбор места и времени определялся сообща всеми четырьмя промышленниками. Состав такой лодочной артели часто был непостоянным, а связь между людьми существовала на один промысел.

Особенно заметна зависимость «должностного» положения зверобоя от его имущественного и экономического состояния в лодочной артели в семь человек на весеннем промысле в открытом море.

В каждой лодке был «старший», который ходил в ней «за хозяином» и, как уже говорилось, обычно назывался «хозяином», как настоящий владелец лодки, даже если последний принимал участие в промысле (например, в другой лодке). Попробуем представить себе эволюцию отношений между хозяином-владельцем и хозяином-старшим, оставившую некоторое воспоминание до сегодняшнего времени.

В конце XIX в. сами на промысел ходили только мелкие хозяева, в таком случае хозяин лодки был старшим и кормщиком. Крупные промышленники ходили только на устьинский промысел, а на остальные посылали вместо себя «хозяина».⁷² В первой половине XIX в. «хозяином» обычно был родственник владельца лодки. Так как он мог и не быть опытным кормщиком, то и не был старшим, а в кормщики и в старшего подбирали опытного и бывалого промышленника. Недоразумения, которые возникали при таком двучачии (кормщик в таком случае являлся фактическим руководителем промысла, «хозяин» же пользовался своими правами только в непромысловые моменты), а также экономическая невыгодность для хозяина лодки, который ничего не получал из ная своего родственника, привели к тому, что хозяином стал назначаться обычно опытный кормщик, он же и старшим в лодке. Хозяин всегда ходил на «своей ушке». Он выбирал место и время промысла; пока лодка шла на веслах, он правил рулем. Когда лодку волочили по льду, он шел впереди, но не всегда принимал участие в тяге — ему нужно было следить за направлением пути. Хозяин шел со стрелками к лежбищу зверей и был главным бойцом.

Двое «баковых» («подскульчиков»), сидящих на веслах на первой «нашести» (скамье), являлись резервными стрелками и помогали хозяину бить зверя, если его было очень много. Они также снимали шкуры — «пластали» зверя. Средняя нашеств большей частью была занята собиранием и связыванием убитого

⁷² Если один хозяин отпускал несколько лодок, то в одной старшим был он, а в других находились «хозяева».

зверя, иногда помогала хозяину и подскульщикам добывать зверей и разделявать их. Задняя нашесть (обычно это были подростки или повички) таскала связанного ремнями зверя к лодке или «на гору». У сильного хозяина лодочная артель держалась вместе во время промысла, помогая друг другу. Это было особенно необходимо на о. Моржовце, где промышляли без лодок, просто группами в семь человек, которые, однако, тоже назывались «лодками». Таким образом, термин «лодка» употреблялся для обозначения определенной формы артели. У слабого хозяина «лодка» во время промысла разбредалась, и каждый был зверя в одиночку или по двое. На о. Моржовце, как и на других новых местах лова, часто нарушался внутренний распорядок в лодке во время промысла: зверя был тот, кому сподручнее, также выполнялись и другие операции — обработка, связывание и выволочка зверя, так как у каждого промышленника имелись багор, нож, лямки. Непременной оставалась роль хозяина (старшего): он выбирал место промысла и стрелял зверя. Хозяин давал указания о времени окончания промысла и возвращения домой — на берег или в свое село (деревню).

Объединение двух-трех «лодок», как правило, практиковалось как для производства совместного лова, так и для выволочки убитого зверя. Если лежбище было большое и зверя бывало набито достаточно, то основной задачей лодочной артели являлась доставка убитого зверя на берег. Это было чрезвычайно трудным делом. В то же время заработок зависел от количества выволоченных шкур, особенно с 70-х годов, когда оплачиваться стал выволоченный, а не убитый зверь. О совместной выволочке зверя на зимнем моржовецком и кедовском путях договаривались заранее: еще в селе одна лодка брала другую «в товарищи». Обе артели старались работать ближе друг к другу, о чем их кормщики также сговаривались заранее. «Лодки» кончали работу по лову и обработке зверя одновременно; если какая-либо из артелей задерживалась с обработкой, ей помогала вторая. Вся добыча обеих артелей делилась поровну для выволочки (независимо от того, какая сколько добыла), и начиналась тяга «на гору». Кормщики-старшие шли впереди, за ними баковые, подскульщики, затем средняя и задняя нашесть. Изредка передних сменяли, так как идти по непротопанной дороге было очень трудно, и люди выбивались из сил, особенно если дорога была длинная, а добыча большая. Таким образом, объединение двух «лодок» образовывало «выволочную» артель.

Объединения из трех лодок возникали в подобных же случаях, но чрезвычайно редко — если добыча была так велика, что две лодки не справлялись с выволочкой. В конце XIX — начале XX в. такие объединения документально не зафиксированы.

Иногда двое владельцев лодок заключали между собой словесный договор о совместном промысле и разделе добычи (на кедовской и моржовецкой путях) не только с целью взаимо-

помощи на промысле, но и для того, чтобы застраховаться от неудачи — получить хоть какую-нибудь добычу.

Артель, рассчитанная на более или менее продолжительное существование, являлась союзом, каждый член которого был обязан соблюдать определенные условия по отношению к членам своей и чужой артели. Условия были освящены традицией, известны всем и редко повторялись при заключении договора о вступлении в артель. В общих чертах устав организации беломорских артелей, промышлявших тюленя, можно реконструировать следующим образом.

1. Все промышленники одного судна составляют артель.

2. Хозяин судна или его заместитель («хозяин») является главой артели.

3. Обеспечение артели продовольствием, орудиями, снарядами и всякого рода запасами для промысла лежит на всех членах артели или на хозяине судна, а наблюдение за порядком в артели осуществляет глава артели.

4. В состав артели входят по добровольному соглашению с хозяином судна или с его заместителем («хозяином»).

5. Судохозяева не должны мешать друг другу и обманывать один другого, а должны оказывать по мере возможности взаимную помощь.

6. Взаимные претензии артельщиков и главы артели разбираются «словесным» судом.

Поскольку артель была заинтересована в успехе промысла, она обязывала членов быть ответственными за свои поступки.

Таким образом, на основе обычного права организовывались различные межартельные объединения «лодок» для зверобойного промысла: 1) для боя зверя, 2) для выволочки зверя, 3) гарантийные. На мурманском тресковом лове образовывались большие межартельные объединения для лова наживочной рыбы на треску, напоминавшие выволочные зверобойные артели.

Нарушения договора были чрезвычайно редки: если подобное объединение в чем-либо не устраивало участников, оно распадалось по окончании лова.

В конце XIX в. промышленники Зимнего берега посылали по несколько лодок на каждый промысел — зимний, весенний, устьинский (от 2 до 11). Как правило, они не ходили ни с одной лодкой — в каждой был «хозяин». Все они оповещались владельцем лодок о начале и месте промысла.

Судовладельцы из Койды, а также из других сел и деревень, принимающих участие в устьинском промысле, составляли из лодок особую «партию» на время устьинского пути. В конце марта каждого года они избирали из своей среды промыслового старосту на устьинский путь от своей партии лодок. Это была форма объединения хозяев. Промысловые старосты койдинской партии составляли большинство промысловых старост от всех участвующих в промысле партий и диктовали на съезде старост в г. Ме-

зепи свои условия (собрание решало вопросы о времени промысла, о порядке его проведения и о доле добычи). Затем старосты отъезжали в свои селения и объявляли решение собрания.

Наиболее крупным объединением лодочных артелей и вместе с тем наиболее крупной и сложной артельной формой не только на беломорском тюленьем промысле на Зимнем берегу, но и вообще в Поморье, была «бурса». В отличие от других артельных форм возникновения бурсы было связано не с техническими условиями промысла, а с необходимостью регулировать взаимоотношения между лодочными артелями, промысляющими в одном, сравнительно ограниченном районе (участок моря между рр. Кулоем и Мезенью).

Во главе бурсы стоял юровщик.⁷³ Юровщиком мог быть один из промысловых старост, состоятельный промышленник, хозяин лодки (или лодок), хозяин покрута. Покрутчик не мог быть юровщиком, в крайнем случае им становился уженщик, особенно из тех, кто ходил «за хозяина». Юровщик должен был «хорошо понимать море», особенности движения льдов, направление ветров, излюбленные места лежбищ тюленя. Когда хозяева лодок предлагали своего юровщика, то каждый кандидат должен был рассказать, куда, по его мнению, надо отправиться бурсе, чтобы получить большую добычу, ведь от него наполовину зависел успех промысла. Привлекший своим предложением большинство промышленников становился руководителем, но это скорее относилось к новой кандидатуре, обычно же доверяли признанным авторитетам.

Артельные объединения на длительных морских промыслах представляли собой своеобразные промысловые общины, состоявшие только из мужчин. Структура этих артельных объединений, взаимоотношения между членами одной артели («лодки»), мелкими объединениями (2—3 «лодки») и, наконец, участниками всего объединения в целом — сложный комплекс сочетания норм обычного права общины на берегу и далеко не всегда согласованных с ними традиций общины на промысле. Однако именно последние составляли характерную особенность поморской общины в целом.

⁷³ «Юро, юрово — косяк, стадо тюленей или рыбы. Юро тюленей — до 7 штук: более этого промышленник не может тащить по льду» (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV. СПб. — М., 1912, стб. 1549—1550). Может быть, отсюда и 7 человек в «лодке».



В заключение хотелось бы остановиться на вопросе о правомочности и принципах выделения поморов в особую группу севернорусского населения и коснуться некоторых связанных с этим вопросом историко-этнографических проблем более широкого характера. При этом, учитывая важность и неразработанность темы, мы позволим себе использовать для выводов и предположений не только материал настоящей книги, но и данные источников, исследованию которых посвящены другие опубликованные или подготовленные к печати работы.

Распространенное в среде историков, этнографов и фольклористов мнение о том, что главным доказательством внутреннего единства поморов служит их почти исключительно новгородское происхождение, нельзя считать основательным.

Во-первых, по ряду прямых и косвенных данных можно предположить, что главную роль в первичном проникновении славян (русских) на Север Европы, вплоть до побережий северных морей, в XI в. играла особая, независимая севернорусская область, центром которой была Ладога и в составе населения которой наряду с преобладающим славянским присутствовали скандинавский, финский и, возможно, балтийский элементы. После включения в состав Новгородской земли Ладога вместе с примыкающей к ней областью по-прежнему принимала оживленное участие в процессе освоения русскими Беломорья.

Во-вторых, в более позднее время (XII—начало XIV в.) заселение таяжной зоны Севера Европы ведется как из Новгородской земли — преимущественно славяно-русским населением, так и из Волго-Окского междуречья и Белозерья, заселенных в то время не только славянами (русскими), но и славянизирующимся финно-угорским населением (потомками меря и веси), а также группами смешанного происхождения. При этом роль верхневолжского колонизационного потока в процессе складывания массива земледельческого русского населения в бассейне верхней, средней и частично нижней Сев. Двины представляется весьма значительной и до сих пор недооцененной исследователями. Правда, непосредственно на побережье Белого моря ладо-

жане и новгородцы выходят первыми, видимо в XI—XII вв., однако уже с XIII в. на нижнюю Двину и в некоторые местности Поморья (Терский берег) направляются ватаги от московских князей, пользовавшихся поддержкой русского населения устья и нижнего течения Сев. Двины. В XIV в. освоенные русским населением земли Подвинья становятся объектом массовых захватов со стороны новгородского боярства, но уже с конца этого века московские князья, опираясь на симпатии местного подвинского населения, ведут и здесь ожесточенную борьбу с Новгородом, которая после 1478 г. ускорила присоединение северных земель к централизованному русскому государству.

В-третьих, отчетливые свидетельства о существовании постоянного населения на Беломорье, промышлявшего в море и именовавшегося «поморами», относятся к XVI в., когда Новгород утратил свое бывшее значение и общее «новгородское» происхождение не могло служить серьезной основой для возникновения новой обособленной группы населения, включавшей лишь часть потомков новгородцев и занимавшей небольшой участок территории древней Новгородчины. Кроме того, вероятно, именно прекращение новгородско-московских междоусобиц в Подвинье и Беломорье в конце XV в., победа Москвы и складывание общерусского рынка послужили политико-экономической причиной расцвета специфического поморского хозяйства (промыслов и торговли) начиная с XVI в.

В-четвертых, само наименование «поморы» ранее всего зафиксировано как общее обозначение населения побережья Канда-лакшской губы, занимавшегося западномурманским тресковым промыслом и состоявшего как из пришлого (русских, вероятно новгородского происхождения, и карел), так и местного (саамы) населения. Позднее в мурманских промыслах (на восточном побережье) ведущая роль переходит к жителям Поморского берега (на которых и переносится название «поморы»), вероятным потомкам новгородцев, и к населению нижнедвинских волостей («двинянам»), в среде которых наряду с новгородцами известную часть составляли потомки верхневолжской ветви русских, при своем движении на Север сильнее, чем новгородцы, включавшие в свой состав различные группы неславянского, преимущественно финно-угорского и чудского, происхождения.

Население других, заселенных позднее берегов, в том числе и то, которое также именovalo себя «поморами», формировалось как из выходцев с ранее освоенных русскими беломорских районов, так и из переселенцев из разных областей Русского Севера (и даже центральной полосы), в том числе и неславянского происхождения — карел.

Таким образом, наряду с давно установленным фактом преобладания славянского (русского) компонента в формировании русского населения и культуры Севера и поморов, хотелось бы отметить важную роль, которую сыграло в этих процессах вклю-

чение в состав и культуру севернорусского населения в целом и поморского в частности местных иноязычных жителей, их производственных навыков и элементов культурных традиций. Также хотелось бы подчеркнуть, что до и после сложения поморов как особой группы русского населения имела место определенная тенденция к «мирному сосуществованию» доминирующего русского населения с иноязычными соседями (племенами «чуди заволочской», карелами, саамами, ненцами, норвежцами) — тенденция, обусловившая широкий обмен производственными навыками, хозяйственное сотрудничество и кооперацию, культурное взаимовлияние.

На этой широкой основе и происходит в XIV—начале XVIII в. формирование поморов. Возникновению этой группы способствовал спрос на различные «дары моря», существовавший в высших, а позднее и в широких слоях русского земледельческого населения. Особенности поморской группы на раннем этапе обуславливались в первую очередь географическим фактором, т. е. необходимостью приспособиться к условиям жизни в необычной для русского населения природной зоне — на морском побережье, где тайга выходила к северным морям, в условиях Приполярья и Заполярья. Группы промыслового населения вначале обосновывались на постоянное жительство в устьях рек и заливах (Двинская губа, Кандалакшский залив и т. д.), позднее осваивали открытые берега Беломорья, и в конечном итоге частично выходили даже на побережье Баренцева моря, составляя непрерывную полосу заселения морского побережья протяженностью свыше 1500 км.

Названные выше факторы и обусловили складывание совершенно особой системы хозяйства, ориентированной в первую очередь на морские рыболовно-зверобойные промыслы. Формированию этой системы в экстремальных условиях Заполярья в какой-то мере способствовало то обстоятельство, что значительная часть северного населения таежной зоны в XII—XV вв. была занята не земледелием, а различного рода промыслами либо сочетала подвижные формы земледелия (подсеку) с промыслами и охотой. Но только на морском побережье жители свели до минимума роль земледелия, создав морскую промысловую систему хозяйства, характеризующуюся рядом общих признаков на всех поморских берегах.

В процессе формирования поморского населения возникло и развивалось такое сложное и внутренне противоречивое явление, как самосознание поморов. С самого начала следует оговорить, что у жителей всех поморских берегов не сложилось осознания своего единства и противопоставления этого единства остальной массе севернорусского населения. Равным образом далеко не все жители Поморья (вопреки существующему в художественной и научно-популярной литературе мнению) именовали себя поморами. Однако в их сознании существовал некий эталон настоя-

щего помора, в качестве носителей которого в разное время выступали жители разных берегов. В XVI в. «поморами» именовались промышленники Кандалакшского, части Карельского и Терского берегов, занимавшиеся западномурманским («океанским») промыслом и впоследствии утратившие это наименование. С конца XVII в. и до XX в. название «поморы» в узком смысле слова переносится на жителей Поморского и прилегающей к нему части Карельского берегов, сосредоточивших в этот период в своих руках восточномурманский промысел; их называло поморами население всех остальных берегов. В свою очередь жители Поморского и части Карельского берегов считали поморами только себя, отказывая в этом названии даже зимнеберезжцам (такие именовавшим себя «поморами») вплоть до советского времени.

Соседнее земледельческое русское население было склонно трактовать термин «поморы» более широко, применяя его для обозначения всех жителей беломорского побережья. Русская интеллигенция, познакомившись с поморами во второй половине XVIII—начале XIX в. (в том числе и благодаря М. В. Ломоносову), употребляла название «поморы» в весьма расплывчатом и неопределенном значении: жители морского побережья, русские жители Севера и т. п.

Не объединенное сознанием своего единства, население отдельных поморских берегов имело одну общую черту — понятие своей «особости», вызывавшее известное чувство превосходства по отношению к непосредственно соседствующему с каждой группой «поморов» земледельческому русскому и нерусскому населению. Поморы, особенно жившие по Поморскому берегу, называли своих соседей-земледельцев «деревенскими», «крестьянами». Брачные связи с ними практически отсутствовали.

Развитию поморского самосознания сопутствовал складывающийся исподволь психический тип помора. Крайне тяжелые для жизни условия приполярного Севера — суровый климат, необходимость приспособления к новой системе хозяйства и природной среде, длительные разлуки мужской и женской части населения, вызванные сезонными промыслами, зимовки на островах Ледовитого океана в течение многомесячной полярной ночи, смена периодов интенсивной деятельности и длительного вынужденного бездействия в ожидании рыбы или зверя — все это приводило к жесткому отбору среди поморского населения. Сюда приходили на поселение люди определенного склада, среди которых выживали, приспособлялись и оставляли потомство далеко не все. В результате в конце XVIII—XIX в. и сложился тот тип отважного промышленника, мореплавателя, первооткрывателя, гордого и свободного духом помора, поражавшего своими качествами каждого, кто с ним сталкивался.

В связи с отмеченными выше особенностями группы поморов необходимо остановиться на одном частном вопросе. В некоторых обобщающих научных трудах (С. А. Токарев) в группу помор-

ского происхождения включаются не только жители беломорского побережья, но и приморских низовий р. Печоры (пустозёры) и даже средней Печоры (усть-цилёмы). Мы допускаем, что в сложении пустозёров могли сыграть роль факторы, подобные тем, которые мы выделили как важные для формирования поморов; однако мы не склонны считать пустозёров неким подразделением поморов. Пустозёры складывались на значительном территориальном удалении от области непрерывного поморского заселения; контакты между теми и другими ограничивались временными совместными промыслами (на Новой Земле) или просто встречами на них. Поморы жили в зоне выхода тайги и лесотундры к морю, в основном на подзолистых почвах; пустозёры находились в глубине тундры, в зоне вечной мерзлоты. И последнее. Поморы издавна включились в общерусское хозяйство, развивая торговые связи Русского государства с иностранцами, играя видную роль в культуре и науке. Пустозёры же жили на отшибе, достаточно замкнуто и обособленно. В среде усть-цилёмов и пустозёров не бытовал термин «поморы», и их так не называло соседнее население. Поэтому полагаем, что было бы правильнее объединять обе группы в единый культурно-хозяйственный тип русского населения Севера.

Особый хозяйственный уклад жизни поморов способствовал созданию поморского календаря, наложил отпечаток на отдельные стороны их социального быта, материальной культуры, в меньшей степени отразился на духовной культуре и искусстве. Нам бы хотелось остановиться на некоторых моментах их социально-производственной жизни, быта и культуры, которые, также являясь общерусскими (уже — севернорусскими) по своей природе, выражены у поморов особенно или достаточно ярко.

В области социально-производственной жизни необходимо в первую очередь подчеркнуть доминирование в поморской среде «большой семьи», представлявшей основную, исходную хозяйственную — производительную и потребительскую — ячейку сельской общины. Мужчины одной «большой семьи» составляли, как правило, ядро рыболовно-зверобойной артели («лодки») — элементарной единицы чрезвычайно развитой в Поморье артельной организации в крупных морских и речных промыслах. Повсеместно распространенная в России артель приняла в Поморье особые формы, послужила основой для создания крупных артельных и межартельных объединений, не имеющих себе равных на Севере и в центральных районах России по размерам и организованности. Также именно у поморского населения получили сильное распространение древние по происхождению вольно-захватные и общинно-захватные способы пользования морскими, речными и земельными угодьями, игравшие значительную роль во внутриаобщинных и межобщинных отношениях.

Нельзя не отметить и ту особую роль, которую сыграло поморское население наряду с жителями некоторых других райо-

пов Русского Севера в сохранении и развитии некоторых форм и образов древнего общерусского фольклора, в первую очередь былинного эпоса. Известно, что былинная традиция лучше всего сохранилась в среде неземледельческого, промыслового населения Русского Севера (Заонежье, Печора, Мезень, Поморье), а Поморье представляло собой «концентрированную» промысловую область, поэтому практически на всех поморских берегах (кроме пока Онежского и Кандалакшского) зафиксировано бытование былинного эпоса. Думается, что ряд особенностей севернорусских былин (объединение разных сюжетов в один цикл, длинноты, повторы и т. п.) обязан своим существованием и разработкой поморской промысловой среде.

Наконец необходимо отметить, что одним из главных (а в отдельные периоды и главнейших) центров старообрядчества на Русском Севере было «Поморское согласие», находившееся на Выгозере вблизи селений Поморского берега и опиравшееся на поддержку подавляющей части всего населения Поморья. Со своей стороны, прибегая к старообрядчеству, поморы выражали в этой приверженности оппозицию по отношению к официальной церкви и государству, их вмешательству в свободную и независимую в духовном отношении жизнь поморского населения. Кроме того, устав старообрядчества импонировал традициям патриархальной «большой семьи» и в то же время удовлетворял их потребность в грамотности.

Перечислив наиболее ярко выраженные черты поморской жизни, быта и культуры, считаем необходимым высказать некоторые, на наш взгляд, важные соображения. Большую семью, захватные способы владения и пользования, былинный эпос принято рассматривать как древние пережитки, занесенные на Север русскими первопоселенцами и сохранившиеся в почти неизменном виде чуть ли не от домонгольского времени. Работами советских историков и археологов доказано, что уже в IX—XIII вв. на Руси — от Ладоги до Переяславля Южного — одной из основных, если не основной производственно-потребительской единицей в крестьянском хозяйстве была «малая семья» наряду с безусловно существовавшей крестьянской же «большой семьей» (родственные ей формы встречались и в других слоях русского общества). Абсолютное преобладание «большой семьи» в Поморье еще в начале XX в. наводит на мысль о том, что здесь эта форма семьи являлась максимально удобной и выгодной. Те же причины могли оказать подобное действие на особенности производственно-общинных отношений и на пути развития былинного эпоса. Разумеется, в основе всех этих явлений лежали древние формы, однако они видоизменялись, переживая период и ового расцвета в иных условиях, сочетаясь при взаимном влиянии с другими сторонами хозяйственной деятельности и духовной культуры — такими, как артельная организация, самосознание, новые промысловые обряды и обычаи, морская терминология и т. п.

Большой вклад, внесенный поморами в развитие специфических форм производственной, общественной и культурной жизни Русского Севера, их роль в развитии отечественного мореплавания наряду с экономической ролью Поморья в экономике Русского государства привели к тому, что начиная с конца XVII и вплоть до начала XX в. «Поморье» в устах жителей центральных и южных губерний России обозначало всю территорию Русского Севера. Это обстоятельство говорит о том, что сознательно или бессознательно Поморье считалось средоточием и олицетворением северной России.

Все вышесказанное, как нам кажется, убеждает в правомочности выделения поморов в особую группу севернорусского населения, в обособлении которой сыграли роль природные и хозяйственные факторы, определившие в дальнейшем образование ряда специфических черт в производственно-социальной организации и традиционной культуре, являющихся признаками всей поморской группы.

До публикации и анализа всех находящихся в наших руках материалов по различным сторонам жизни, быта, материальной и духовной культуре поморов мы намеренно воздерживаемся от определения места поморской группы в системе классификации этнических общностей, успешно разрабатывающейся в настоящее время советскими этнографами.

Тем не менее следует отметить, что отсутствие единого и общего для поморов всех берегов самосознания не позволяет считать их типичным примером «малой этнической общности» русского населения, для которой, по Ю. В. Бромлею, наличие самосознания является основным признаком. Отличия же поморской материальной и духовной культуры от севернорусской в целом не столь велики (и связаны преимущественно с явлениями, обусловленными специфическим «морским» хозяйством), чтобы выделить поморов в отдельную этнографическую группу. Не исключено, что в результате полного этнографического обследования поморов и сравнения их с севернорусским населением потребуются некоторое усложнение или дифференциация существующих градаций этнических общностей, по крайней мере применительно к восточнославянскому миру.

Можно также быть уверенным, что дальнейшее изучение поморов и исследование процесса их трансформации в советское колхозное крестьянство Беломорья приведет к интереснейшим результатам, важным для понимания некоторых сторон отечественной истории в целом.



УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абрамов мыс 38
 Авары 18
 Альдейгьюборг 22, 24
 Америка 116
 Англичане 114, 115
 Андриянов стан 68
 Арабы 23
 Арзуга 43
 Архангельск 34, 54, 73—74, 76, 86, 92, 109, 112—115
 Архангельская округа 68
 Архангельский у. 68, 79, 111
 Балтийское море 22, 39
 Балто-волжский путь 13—14, 16, 19
 Балты 23, 30, 55, 68
 Баренцево море 5, 36, 39, 95, 109, 157, 166
 Белая р. 10
 Белое море 4, 8, 10—11, 17—19, 24, 33, 36—40, 42—44, 53, 55, 56—57, 62, 74, 78—79, 109, 133, 136, 157
 Белозерцы 46
 Белозерье 164
 Беломорье 9, 33, 53, 76, 80
 Беломорское побережье 31, 61, 72, 78
 Белорусы 89
 Биармийцы 17
 Биармия 16, 17, 24
 Большая Козла, с. 53, 85
 Ботнический залив 56
 Бьярмаланд, обл. (Кольский п-ов или Сев. Двина) 24
 Вага, р. 26, 29, 34, 107
 Бажане 27, 30, 34, 46
 Важский у. 79, 119
 Вайгач остров 39, 66
 Вайда губа 114
 Ваймуга, р. 42
 Варангерский залив 61
 Вардё, г. 116
 Варзуга, вол. 45—46, 62—63, 68, 70, 86
 Варзуга, р. 7, 37
 Варзуга, с. 42—43, 57, 63, 82, 85, 86, 94, 103—104, 111, 130, 141, 154
 Варзужане 71
 Вараги 15, 21, 23, 32
 Вачевская вол. 111, 124, 125
 Великий Устюг 27, 33
 Весь, пл. 14—16, 29, 32, 69, 164
 Весьегонск 112
 Верхневолжский бассейн 20, 29
 Верхнее Поволжье 30
 Вирма, д. 48, 53, 70
 Водь, пл. 69
 Волга 10, 13, 15
 Волго-Окское междуречье 11, 15, 30, 68, 164
 Вологда 79
 Вологодская губ. 79, 112—113, 117, 121
 Волхов, р. 10, 15, 21, 22
 Воньга, р. 141
 Ворзогорцы 151
 Ворзогоры, вол. 72
 Борзогоры, с. 111, 124, 125
 Воронов мыс 36, 38, 52
 Восточная Европа 13, 17, 23, 35
 Восточная Лица 136
 Восточномурманский берег (Вост. Мурман) 73, 74, 91, 96, 102, 109, 111, 112, 122
 Вотская пятина 85
 Выг, р. 12, 43, 44
 Выгозеро 86, 143, 169
 Выгозерский погост 72
 Выгозерцы 48
 Выгостров, с. 59, 60, 63, 111
 Вычегда, р. 10, 16
 Вычегжане 27
 Вятчи 15, 18, 32
 Вятка, р. 113
 Вятская губ. 112, 113
 Гаврилово 136
 Голядь, пл. 14
 Гридина губа 50
 Гридино, с. 50, 59, 60, 74, 81, 93, 122, 127, 130, 136, 137
 Грумант 112
 Дания 53
 Датчане 68, 114
 Двинская земля 33, 34, 40, 42—43, 45, 85, 120
 Двинской залив 36, 37, 38, 166
 Двинской у. 52, 81
 Двиняне 27, 30, 34, 42, 45, 46—48, 50, 66, 70, 91, 165
 Долгощелье, с. 51, 52, 67, 82, 85—86
 Дураково, д. 44
 Европа 18
 Еконга, р. 62
 Емца, р. 16, 29, 42
 Емь (ямь), пл. 16, 23, 25
 Жижгин остров 36, 38
 Заволочье 16, 24, 27, 29, 69
 Заонежане 71
 Заонежские погосты 50, 57
 Заонежье 62, 69—70, 72—73, 85, 143, 169

- Заостровец 46
 Заостровская вол. 68
 Западная Европа 4, 116
 Западно-мурманский берег (Зап. Мурман) 73, 74, 78, 96, 114, 116
 Заполярье 10, 166
 Земля Франца-Иосифа 39
 Зимние Горы 36, 38, 39
 Зимний берег 38—39, 50—55, 57—58, 60—61, 66—69, 72, 74—75, 78, 82, 85—86, 88—89, 94, 102—103, 106—108, 110—115, 118—120, 123—131, 136—139, 142, 144, 147—148, 156—157, 162—163
 Зимняя Золотица, вол. 52, 72, 115, 131
 Зимняя Золотица, р. 50—51, 53, 82
 Зимняя Золотица, с. 11, 51, 68, 74—75, 85
 Золотец, р. 44
 Ивановка, с. 65
 Изжора, пл. 69
 Ильмень-озеро 15
 Ипцы, р. 53
 Инцы, д. 84
 Иокангский погост 65
 Исакогорская вол. 68
 Казаки 5
 Калгалакша, д. 50, 59, 60, 74, 85, 93, 94, 108, 127, 130, 136
 Кама, р. 10, 13
 Камепка, р. 45
 Каменная, р. 45
 Каменский погост 63
 Кандалакша, вол. 70
 Кандалакша, с. 48—50, 53, 57, 60—63, 71—73, 75, 85, 88, 93, 112—113, 115, 127, 130, 139, 142
 Кандалакшане 62, 70, 71, 72, 76
 Кандалакшский берег 17, 37, 48—49, 53, 57—58, 60—61, 63, 68—69, 74—76, 82, 85, 86, 88, 89, 98, 100, 102, 108, 110—114, 117, 118, 123, 125, 127—131, 135, 137, 139—140, 143—144, 147—148, 152—153, 167, 169
 Кандалакшский залив (губа) 36, 59, 63, 74, 76, 78, 86, 97, 155, 165, 166
 Каппи, п-ов 66, 67, 92, 136
 Каргополь, г. 11, 79, 113, 115
 Каргопольцы 46, 49, 69, 70
 Карелия 10, 55, 57, 60, 61, 79
 Карелы 44, 48, 50—51, 55—63, 69—70, 76, 89, 109, 113—114, 116, 119, 125, 128, 143, 165—166
 Карельский берег 37, 39, 44, 50, 53, 55, 57—64, 68—69, 74—76, 78, 82, 85, 88—89, 94, 97—98, 100—103, 108, 110—114, 117—131, 135—137, 139—142, 147—148, 152, 156, 167
 Карельский у. 56, 57
 Каспийское море 39
 Кашкаранцы, р. 45—46
 Кашкаранцы, д. 141
 Каянская земля 56, 58
 Каянские немцы 53
 Каянское море (Ботнический залив) 56
 Каянский рубеж 44
 Кайваны 56
 Каяпы 56
 Квены 56
 Кеврола 79
 Кеврольский у. 52
 Кеврольцы 66
 Кегор, становище 114, 115
 Кедовка, р. 51
 Кеды, мыс 159
 Кемляне 71, 151
 Кемский у. 111, 113, 119
 Кемь, вол. 44, 70
 Кемь, г. 38—39, 74—75, 84—85, 87, 88—89, 104, 111—113, 115—117, 122, 126—127, 130, 136, 147
 Кемь, острог 53—54, 57
 Кемь, р. 7, 37, 63, 79—80
 Кемь, у. 50, 57, 61—62
 Керетская межа 44
 Кереть, вол. 49—50, 58, 63, 70, 86, 111
 Кереть, р. 37
 Кереть, с. 7, 50, 53, 61, 72—73, 82, 113, 129—130, 139—140, 147
 Керечане 71
 Кестенга, 60
 Киев 21, 22, 23, 32
 Киевское княжество 27
 Кий-остров 47
 Кильдин, остров 39, 71
 Княжая губа (залив) 49—50, 139
 Княжая Губа, д. 59, 61, 82, 85—86
 Княжегубцы 71
 Ковда, вол. 63, 70, 86, 111, 129
 Ковда, р. 49
 Ковда, с. 50, 82, 88, 99, 113, 117, 130, 139, 144
 Ковдяне 70, 71
 Козла, р. 51
 Койда, вол. 125—126
 Койда, р. 52
 Койда, с. 52—53, 58, 66, 74—75, 127—128, 162
 Кокшары 35
 Кола, вол. 49, 70, 72—73
 Кола, г. 48, 50, 91, 109, 112, 115—116
 Кола, острог 34, 71
 Колвица, р. 49, 63
 Колвица, с. 60—61
 Колвицкое, оз. 61
 Колгуев, остров 39, 66

- Колежма, с. 48, 70, 75, 92, 111, 130, 136
 Колмогорцы 46
 Колмоград 79
 Кольская округа 68
 Кольский залив (губа) 70, 72
 Кольский п-ов 7, 10—12, 55, 62, 69—70, 72, 78, 126
 Коми-ижемцы 67, 69, 89, 126
 Конушин залив 93, 159
 Конушин мыс 36
 Корела. г. 57
 Корела, пл. 16, 63
 Корельская, д. 58
 Корельский погост (см. Арзуга) 43
 Корелянин 51, 57, 59, 70
 Красная Гора, д. 11, 44, 85—86, 130
 Кривичи 15
 Кубенское, оз. 16
 Кузема. р. 141
 Кузомень, вол. 118, 141
 Кузомень, р. 11
 Кузомень, с. 46, 89, 94, 113, 141, 154
 Кузонима (Кузомень), р. 45
 Кузрека, д. 85, 127, 130
 Кулой. р. 51, 66, 135, 163
 Кулуйский посад 81
 Курейская. вол. 52, 68
 Куростровец 46
 Кушрека, вол. 72
 Кушрека, д. 38, 81, 85, 111, 125, 136
 Куя, вол. 52, 70
 Куя, р. 51
 Куя, с. 51, 53, 82, 113
 Кянда, вол. 118
 Кянда, д. 45, 58
 Ладога (Ладожская земля), обл. 15, 20, 21—26, 29, 32, 80, 164, 169
 Ладожане 21, 25
 Ладоженни 51
 Ладожское, оз. 15—16, 18—19, 21, 23
 Лампожпя 67
 Лапландия 79
 Латыши 56, 89
 Лахта. р. 47
 Летние Горы 37
 Летний Берег 7, 25, 33, 37, 42—45, 55, 57, 60—61, 68—70, 74—76, 78, 81, 85, 88—89, 94, 102—103, 106—108, 110, 112—114, 118, 120—123, 125, 127, 129—131, 135, 137, 138, 140, 142—144, 147, 156—157
 Летняя Золотица, д. 44, 130
 Летняя Река, д. 50, 85, 93, 127, 130
 Лопские погосты 28, 57, 62, 85
 Лошненга, д. 44, 75, 86
 Лопь (лоплипе, лопари) 16—17, 44—46, 48, 55, 62—63, 65
 Лувеньга, р. 49
 Луда, посад 45, 81, 86, 120, 130
 Лумбовский погост 65
 Лямцы, д. 45, 47, 97, 130
 Майда, д. 52, 53, 67
 Майда, р. 51, 52
 Малая Козла, д. 53, 85
 Малонемножская вол. 52
 Малошуйка, с. 38, 81, 111, 127, 136, 146
 Матигоры, вол. 46
 Матигоры, с. 42
 Мегра, д. 51—53, 67, 85
 Мегра, р. 52
 Мезенская округа 68
 Мезенский залив 37, 66
 Мезенцы 66
 Мезень, г. 7, 36, 79, 85—88, 92, 117, 131, 157, 162—163
 Мезень, р. 12, 14, 24, 26, 29, 31, 51, 53—54, 66—67, 135, 157, 163, 169
 Меря 14, 15, 29—30, 32, 68, 164
 Мехренга, р. 29, 42
 Мещера, пл. 5
 Мордва 14—15, 29—30
 Моржова Гора, местн. 29
 Моржовец, остров («кошки») 36, 38, 159, 161
 Москва 20, 33—34, 42, 48, 72—73, 165
 Москвич 50
 Московская, губ. 113
 Мста, р. 10, 22
 Мудьюга, р. 51
 Мудьюга, с. 111, 130
 Мурман. берег («конец») 45, 63, 65, 71—76
 Мурмане (моурмане), урмане (моурема, маурема) 24, 79
 Мурманское море 72
 Мурома, пл. 15
 Муром. г. 10
 Нева, р. 16, 23, 31
 Нево, оз. 15
 Непокса, посад 11, 43—45, 70, 75, 81, 86, 120—123, 130
 Немцы 68, 114
 Ненцы 66—67, 69, 89, 109, 126
 Несь, р. 66
 Нива, р. 63
 Нижа, д. 53
 Нижа, р. 51
 Нижмозеро, д. 58, 85, 140
 Нименга, с. 81, 111, 122, 125, 127, 136, 146
 Новая Земля 39, 66, 93, 112, 151, 157—158, 168
 Новгород 10, 20—23, 25—26, 32—34, 62, 72, 80, 115
 Новгородская земля (Новгородчина) 20, 25—26, 28, 32—33, 43, 68, 164—165
 Новгородцы 3, 5, 23, 27, 29—30, 34, 58
 Норвегия 10, 12, 62, 71, 96, 109, 114—116, 121, 129—131

- Норвежцы 24, 65, 71, 109, 166
 Пюхча, вол. 48, 70
 Пюхча, р. 63, 84
 Пюхча, с. 36, 38, 81, 85, 89, 112, 127, 131, 136, 147
 Пюхчане 46, 71
 Обоенская пятаина 85
 Обоенжье 33
 Ока, р. 10
 Оленица, д. 85, 111, 130, 141
 Оленица, р. 45—46
 Оловец 79
 Олонецкая губ. 79, 113, 121
 Онега, г. 38—39, 50, 74—76, 81, 84—85, 88—89, 104, 112, 115, 117, 119, 127, 130—131
 Онега, р. 16, 29, 37—38, 44, 47, 66, 69, 79, 80, 94, 104—105
 Онежанин 50, 69
 Онежский берег 38, 44—45, 47, 56—58, 61, 68, 73—75, 81, 86—89, 94, 97, 102—103, 107—108, 110, 112—114, 117—118, 120, 122—131, 135, 137—140, 147, 154, 169
 Онежский залив 37—38, 76, 104
 Онежский рубеж 44
 Онежское оз. 66
 Онежский п-ов 60, 76, 78
 Онежский у. (округа) 68, 119, 151
 Орлец 42
 Патракеевская вол. 111, 115
 Переяславль Южный 169
 Пермь, пл. 16
 Петербург 113
 Петербургская, губ. 113
 Печора, пл. 5, 10, 16, 24
 Печора, р. 26, 66, 107, 143, 168—169
 Пинега, р. 26, 29, 33, 42
 Пинежане 30, 34, 46
 Пинежская округа 68
 Повенец, г. 112
 Повенецкий у. 62
 Поволжье 29, 30
 Подвинье 12, 29, 31, 33—34, 165
 Подпорожье, с. 105
 Подужемье, с. 111
 Покровское, с. 100
 Полочане 15, 18, 32
 Поляки 89
 Поморский берег 25, 37—39, 44, 48—49, 53—55, 57—61, 63—64, 68—70, 72—76, 78, 81—82, 84—89, 97—99, 101—102, 106—113, 115, 118—131, 135—137, 140, 146—148, 151—152, 154—156, 167, 169
 Поной, вол. 125—126, 130
 Поной, р. 31, 37—38, 47, 53—55, 62, 78, 105
 Поной, с. 36, 47. 63—64, 85, 93, 103—104, 130, 136, 143—145
 Понойская губа 37
 Понойский погост 63, 73
 Понойанин 47
 Поныгома, вол. 111
 Поныгома, д. 50, 59, 86, 89, 103, 127, 130, 141, 147
 Поныгома, р. 141
 Порожане 69
 Порья губа, вол. 49
 Порья Губа, д. 50, 85, 89, 130
 Прафинноугры 12
 Прибалтика 60
 Прибортня 56
 Приладожье 14—15, 22—23, 25
 Приполярье 166
 Протоболгары 18
 Пулопское оз. 49
 Пурнема, вол. 118
 Пурнема, д. 45, 58, 81, 97, 124
 Пустозёрск, 34, 66, 79
 Пустозёры 5, 35, 66, 80, 168
 Пушлахта, д. 38, 76, 85, 130
 Пялица, р. 37—38, 45—46, 53, 62
 Пялица, с. 47, 64, 82, 84, 127
 Ровдогорская вол. 52
 Ростов, г. 27
 Ростово-Суздальское княжество (земля) 26—27, 29—30, 32—33
 Ростовцы 27
 Ростовщина 29, 33
 Русский берег (Мурман) 73
 Ручьи, р. 51
 Ручьи, с. 53, 67, 84—85, 103, 127
 Рыбачий п-ов 71
 Саамы 17, 24—25, 47, 61—66, 69, 71, 76, 89, 109, 113—114, 116, 126, 143, 165—166
 Савинский починок 81
 Сальяволоок, д. 60
 Сальница, д. 85
 Сальница, р. 45—46
 Самондь 16, 24
 Свирь, р. 19
 Святой Нос 36—37, 73
 Северная Двина 11. 16—17, 24, 26, 29, 31, 40, 42, 54—55, 57—58, 60, 68—69, 74—75, 85—86, 91, 97, 106—107, 115, 123, 125, 130, 137, 143, 156, 164—165
 Северный Ледовитый океан 8, 39, 62, 66, 78—79, 93, 96, 109, 159, 167
 Семноостровский погост 65
 Сибирь 35, 60, 133
 Славяне 14, 15, 18, 32, 95
 Словене 15, 22, 32
 Скандинавия 15, 25
 Скандинавы 19, 68
 Солза, д. 44, 86, 130, 140, 144—145

Сорока, вол. 111—112, 129
 Сорока, р. 39
 Сорока, с. 36, 48, 84, 88, 113, 122, 125—126, 130, 136
 Сорокская губа 97—99, 135, 137, 154
 Сосновец, остров 38
 Сосновский погост 65
 Сояна, д. 67
 Стрельна, д. 84—85
 Стрельна, р. 45
 Сума, р. 57, 63, 104
 Сумляне 71
 Сумская губа 154
 Сумы, вол. 44, 70
 Сумы, острог 48, 50, 53—54
 Сумы, посад 82, 84—85, 87, 113, 115—116, 120, 136
 Сухое (Сухой Наволок), д. 48, 85, 136
 Сухой Наволок, вол. 70
 Сухопа, р. 19
 Сухопаволочане 71
 Сыктывкар 10
 Сюзьма, д. 75, 130, 140
 Тамица, д. 45, 97, 126, 135
 Татары 64, 89
 Териберка 136
 Териберский мыс 36
 Терпилов стан 68
 Терский берег 17, 25, 33, 37—38, 42—43, 45—46, 53—54, 57, 59—60, 62—65, 67—69, 72, 74, 76, 78, 82, 84—85, 88—89, 91, 94, 97—100, 102—104, 106—108, 110—115, 118—120, 122, 124—125, 127—130, 135—136, 138—144, 153—154, 156—157, 165, 167
 Терчане 78
 Терфинны 16
 Тетрин-Губка, р. 45
 Тетрин-Крестовая, р. 45
 Тетрино, вол. 118
 Тетрино, с. 82, 84, 154
 Тотемский, у. 79
 Точильный ручей 45
 Тре, обл. 42
 Тромсё, г. 62
 Турчасово 69
 Турчасовцы 48, 69
 Уемский приход 58
 Украинцы 89
 Удмуртская губ. 56
 Удмуртская вол. 45—46, 62—63, 68, 70, 73, 77, 83, 87
 Умба, с. 43, 63, 76, 91, 94, 111, 117, 122, 130, 140, 144—145
 Умляне 71
 Уна, посад 43, 81, 120, 130
 Унежда, вол. 48, 72
 Унежда, с. 111, 125
 Уннини 46

Урал 133
 Уральские горы 10, 26, 79
 Усть-мошане 69
 Усть-Кола 72
 Усть-цилемы 5, 35, 80, 168
 Уфа, р. 10
 Ухта, р. 60
 Ухт-Наволоки, мыс 38
 Ухтоостров, вол. 42, 52, 68
 Ухтоостровец 46
 Фильманы 126
 Финляндия 10, 12, 116, 120
 Финмаркен 62, 126
 Финно-угры 30, 32, 54, 68
 Финны 53, 56, 65, 79, 89, 96, 113, 116, 119, 164—165
 Хазары 18
 Харловка 136
 Холмогорская округа 68
 Холмогорский у. 119
 Холмогоры 38, 42—43, 57, 69, 74—75, 79, 86
 Цигломень, пос. 43
 Чаваньга, д. 84, 94
 Чаваньга, р. 45
 Чапома, д. 84, 94
 Чапома, р. 45, 53
 Чаронда, у. 79
 Челмахта, местн. 29
 Чепомка, руч. 45
 Черемисы 15
 Черниговское княжество 27
 Черная Река, вол. 49—50, 86
 Черная Река, д. 85, 94, 127, 130
 Чубала, д. 84—85
 Чубала, р. 52
 Чудское, оз. 10
 Чудь, пл. 14, 19, 23, 32
 Чудь заволоцкая 16, 19, 24, 69
 Чудь прибалтийская 19, 24
 Чупа, вол. 49—50
 Чупа, д. 86
 Шастоозеро, местн. 29
 Шведы 56, 68, 109
 Швеция 25, 53
 Шенкурский у. 119
 Шижья, д. 48—49, 53, 59, 70
 Ширшемский приход 58
 Шпицберген 39, 93, 112, 151, 157
 Шуеречане 71
 Шунга, вол. 70, 72, 112—113, 120—121
 Шунгский погост 72
 Шуя, вол. 48, 70
 Шуя, р. 44, 49, 63
 Шуя, Шуеречанское, с. 53, 59, 60, 71, 84—85, 111, 113
 Юг, р. 9
 Югин, р. 45
 Югра (йура), пл. 16—17, 24—26
 Яковлева курья, пос. 43
 Яренья, с. 11, 14

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РУССКОГО СЕВЕРА	9
§ 1. Этническая карта Севера Восточной Европы в IX в. Природные и социально-экономические факторы освоения Севера русскими	9
§ 2. Роль Ладоги в раннем проникновении славян на север	20
§ 3. Проблема соотношения новгородской и верхневолжской (низовской) колонизаций в освоении русскими Севера	26
§ 4. Опыт периодизации этнической истории Русского Севера с IV по XV в.	31
Глава II. ЗАСЕЛЕНИЕ РУССКИМИ ПОБЕРЕЖЬЯ БЕЛОГО МОРЕЯ. ФОРМИРОВАНИЕ ГРУППЫ ПОМОРОВ	36
§ 1. География и природные ресурсы Беломорья	36
§ 2. Заселение русскими беломорского побережья	41
§ 3. Формирование поморской группы. «Поморы» и «Поморье»	54
§ 4. Типы и характер поморских поселений. Численность поморов в середине XIX—начале XX в.	81
Глава III. ПРОМЫСЛОВАЯ СИСТЕМА ХОЗЯЙСТВА В ПОМОРЬЕ В XIX—XX вв.	90
§ 1. Рыболовство и промысел морского зверя	90
§ 2. Судостроение и торговля	108
§ 3. Подсобные промыслы	116
§ 4. Земледелие, животноводство, ремесла	121
Глава IV. ПРОИЗВОДСТВЕННО-ОБЩИННЫЕ ОТНОШЕНИЯ У ПОМОРОВ В XIX—XX вв.	132
§ 1. Формы владения и пользования водными и земельными угодьями	132
§ 2. Артельная организация на рыбных и морских зверобойных промыслах	148
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	164
Указатель географических и этнических названий	171